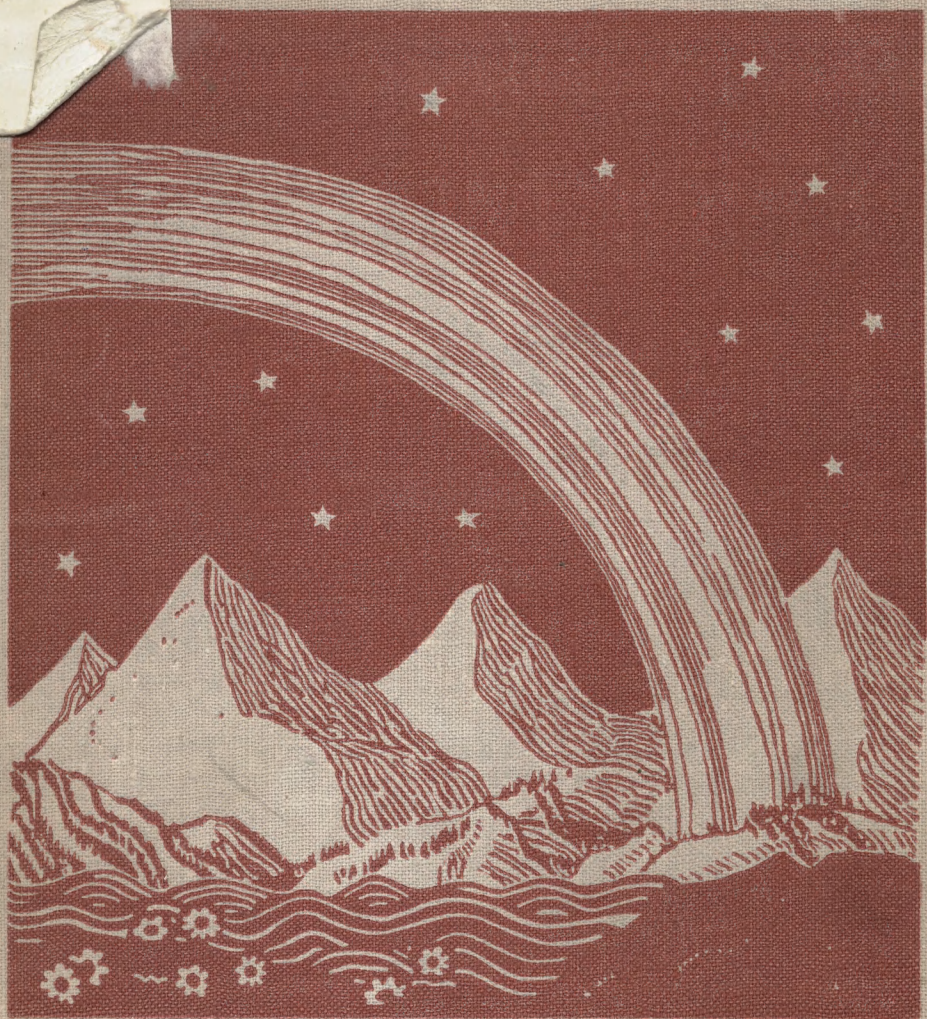

РОКУЭЛЛ КЕНТ

В ДИКОМ КРАЮ

РОКУЭЛЛ КЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

Москва
1965

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

РОКУЭЛЛ КЕНТ

В ДИКОМ КРАЮ

ДНЕВНИК МИРНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
НА АЛЯСКЕ

РИСУНКИ АВТОРА

МОСКВА • 1965

91 (И7)
К 35

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

WILDERNESS
*A Journal of Quiet Adventure
in Alaska*
by ROCKWELL KENT
New York, 1937

Перевод с английского З. В. ЖИТОМИРСКОЙ

*Редакция, послесловие и примечания
Н. Я. БОЛОТНИКОВА*

Почти полвека назад, в августе 1918 года, американский художник Рокуэлл Кент, взяв с собой восьмилетнего сынишку, уехал из «страны фарфоровых ванн», из тесноты «штампованных городов», из атмосферы, отравленной мировой войной, на далекую Аляску. Там, в глуши, вдыхая чистый воздух мира и свободы, они почти в полном уединении провели долгую, суровую зиму.

Рокуэлл Кент назвал свою книгу «Дневником мирных приключений», и прежде всего «приключений духа». И это действительно так. Перед читателем в величественной красоте предстает панорама дикого края. На этом фоне раскрывается внутренний мир автора. Читатель как бы становится свидетелем творческого процесса, он видит, как из-под кисти художника возникают новые картины, в частности помещенные здесь рисунки. Как и все книги Кента, она написана живо, увлекательно и остроумно.

*Почтенному Л. М. Олсону
и юному Рокуэллу Кенту,
жителям Лисьего острова,
с глубоким уважением
посвящается сей дневник*

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОЛЬШАЯ часть книги написана на Аляске, на Лисьем острове, и представляет собой регулярно пополнявшийся дневник. Записи предназначались не для печати, а исключительно для того, чтобы у нас самих, живших там, навсегда сохранилось немеркнувшее воспоминание об этом удивительно счастливом времени.

Непосредственная запись событий, каковы бы ни были ее недостатки, во всяком случае всегда несет на себе неопровержимую печать правды.

Кроме дневника использованы некоторые письма к друзьям. Ничего не меняя, я лишь кое-где добавил новый абзац или главу, чтобы получилось связное повествование — единственно возможный литературный аккомпанемент к помещенным здесь рисункам того времени. В целом это картина мирных приключений в диком краю, прежде всего приключений духа.

Читатель не найдет на этих страницах того, что привык ждать от рассказов о диком Северо-Западе. Удаление от городской цивилизации не принесло нам бурных переживаний. Главным чудом дикого края был глубочайший, всеобъемлющий мир.

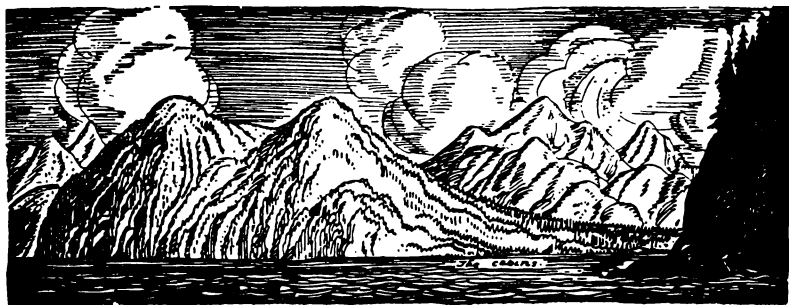
И люди, и звери, казалось, невозмутимо занимались своими делами и нисколько не мешали друг другу, слов-

но сознавая неограниченность своей свободы. Согласно горькой философии нашего приятеля, старого охотника, самое страшное из всех животных — человек. Ведь у зверей, когда они дерутся и уничтожают друг друга, всегда есть веские причины; только человек убивает просто так.

Эту счастливую повесть я начал не спеша у далеких вод залива Воскресения, а оборвал ее спокойную нить у злосчастного городского порога. Лисий остров мы нашли в воскресенье двадцать пятого августа 1918 года и расстались с ним навсегда в следующем году семнадцатого марта.

Арлингтон, Вермонт
декабрь 1919

Р. К.

ГЛАВА I

НАХОДКА

МЫ ГРЕБЛИ уже, должно быть, около часа, а полоса воды, казавшаяся шириной не больше мили, все не кончалась. На севере воздух так прозрачен, что человек, попавший сюда впервые, чувствует себя затерянным среди огромных вершин и пространств. На оставшемся за кормой берегу, над передней цепью гор, поднялись отдаленные пики. Впереди поросшие елью крутые склоны. Нас окружал дикий край, ничья земля, состоявшая из гор и скалистых островов, а к югу простиралась безграничная ширь Тихого океана.

Мирный, безоблачный летний день, мы гребем и гребем, продолжая поиски. Где-то, как мы мысленно себе рисуем, стоит, поджидая нас, заброшенная избушка, которую построил какой-нибудь рыбак или старатель. Избушка, рощица, укрытый берег, поблизости родник или ручей с чистой холодной водой. Мы могли бы нарисовать эту картину во всех подробностях вплоть до открывающегося нам вида на море, горы и прекрасный Запад. Нас обоих, мальчика и взрослого, привела в эти новые земли только мечта. Нам привиделся северный рай, и вот мы здесь, чтобы найти его. Будь наша вера

слабее, поиски в незнакомом краю того, что нам только снилось, могли бы показаться безнадежными. Но у нас не было и тени сомнения. Плыть по морям, которых нет на карте, следовать изгибам девственных берегов — вот жизнь, достойная мужчины! По мере того как перед глазами разворачивается новый берег, в воображении невольно возникает картина подстерегающей человека трагедии. Вот этот величественный океанский утес таит в себе страшную угрозу кораблекрушения. А на тот высокий уступ тебя, может быть, выбросит волной, и там, где в течение полувека находит себе опору замученная бурями карликовая ель, пожалуй, и ты сможешь как-нибудь зацепиться. Сотни раз в день думаешь о смерти, вернее, о том, как избежать ее, рассчитывая лишь на собственную силу и мужество. Но едва контуры берега чуть смягчатся, предвещая небольшую бухту или залив, тотчас начинаешь представлять себе всю тихую прелесть надежной гавани: спокойные воды и берег, к которому можно пристать, собственный дом с усадьбой на земле, расчищенной от леса, и спускающиеся к морю пастбища.

Мы пересекли залив, подплыли к густо заросшему лесом берегу и теперь пробирались вдоль него на восток, к месту, где открывался широкий вход в бухту. Вдруг непонятно откуда появилась маленькая рыбацкая моторка и пошла нам навстречу. В лодке сидел какой-то старик. Мы обменялись приветствиями и остановились бок о бок побеседовать. Без обиняков рассказали старику, кто мы и чего ищем.

— Поехали со мной, — воскликнул он радушно, — я покажу вам хорошее местечко! — Он кивнул в сторону океана, где прямо на солнечной дорожке возвышалась темная громада гористого острова. Мы перебросили конец, и старик повел нас на буксире к югу.

Подул легкий бриз. Высоко задрал нос, лодка неслась по гребням мелких волн, обдававших нас сверкающими брызгами. Мы плыли прямо навстречу слепящему солнцу, и было смешно, что нас везут неведомо куда. Чудной старик тащил и тащил нас за собой; за все время он не произнес ни слова и даже головы не повернул, точно боялся, что мы в любой момент захотим отцепиться.

«ЗРАТУСТРА ВЕДЕТ ЗА СОБОЙ САМОГО УРОДЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ ЕМУ КАРТИНУ НОЧНОГО МИРА, БОЛЬШУЮ КРУГЛУЮ ЛУНУ И СЕРЕБРЯНЫЙ ВОДОПАД БЛИЗ ЕГО ПЕЩЕРЫ»

Наконец мы добрались до подножия острова. Он был поистине колоссален, с совершенно отвесными склонами и, насколько мы могли судить, лишен всякого подобия гавани. Но еще минута — и, обогнув большой мыс в северной части острова, мы оказались в объятиях открывшейся полукругом бухты. Итак, мы на месте!

Что за зрелище! Две величественные горы возвышаются по обеим сторонам бухты. Их склоны образуют углубление, по форме напоминающее гамак, низшая точка которого находится прямо над центром полукружия бухты. Вдоль побережья тянется чистый и ровный пляж, усыпанный темной галькой; линия прилива намечена прибитым к берегу плавником — сверкающими белизной истертыми и расщепленными остовами деревьев с корнями фантастической формы. Над пляжем пояс яркой зелени, а еще выше густая чернота леса. Все это было так грандиозно, что сначала мы напрасно отыскивали какие-либо признаки жилья, пока наконец, еще не вполне веря своим глазам, не увидели, как предполагаемые валуны принимают форму домиков.

Лодки причалили, мы выпрыгнули на берег и с радостью бьющимися сердцами стали взбираться по пляжу на твердую землю, не переставая дивиться и восклицать: — Невероятно, не может быть, это сон!

Мы стояли на зеленой лужайке, окаймленной с одной стороны аккуратно подстриженным ольховым парком, простиравшимся до подножия горы; с другой стороны лужайка тянулась вдоль моря, местами исчезая в лесу. В центре вырубки стоял домик старика. Хозяин пригласил нас войти. Одна небольшая комната, опрятная и удобная; сквозь окна, обращенные на юг и на запад, льется теплый поток солнечных лучей; печь; у окна стол с аккуратной стопкой тарелок. Несколько полок, занятых провизией, и одна с книгами и газетами. Койка покрыта ярким полосатым одеялом. Сапоги, ружья, инструменты, табачные коробки, лестница, ведущая на чердак, в кладовую. И наконец, сам старик — швед, низенький, круглый, крепкий, с лысиной, похожей на тонзуру, с широким скуластым лицом и толстогубым ртом, склад ко-

НЕИЗВЕДАЕМЫЕ ВОДЫ

торого обнаруживал доброту и чувствительность. Небольшие глазки его искрились от удовольствия.

— Это все мое,— сказал он,— если хотите, можете жить здесь со мной. И с Нэнни,— добавил он, так как в этот момент не только Нэнни, но и прочие ангорские козы всем семейством — папа, мама и детеныш — пожаловали в дом и, поводя дурашливыми мордами, стали обнюхивать и переворачивать все, что удавалось, в поисках пищи. Хозяин повел нас к лисьему питомнику в нескольких ярдах от дома. Зверьки, забившись в дальний угол, поглядывали на нас с недоверием. Затем, показав нам старый бревенчатый сарай для коз, он сообщил, что чуть дальше в лесу, неподалеку от моря, у него есть новый свободный сарай.

— Теперь идемте,— торжественно сказал старик,— я покажу вам свою заявку на участок. Я заготовил все по форме и думаю скоро получить лицензию из Вашингтона. Застолбил пятьдесят акров. Так написано в заявке, и пусть теперь кто-нибудь попробует отобрать у меня все это!

Тем временем мы подошли к высокой ели, к стволу которой он давно уже прикрепил защищенную навесом дощечку с драгоценным документом. О ужас! Дощечка была пуста, лишь на одном гвоздике еще висел обрывок бумаги.

— Билли, Нэнни! — в притворном гневе загремел старик, грозя кулаком преступникам, которые с глупым видом глядели на него, на сей раз предусмотрительно оставаясь на расстоянии.

— А теперь на озеро!

Мы шли по аллее, образованной высокими елями. Солнце бросало блики на дорожку, заставляя то тут, то там пламенем вспыхивать в лесном мраке какой-нибудь яркий гриб. Вправо и влево от нас далеко вглубь уходили шеренги деревьев, а впереди виднелось широкое, освещенное солнцем пространство — долина между холмами, в которой и лежало озеро. Это было настоящее озеро, широкое и чистое, протяженностью во много акров. Отраженный в нем склон горы вместе с багровым закатным небом лежал у наших ног. Ни малейшее дуновение ветра

не нарушало водную гладь, даже самая легкая рябь не пробегала вдоль каменистого берега. Здесь царили мертвая тишина и неподвижность, не считая, пожалуй, глухого шума прибоя и двух орлов, которые парили в небе, выглядывая добычу на вершине горы. О возвышенная минута! Есть такие моменты в жизни, когда ничего не происходит, но умиротворенная душа распрямляется свободно.

Время торопило, и мы повернули назад.

— Посмотрим теперь второй сарай, а то пора уезжать.

Старик повел нас коротким путем. Избушка стояла посреди затененной вырубki. Это был бревенчатый домик приличных размеров с таким низким входом, что приходилось нагибаться. Внутри было совершенно темно, только в западной стене прорублено небольшое оконце. Там помещались загоны для коз и клетки, в которых Олсон разводил прежде бельгийских кроликов. Под коньком крыши висело маленькое беличье колесо, шаткий пол покрыт грязью. Но я знал, во что можно превратить этот сарай. Достаточно было одного взгляда, чтобы решить: «Поселимся здесь». Затем, вернувшись к лодке, мы обменялись торжественными рукопожатиями в честь великого события — быстрой находки того, что искали, и поскольку мы никак не могли сразу остаться, как упрашивал старик, то пообещали, что, не задерживаясь, тотчас переберемся со всем нашим добром.

— Меня зовут Олсон, — сообщил он. — Вы здесь будете к стати. У нас дело пойдет.

Налетел южный ветер и погнал по морю белые барашки. Мы весело налегли на весла. Уже подплывая к другому берегу, увы! слишком поздно мы заметили вдали маленький белый парус. Хозяева этой яхты немного подвезли нас на пути от города, а теперь бороздили залив, отыскивая нас. Пришлось повернуть и идти следом, пока наконец мы не съехались, к величайшему облегчению для них и для наших усталых рук.

ГЛАВА II

П Р И Б Ы Т И Е

ДНЕВНИК, который мы вели на Лисьем острове, начинается днем нашего окончательного переезда, средой, двадцать восьмого августа тысяча девятьсот восемнадцатого года.

В этот день в Сьюардской гавани в девять часов утра мы столкнули на воду нашу лодку, укрепили на корме моторчик марки «ивенрюд» мощностью в три с половиной лошадиных силы и начали погрузку.

Так как большая часть рассказа, который пойдет ниже, неизбежно будет заключаться в описании бесчисленных подробностей и мелочей нашей повседневной жизни, начнем сразу же с полного перечня того, что мы везли с собой, полного, разумеется, лишь настолько, насколько это сохранилось в записи:

1 юконская печка
4 железных печных трубы
1 метла
1 большая миска для теста

1 умывальный таз
1 горшок для тушения бобов
1 глубокая миска
скиннидар

льняное масло	2 блюда
гвозди и т. п.	4 кувшина
10 галлонов бензина	2 подушки
10 фунтов риса	2 ватных одеяла
5 фунтов ячменя	1 рулон толя
10 фунтов кукурузной муки	1 сковорода
10 фунтов геркулеса	3 хлебных формы
10 фунтов кукурузной крупы	10 фунтов перуанских бобов
10 фунтов манной крупы	10 фунтов фасоли
10 фунтов сахара	5 фунтов мексиканских бобов
50 фунтов пшеничной муки	10 фунтов макарон
2 коробки отрубей	12 банок помидоров
6 банок какао	100 фунтов картошки
1 фунт чаю	10 фунтов сушеного гороха
1 ящик сгущенного молока	5 фунтов соли
8 фунтов шоколада	1 галлон арахисового масла
1 галлон сиропа	1 галлон джема
1 галлон растительного масла	перец
1 кусок бекона	дрожжи
2 банки яичного порошка	5 фунтов чернослива
2 банки сушеных бобов	5 фунтов урюка
6 лимонов	5 фунтов моркови
2 коробки блинной муки	10 фунтов лука
10 фунтов пшеничной крупы	4 банки консервированного супа
6 кусков туалетного мыла	12 свечей
3 куска стирального мыла	спички
6 чашек	чайник
4 мелких тарелки	ведра и т. п.
4 глубоких тарелки	

Кроме того, мы везли тяжелый сундук с книгами, красками и т. п., вещевой мешок, чемодан и еще кое-какие пожитки. Когда все это упрятали в лодку, для нас самих почти не осталось места. Все же в десять часов утра мы отчалили под веселое тарактение нашего моторчика и начали путь к Лисьему острову.

Едва мы отъехали на три мили, как внезапно раздался громкий выхлоп, послышалось жужжание, мотор заработал вхолостую, и лодка замерла на спокойной серой поверхности. В ближайшей точке берега, примерно в миле от нас, сквозь туман с трудом можно было различить рыбачью хижину. Туда мы и направили лодку, чудом ухитряясь грести со своего возвышения на груде вещей и припасов. На берегу выгрузили бесполезный мотор, а также бензин и батарею, освободив для себя местечко, чтобы можно было действовать веслами, и под против-

ным мелким дождиком пустились в долгий, долгий путь к острову. Выполняя чересчур точно инструкции по курсу, я удлинил остаток пути до двенадцати миль, и это расстояние, сам не знаю как, мы покрыли за четыре с половиной часа. К счастью, море было абсолютно спокойным. Рокуэлл оказался просто кладом. Почти без передышки он греб тяжелыми веслами, с которыми поначалу едва справлялся, и, когда мы добрались до места, он был в превосходном настроении.

Выгрузились мы с помощью Олсона, которого, кстати, пора представить поподробнее, и пока что убрали имущество в его дом и сарай. Сварили обед на его печке и эту и следующую ночь спали на его полу; затем, приведя к этому времени свое жилье в сносное состояние, мы покинули дружеский кров Олсона ради самого гостеприимного и приветливого и в общем самого удобного в мире — крова собственного дома.

Олсону лет шестьдесят пять. Он принадлежит к числу пионеров Аляски, знает страну вдоль и поперек. Он добывал золото на Юконе, был в Номе, когда там разразился первый приступ золотой лихорадки. Он ставил капканы на протяжении тысячи миль побережья. А теперь этот вечный неудачник, по-прежнему полный планов, стал владельцем питомника с двумя парами лисиц и стада из четырех коз. Это добродушный, веселый человек, обладающий широкими познаниями и подлинной мудростью.

Карта в начале главы изображает наши владения на Лисьем острове. Избушка, в которой мы поселились, построена с год назад как убежище для ангорских коз. Это грубое сооружение из бревен, площадью примерно четырнадцать на семнадцать футов, совсем темное, не считая маленькой дверки и оконного отверстия размером два на два фута, выходящего на запад. В первое же утро мы принялись за работу и, как уже говорилось, за два дня превратили козий сарай в место, пригодное для жилья, хотя, конечно, ему еще далеко было до того роскошного дома, какой мы собирались себе сделать. Наша хижина в теперешнем ее виде — результат труда еще нескольких недель. Описать ее — значит отчитаться почти за все время до начала регулярных дневниковых записей.

ПОСТРОЙКА ДОМА

Итак, ступите сначала на шаткое дощатое крыльцо — роль этой передней террасы выполняет подаренная нам морем крышка люка с какого-то злополучного судна; теперь нагните голову, чтобы рост ваш не превышал четырех футов шести дюймов, и, потянув щеколду за веревку, войдите. Прямо перед вами в южной стороне темноватого помещения окно с переплетом, готовое впустить больше света, чем проникает сквозь толщу стоящего за домом леса. Прибитый к краю окна стол завален бумагой, карандашами, красками и кистями. По обоим длинным стенам избушки на высоте пяти футов от пола вплоть до карниза тянутся полки. Та, что справа, заполнена провизией в мешках, жестянках и коробках, на левой помещается белье, игрушки, краски и флейта, а в дальнем углу, как принято, уже на стоячей полке — библиотечка. Можем взглянуть и на книги. Вот они:

«Очерки об Индии» Кумарасвами
«Греческие язы»
«Дети воды»
«Робинзон Крузо»
«Эдда» в прозаическом переводе
«Путешествие Ансона»
«История ирландской литературы» Дугласа Гайда
«Илиада»
«Горшок золота»
«Одиссея»
«Сказки» Андерсена
Оксфордская хрестоматия английской поэзии
Домашняя медицинская библиотека
«Стихи» Блейка
«Жизнь Блейка» Гилкрита
«Лесные жители», «Пещерные жители», «Морской народ» и т. д.
«Таблица приливов на Тихоокеанском побережье»
«Так говорил Заратустра»
«Книга океана»
«Альбрехт Дюрер», краткая биография
«Вильгельм Мейстер»
Нансен. «Во мраке ночи и во льдах»¹

В центре правой стены небольшое низкое окошко, под ним обеденный стол. Слева, у самой двери, где мы стоим, юконская железная печка, а за ней еще одна полка с продуктами. Под ногами новый пол из широких нестру-

ганных досок. Деревянный помост в левом углу подле печки — это крсвать. Одежда висит под полками; кастрюли, сковородки, лыжи и пилы тоже развешаны по всей стене. Есть полка для тарелок; за дверью ларь для картошки и свеклы, так сказать, наш погреб; сундук и ящики заменяют стулья, есть одна табуретка — для красоты; по углам топоры и целая куча обуви. Вот и все, что можно охватить взглядом в этом жилище искателей приключений.

Когда мы в первый раз сюда пришли, избушку тесно окружали деревья и до самого берега тянулись густые заросли высокой ольхи вперемежку с молодыми елочками. День за днем мы занимались расчисткой, прорубая проходы и просеки. Поначалу это нас устраивало, но потом мы стали расширять их, пока они не слились, и тогда избушку осветило солнце. Стало светлее и суше, а впрочем, это вздор, и я, должно быть, спутал дневной свет с солнцем. За все три недели нашего первого пребывания на острове я не припомню и двух ясных дней.

Чтобы удостовериться в истинном положении вещей, сделаем выписку из дневника Олсона. Вот она слово в слово с сохранением для внушительности его собственной фонетической транскрипции:

Воскресенье, авг. 25-е — Очен хорошей День. В близи Хэмп Бэй поймал 2 киты худошник приехал сево Дня и уехал в сюарт за снаряженем и собираюца провести Сдесь Зиму в новой Исбе

Ср. 28-е.— Мелкий дощ и холот. Мистер Кинт и ево сын пре-хали ис сюарта нонешний день козы неприходили всюноч

Чет. 29-е. козы вирнулис 12.30 п. п. М-р Кинт пре спосаблеваит Исбушку. Мелкай дощ всюноч и вес день

Пят. 30-е.— Очен хорошей день

козы с нова фгорах. Ставляли окна.

Суб. 31-го. Туманай День. Бальшой паракот на сюарт

Воск. 1-е — Зделал прахотку па острову.

Пасмурна.

П. 2.— Буря здожём с Ю. В. все козы намести

В. 3. Мелкай дощ весдень

С. 4.— ездез в сюарт

Ч. 5.— Вернулса Дамой 1. п. п.

П. 6.— Мелкай дощ тиха вес День

С. 7.— Буря здожём с Ю. В.

Воск. 8 — Сильная буря здожём с Ю. В.

- П. 9.— » » » » »
 В. 10 — » » » » »
 С. 11.— первая холодная ночь в эту осень.
 Тихий ясный день.
 Ч. 12. Пасмурно и тихо. Бугсир збаржою прошли на Запат.
 П. 13. Паракот с Юга 5.30 п. п. Мелкий дождь и тихо.
 С. 14. Дождь лет как извидра козачка каралева в Исбе этим утром
 грузовой паракот с запада на сюарт
 Воск. 15.— Дождь как из Видра вес День. козы ф доме вес Ден. юго-
 Вост. шторм
 П. 16.— Ю. В. шторм. здожем
 В. 17. Лет вес ден. Север Вост. шторм пена и баражки по фсюду.
 С. 18. Очень ясно М-р Кинт спарнишком уехали сутра в сюарт
 Ч. 19.— Жуткий дождь лет весден паракот на сюарт запада 4. п. п.
 П. 20 — дождь лет весден
 С. 21 — Очень жестокая буря здожем с Юго-Вост — Баражки па
 фсюду.
 Вос. 22.— Паракот запада на сюарт в 2 п. п. прелиф очень высок
 до шол до травы и прибойной волной Збаламутил вес Плавающий лес
 у берега. Лёт зверзки.
 п. 23.— лёт вес Ден
 в. 24.— снег нагорах на большой Зимле трех мачтовая шихуна
 запада на сюарт На буксире у моторки апять сего Дня дождь. М-р
 Кинт и его сын вирнулис домой наостроф ввичиру.

Прервал запись, потому что дрова почти прогорели и холодный ветер проникал внутрь сквозь десятка два больших щелей в стенах. Самую хорошую бревенчатую избу, как мне говорили, и то нужно раз в год проконопатить, а моей, сколоченной кое-как, сейчас это просто необходимо. Некоторые щели шириной в четыре-пять дюймов и длиной до двух футов. Чтобы их законопатить, мы набрали много мха, но этот упорный дождь никак не дает ему высохнуть.

Итак, дождь льет, и льет, и льет.

С тех пор как начат этот дневник, не было ни одного ясного дня, и из тех семнадцати дней, что мы живем на острове, всего лишь один прошел без дождя. Один только раз был безоблачный восход. В тот день я проснулся на рассвете и сквозь маленькое квадратное окошко, выходящее к морю, увидел на западе синие, густо-синие горы на розовом фоне неба. Наконец где-то поднялось солнце. Оно тронуло пики и свисающие с них ледники и стало расти и расти, пока не оттеснило в море тени других пиков и все ряды гор не предстали в полном

ЗАГОТОВКА ДРОВ

утреннем свете. Сумерки тянутся здесь поразительно долго, пока солнце сползает за горизонт.

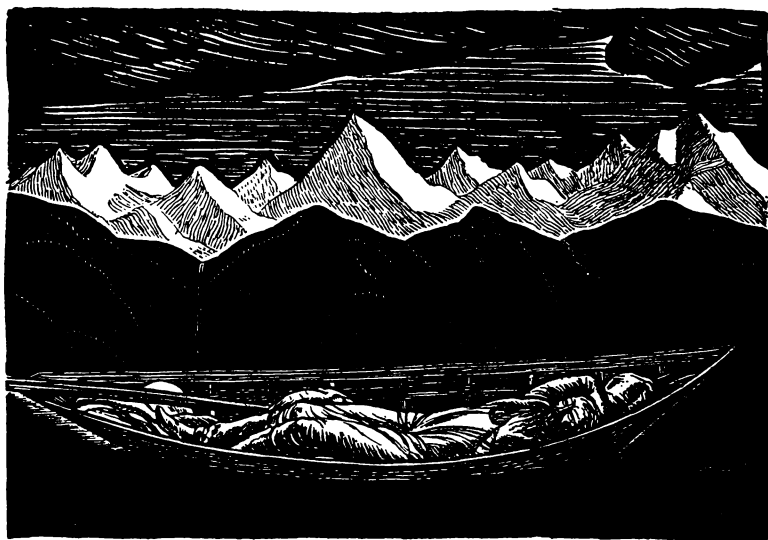
Подумать только, что этой зимой мы месяцами не увидим солнца, его лучи лишь едва будут касаться вершин над нами или далеких гор. Странной покажется жизнь без нашего милого теплого солнца!

Не знаю, можете ли вы представить себе, какое это наслаждение быть первооткрывателем! Жить в краю, где любое самое прекрасное место может стать твоим, если только пожелаешь! Намечать и создавать просеки, аллеи, парки и наводить порядок среди дикой природы! Конечно, все, или почти все, уже было сделано до меня. Но, расчищая лес вокруг и совершенствуя свою усадьбу, я тоже испытал это чувство. Что за прекрасная здоровая жизнь!..

Другой день. За стеной бушует буря. Сегодня я заткнул самые большие щели в стене шерстяными носками, свитерами и всякой другой одеждой. Стало так тепло и уютно. Заходил Олсон, и мы долго беседовали. По-моему, его рассказы могли бы послужить материалом для увлекательной приключенческой книги. Стоит лишь взять историю его жизни или хотя бы солидную порцию из тысячи входящих в нее фантастических эпизодов, оформить надлежащим образом — напечатать карту той части побережья, где он больше всего бродил, — и, ничего не меняя, буквально пересказать его историю, в высшей степени правдивую, насквозь пропитанную ароматом этой земли, и я уверен, что никакая другая повесть об освоении новых краев и захватывающих приключениях не сравнится с ней. Олсон — тонкий философ, и собственные критические наблюдения придают его речам благородное достоинство. Когда Олсон в восьмидесятые годы вернулся в Айдахо из первой поездки на Аляску, приятель его, трактирщик, выскочил навстречу ему на улицу и, обхватив, потащил на его обычное место. «Садись-ка, Олсон, — сказал он, — и выкладывай нам про Аляску, все как есть с начала и до конца!» И вот путешественник поведал толпе свою длинную и дивную повесть.

Наконец он умолк.

«Олсон, — воскликнул его друг, — это могло бы соста-

спящий

вить величайшую в мире книгу, даже если все это вранье!»

Ух как злится буря!

Сегодня у меня отлегло от сердца: Рокуэлл, у которого на пальце, по-видимому, ногтееда, стал поправляться в результате лечения, на которое героически согласился. Я уже мысленно готовился к операции; предполагаемый метод — глубокое сечение до кости. Лечить такие болезни — не шутка, если только не принадлежишь к числу людей типа Олсона; тот, если бы ему причинял беспокойство собственный глаз, не задумываясь, вырвал бы его, а потом, без сомнения, наполнил бы пустую впадину жеваным табаком.

Мы добрались до среды, восемнадцатого сентября.

Этот день был солнечный. Мы с Рокуэллом поплыли на лодке в Сьюард; по пути было остановились, чтобы забрать мотор, который оставили в прошлый раз, но прибор оказался слишком сильным. В Сьюарде весь берег был усеян лодками, разбитыми или поврежденными во время последнего шторма. Мало того, ледниковая речка, протекающая через город, превратилась в бурный поток; местами смыло ограду, один мост разрушен, железнодорожные пути затоплены, больница окружена водой, ее чуть не унесло течением. На следующий день, когда снова лил дождь, мы видели, как сестры милосердия в своих черных платьях и в болотных сапогах удирали по воде в более безопасное место. Шторм не прекращался и в течение следующих дней. Несмотря на то что я принял, казалось бы, достаточные меры предосторожности относительно нашей лодки, в самый разгар шторма ее подхватило прибоем редкой силы, внесло высоко на берег к другой выброшенной из воды лодке и придавило там тяжелым столбом, вырванным из причала. Впрочем, наша лодка уцелела.

В Сьюарде нам с Рокуэллом было скучно. Не для того же мы уехали из дому в такую даль, чтобы жить в этом городишке! Америка не в состоянии представить туристу ничего, кроме красот ландшафта. Все американские города отлиты по одной форме, как бы порождены одним идеалом. В постройках одного и того же периода на

востоке и западе страны я не замечал никаких признаков различия в характере и замыслах, ни малейшего намека на традицию, никаких следов влияния местных условий. Ни в одном типичном американском доме или городе, где я бывал, нет ничего, на чем бы не лежал штамп «сделано у нас». В архитектуре Аляски преобладают такое безобразное убожество и банальность, что это почти можно было бы назвать стилем, но и тут она недостаточно уродлива. Где-то в канадских Скалистых горах в совершенно диком месте затерялся городок, состоящий из одной улицы, которая тянется вдоль подножия хребта. Над всеми постройками возвышается двух- или трехэтажное здание Королевского отеля, представляющее последнее слово базарной пышности. Отель и горы! Вопиющая обнаженность этого контраста прямо величественна!

Третьего сентября я писал одному из друзей: «Меня поражает здесь чрезмерно робкое отношение к морю; жители постоянно говорят об опасных течениях и ветрах в тоне, который совершенно непостижим для меня и, думаю, для любого американского рыбака. Все же я должен быть осторожен. Олсон говорит, что зимой иной раз по целым неделям невозможно добраться до Сьюарда. Ну что ж, я поверю этому, когда попробую и влипну сам».

И вот тремя неделями позже, во вторник, двадцать четвертого сентября, мы в Сьюарде. Утро было тихое, дождь перемежался с солнцем, но день казался подходящим для возвращения на остров. Нам с Рокуэллом стоило порядочных усилий спустить лодку на воду, так как из-за отлива ее пришлось далеко втащить. Но в конце концов мы справились с этим, погрузили наше добро, а именно: два больших ящика с бакалеей, пятьдесят девять фунтов репы, печку, пять железных печных труб, ящик с досками для картин, двести футов багета размером дюйм на два дюйма, чемодан, лыжи и еще несколько пакетов и свертков.

Ровно без четверти одиннадцать мы отчалили. В этот самый момент солнце распрощалось с нами на весь день, и начал сеять непрерывный мелкий дождь. Примерно к концу третьей мили нас нагнал на моторной шлюпке ры-

бак, направлявшийся на свою базу милях в трех дальше по берегу. Он взял нас на буксир и, когда мы добрались до базы, пригласил к себе на чашку чая; рыбак оказался англичанином. Вопреки благоразумию я согласился на эту задержку. Сытно пообедав, мы оставили его бухту в два пятнадцать. Дождь продолжал моросить, и слабый бриз тянул с северо-востока. Нам предстояло пройти на веслах еще семь миль. Близ Каиновой Головы нас атаковали южные шквалы, и какое-то время мы сомневались в истинном направлении ветра. Взяли курс прямо на Лисий остров и тут же почувствовали в лицо восточный ветер, который пришлось с трудом преодолевать. К счастью, я предвидел усиление ветра и решил, не теряя времени, продвинуться как можно дальше, держась подветренного берега. Тем временем начался отлив, и я надеялся, что течением нас поднесет к острову. Мы продвигались хорошо, но вскоре на нас стали обрушиваться сильные порывы ветра.

Исход дня не сулил ничего хорошего. Тяжелые тучи неслись по небу, предвещая ливень. Гористый остров казался иссиня-черным, вода же была светлая, яркого желто-зеленого цвета. Над морем ветер задувал бешеными шквалами, поднимая высокие пенистые валы и опасную зыбь. Я налегал на весла изо всей силы и, с ужасом вглядываясь в подветренный берег — линию бурунов и крутых скал, ясно сознавал возможность крушения. Рокуэллу, который все время мужественно греб, тяжело доставалась борьба с разгулявшимися волнами и ветром. К счастью, только в редкие минуты он понимал, какая опасность нам грозила.

Теперь мы все время гребли под прямым углом к намеченному курсу. Вся надежда у меня была на то, что удастся повернуть лодку против ветра раньше, чем бушующие волны и буря одолеют нас и понесут прямо на страшный берег, где уж явно нечего было ждать спасения. Став против ветра, я имел выбор между двумя возможностями: укрыться в какой-нибудь бухте или, подгоняемый ветром, продолжать путь к Лисьему острову. Море так и бурлило под непрерывными ударами ветра,

ЛЕБЕДКА

взбивавшего брызги в пар, гигантский котел кипел. Я пригнулся к веслам и собрал все свои силы до последней капли, чтобы противостоять буре. То были грозные минуты, потому что я ясно видел, что нас ожидает, если мы прекратим борьбу и проиграем сражение.

— Папа, — вдруг слышу я за спиной в самый трагический момент тоненький голосок Рокуэлла, — утром, когда проснусь, я иногда играю, как будто мои пальцы на ногах еще спят, и я велю большому пальцу подняться первым, потому что это палец-папа.

В другой раз, когда Рокуэлл чуть-чуть, ну самую малость, испугался, он сказал:

— Я ведь хочу стать моряком, поэтому учусь не бояться...

В конце концов нам удалось повернуть к острову. Это случилось как раз в той единственной точке, в которой мы могли и должны были повернуть, если судьба нам благоприятствовала. Прикрытия острова мы достигли с невероятной быстротой. Волны, обгоняя друг друга с бешеной скоростью, бурлили за кормой, словно хотели поглотить нас, а потом так быстро и ровно несли на своих гребнях, что, если бы не страх, это было бы самым успокоительным и приятным движением на свете. Когда мы огибали мыс у входа в бухту, буря последним отчаянным усилием накренила наше не имеющее паруса судно и понесла прямо на скалы. Прошли минуты, прежде чем мы смогли выровняться и, поставив лодку против ветра, отгresti от берега, до которого оставалось не более двадцати футов. Олсон уже поджидал на берегу со снастями, готовясь вытащить лодку из прибой. Пристали благополучно. Я поглядел на часы: было четверть шестого (на последние четыре мили у нас ушло три часа!).

Лодка Олсона была вытащена на траву и надежно привязана. Вскоре рядом поместилась и моя. Приливы и сильное волнение в это время года заставляют соблюдать все предосторожности.

Ночью ветер продолжал усиливаться, пока не перешел в ураган. Надо ли объяснять, почему на этот раз Рокуэлл с отцом спали, крепко обнявшись?

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Двадцать пятое сентября, среда

Весь день штормовой ветер с северо-востока. Наведя порядок в доме и развесив у печки отсыревшие одеяла, я принялся рубить большую сосну, верхушка которой пропускает мало света в главные наши окна. Но и после этого останется еще несколько деревьев, заслоняющих от нас солнце. Если убрать их, у нас будет достаточно светло даже зимой, когда оно спрячется. Я обрадовался, обнаружив, что окно моей мастерской выходит на юг. Солнце, разумеется, не будет мне мешать, и в то же время мне кое-что перепадет от его блеска, отраженного снежной вершиной нашей горы. Мы с Рокуэллом немного попилили. Я не перестаю поражаться его силе и выносливости.

Рокуэлл прочел девять страниц в своей книге про пещерных жителей. За это после ужина ему полагалось еще девять из «Робинзона Крузо». Он раздевается, прыгает в постель и, привалившись к моему боку, слушает, как я читаю. История «Робинзона Крузо», как никакая другая книга, захватывает его юное воображение и превращает весь этот остров в место удивительных приключений.

Двадцать шестое сентября, четверг

Я все больше убеждаюсь, что погода последних дней типична для Аляски. Идет дождь не очень сильный, но почти без перерывов. Все отсырело, кроме печки и стены позади нее; растительность насыщена влагой, глубокий мох, устилающий почву в лесу, пропитался, как губка. Мы взяли мох, собранный несколько недель назад и разбросанный по берегу для просушки, и этим сочащимся водой материалом начали конопатить свой домик. Дело идет быстро, и стыки с крышей почти заделаны с обеих сторон. Контраст разителен: сегодня, когда я пек печенье на ревущем огне, жара была почти невыносимой. Обычная заготовка дров и воды; небольшая возня с изготовлением письменных принадлежностей; на ужин манная каша с кукурузным хлебом и арахисовым маслом и чай; шесть страниц для Рокуэлла; вот и все дела за день, не считая этой записи.

Двадцать седьмое сентября, пятница

Наконец-то погожий день вслед за светлой, лунной ночью. Я весь день провозился дома: почти закончил конопатить, колол и пилил дрова. Добавил еще затычек к дверной раме, сделал шаблон и для подрамников распилил на части длинные рейки, привезенные в последний раз из Сьюарда. Рокуэлл весело помогал мне, прибегая по первому зову, а в промежутках играл на берегу в морское путешествие, охотился на воображаемых диких зверей с помощью лука и стрел образца каменного века и был, как всегда, так доволен, так счастлив, что день показался ему чересчур коротким.

Как прекрасны здесь вечера и ранние утренние часы в ясную погоду! Солнце не возникает на небе внезапно, чтобы также внезапно исчезнуть ночью, но восходит и заходит так степенно и обстоятельно, что почти весь день продолжают сумерки и спокойные розовые краски утра и вечера почти сливаются. На рассвете, глядя в маленькое западное оконце, мы видим в необыкновенно прекрасном освещении далекого солнца цепи гор на той стороне залива, начиная от темного ряда у края воды и до самых больших вершин, увенчанных ледниками и вечным снегом.

Сегодня на ужин блюдо, приготовленное из молока Олсоновой козы, — «простакаша» (фонетическая транскрипция), попросту кислое молоко с густыми, как желе, сливками наверху. По любимому выражению Рокуэлла, это роскошно.

Двадцать восьмое сентября, суббота

День, хотя и ветреный поначалу, но пасмурный, вскоре разразился дождем, и сейчас, когда я пишу это, продолжает моросить. Тем не менее мы много успели: очистили от молодой поросли участок леса между домом и берегом, срубили еще три дерева и одно, гигантское, даже распилили. В обед примчался Олсон в страшном возбуждении. В лесу, на тропинке близ озера, он увидел сразу пять выдр. Они шли от воды и остановились футах в двадцати от него и козы Нэнни. Здесь выдры стали играть, и это продолжалось достаточно времени, чтобы Ол-

сон мог сделать дюжину снимков. После обеда мы видели на скалах в одном конце пляжа много выдр. Они то влезали в воду, то вылезали, совершая время от времени небольшие заплывы во внешнюю часть гавани, а потом загоняли друг друга назад и играли в прятки между скалами. Сегодня вечером я приготовил все свои доски, чтобы начать работать; собираюсь писать на них с обеих сторон.

Двадцать девятое сентября, воскресенье

Господь бог должен быть сегодня доволен нами из-за грандиозной чистки, которую мы произвели в здешних его угодьях. Олсон также взялся за дело на еще диком участке между нашими домами и двигается мне навстречу. Стволы деревьев, очищенные от сучьев до высоты десяти — двенадцати футов, и ровный чистый мох под ногами создают впечатление парка. Я распилил гигантское дерево, которое мы свалили несколько дней назад; затем, поскольку освободилось место, срубил другое дерево, отнимавшее у нас так много света. Разница колоссальная — комната залита светом.

Рубка деревьев — увлекательнейшее занятие. Стоит мне взяться за топор или даже за утомительную пилу, как я уже не могу остановиться, берусь за них снова и снова, чтобы срубить еще то и это дерево. Должно быть, при освоении земель именно расчистка леса была для пионеров неиссякаемым источником жизнерадостности, представляя чудесный контраст с монотонными будничными занятиями, к которым они привыкли с детства. Поэтому легко понять причину быстрого покорения дикой природы: только начини — остановиться уже невозможно.

Рокуэлл загорелся желанием поймать — конечно, самым деликатным и осторожным из всех известных в мире способов — какого-нибудь дикого зверька. Я отговорил его от попытки приручить морского ежа, убедил войти в положение этого высокоразумного создания и вернуть ему родную соленую пучину, а мне — нашу квашню. Теперь одна из ловушек Олсона подстерегает сороку. Их здесь множество. Сегодня я смастерил себе превосходный мольберт, какого у меня в жизни не бывало, и пол-

АЛЯСКА, ПОЛУОСТРОВ КЕНАЙ, ЗАЛИВ ВОСКРЕСЕНИЯ,
ОСТРОВ ЛИСИЙ

ку под рабочий стол. В комнате сейчас чисто и уютно, это во всех отношениях удобное жилье. Не знаю, что еще людям нужно от дома. Большую часть дня было облачно, и время от времени шел дождь. Скоро я просто не смогу не писать.

Тридцатое сентября, понедельник

Утро изумительное, ясное и свежее, ветер с севера. Я пообещал Рокуэллу сходить на экскурсию, когда мы отпилим от дерева шесть чурбаков. Работа пошла с ураганной скоростью. Затем я положил в карман сыру, шоколаду и шведского хрустящего хлеба на завтрак, и мы отправились к самой низкой горной гряде в восточной стороне острова. Нам всегда казалось, что это восхождение будет недолгим и легким, пока однажды перед ужином не попытались взять вершину форсированным маршем и только тогда обнаружили, что, несмотря на все усилия, она продолжала оставаться над нашими головами на расстоянии доброго часа ходьбы.

Сегодня, хотя мы и более осмотрительно выбирали дорогу, задача оказалась нелегкой. Приходилось взбираться по каменистым руслам, проложенным весенними потоками, без конца перелезать через завалы деревьев, продираться сквозь заросли ежевики и голубики, все время ступая по сырому и вязкому мху. Все же мы достигли вершины, причем склон на всем протяжении сохранял крутизну. Внезапно деревья кончились. Под ногами был обрыв глубиной четырехста футов. Мы остановились, любуясь открывшимся зрелищем, глядели вниз и вдаль на гладкую поверхность моря, на сказочную страну гор, острых пиков, ущелий и мысов, отбрасывавших на зеленую воду длинные фиолетовые тени. Над снежными вершинами гор клубились облака; в прозрачном воздухе и суша, и море поражали красотой каждой из бесчисленных черточек. Мелкие волны с белыми гребешками вырисовывались на водной поверхности с величайшей точностью и регулярностью, а земля звала на свои гладкие мшистые склоны, в темные заколдованные леса, тихие бухты и укромные долины, приглашала взобраться на стройные пики. Для нас обоих это был памятный час жизни.

ЛИВЕНЬ

Потом мы пошли вдоль хребта на юг по тропинке, протопанной дикобразами. Она привела нас к высокому холму в восточной части острова между бухтами. Но я решил, что крутой подъем и завалы бурелома будут чересчур утомительны для Рокуэлла. Пройдя немного вперед без него, я вернулся, и мы отправились домой.

По пути присели отдохнуть на склоне горы среди мха и клюквы и вдруг совсем близко увидели большого старого дикобраза, который карабкался вверх. Я обратился к нему на его родном плаксивом наречии, и зверек был, видимо, очень польщен. Он сел, прислушался, затем направился почти напрямик к нам. Пока я продолжал речь, дикобраз после нескольких поправок курса, которые он совершал, сядя на задние лапки и прислушиваясь, оказался наконец в четырех или пяти футах от Рокуэлла. Здесь он снова уселся.

У дикобраза был такой одураченный вид, что мы едва удержались от смеха. Но он почувствовал, что дело не чисто, припал к земле, выпустил колючки, повернулся и побежал прочь. Почему-то мне захотелось еще подразнить его на прощание, я схватил палку, нагнал его и потыкал, собираясь взять у него пару иголок на память. Но тут Рокуэлл поднял такой крик и рев, что мне пришлось бросить эту затею, а потом расточать извинения и объяснять, что я не хотел причинить зла милому зверьку. Рокуэлл любит животных до безумия и ничуть их не боится. Я верю, что он готов испытать свою теорию и попробовал бы успокоить разъяренного медведя поцелуем.

Затем мы пришли домой и отлично пообедали. Я еще попилил дрова и наконец после месяца пребывания на острове впервые ПИСАЛ! Это пустяковый набросок, но неважно, главное, я начал! Ласка вышла из норки и глядела, как я работаю, потом юркнула прочь. Сороки заглядывают в нашу ловушку и, покосившись на приманку, предпочитают убраться восвояси. Вечер пасмурный, собирается дождь. Неужели надеяться на второй ясный день — значит желать слишком много?

ГЛАВА III

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

Первое октября, вторник

КОНЕЧНО, опять дождь! С утра мы приступили к обычному увлекательному занятию и усердно работали пилой, как вдруг начало моросить. Тогда мы стали писать: Рокуэлл своими акварельными красками, а я маслом. У Рокуэлла много хороших зарисовок окрестностей и предметов, поразивших его воображение.

Хлоп! Пробка из кувшина с молодыми дрожжами ударилась о потолок. В числе сегодняшних работ было также приготовление пива. Хмель, картофель, мука, сахар, изюм и дрожжи — все это сварено, процежено и расфасовано. Сегодня также было создано и подано на стол первое

лисеостровское кукурузное суфле

Рецепт: Взять два стакана кукурузной крупы (недробленые зерна) и варить неопределенно долгое время в соленой воде (по крайней мере три-четыре часа). Вода должна выкипеть почти целиком. Добавить в отвар молоко и сделать два стакана крема, растворив в нем немного

сыру. Смешать с кукурузными зернами и вылить на противень. Посыпать сверху крошками сыра и поставить в печь, чтобы подрумянилось.

Мы предоставляем миру это божественное изобретение при единственном условии, чтобы всякий, кто будет им пользоваться, непременно указывал в меню: «Лисеостровское кукурузное суфле».

Сегодня я еще смастерил для себя дедовское кресло. Удобство этой мебели ничуть не уступает ее красоте.

Каждый день понемногу читаю «Историю ирландской литературы». Еще прочел сагу о Деирдре². Это, должно быть, одна из самых поэтических и гармоничных историй на свете.

Мы здесь настолько мало чувствуем себя связанными с каким бы то ни было временем или цивилизацией, что достаточно вообразить, и мы вместе со всем окружающим превращаемся, во что пожелаем. Рокуэлл сегодня пещерный житель. Вооруженный каменным топором и луком из ольхового прута, на который натянута тетива из тонкого корня, он охотится в первобытном лесу. А я перенесся мыслями в героическую эпоху Ирландии.

Второе октября, среда

Сильный непрекращающийся дождь. Оба художника почти весь день за работой. Рокуэлл добавил несколько новых рисунков в свой альбом диковинных зверей. Мы вымылись, и я постирал белье, скопившееся за предыдущие недели. А вечером явился Олсон с продолжительным визитом. Он хороший рассказчик, и у него нескончаемые запасы историй из собственной жизни. Так и прошел этот день, а дождь по-прежнему монотонно стучит по крыше.

Третье октября, четверг

На рассвете сегодня небо было чистое, в девять набежали тучи, а потом на весь день зарядил дождь. Мы опять занимались любимым делом — пилили дрова, задав себе почти невозможный урок, а в результате перевыполнили его. Потом я немного расчистил заросли с южной стороны дома, чтобы лучше видеть гору, а после обеда мы срубили еще одно большое дерево. Натягивал холст на подрамники

ДЕНЬ

и немного писал и рисовал, чувствуя, что ко мне опять возвращается богиня Вдохновения. Потом я быстро набросал пейзаж — тронутое ветром зеленое море с белыми гребешками, розовые горы, белоснежные пики и золотое утреннее небо.

Мы с Рокуэллом не выдержали и полезли на гору по крутому склону. Взбирались все выше и выше, поднимаясь над расчищенным нами участком, и вскоре, оглянувшись назад, увидели внизу залив, озеро и свой мыс, точно на карте. Время от времени нас останавливала какая-нибудь скала или крутой склон, но в конце концов мы нашли путь к вершине поднимавшегося над нами уступа. Там оказалось что-то вроде естественной беседки: круглый бугор, покрытый ковром из мха, был обрамлен кольцом стройных деревьев с гладкими, чистыми стволами, а за ними, казалось, совсем рядом, но на глубине девяти-сот футов лежало море. Спускаясь, наскочили на дикобраза, с трудом карабкавшегося вверх; немного поиграли с ним, а потом дали ему возможность взобраться на дерево. Олсон сказал бы, что следовало принести его домой на обед. Дикобразы, говорят, очень вкусны.

Перед вечером мы еще немного попилили. Рокуэлл рисовал, и я сделал еще два наброска, один удачный. Вечер перед закатом был даже прекраснее дня. Ради таких вот дней мы и приехали на Аляску!

Пятое октября, суббота

Трудный день, полный мелких дел. Спил дерево в одиночку, чтобы наказать Рокуэлла за то, что он не занимался чтением. Законопатил восточную, последнюю стену избушки. Писал, пек хлеб и устроил себе приспособление, чтобы с комфортом работать на воздухе. Я сижу на доске, моя палитра — край ящика — закреплена передо мной на этой же доске, а над ней прилажен холст в подрамнике. Рокуэлл принял наказание так близко к сердцу, что перед вечером прочел целых десять страниц из своей книги. Почти весь день сегодня было облачно, но воздух чистый и бодрящий. В книге Ансона о путешествии вокруг мыса Горн отмечается, что хорошая погода в тех местах редко бывает устойчива. Возможно,

что это характерно для тех же широт в северном полушарии.

Седьмое октября, понедельник

Вчера я ничего не вписал в дневник, так как, кроме того, что шел дождь, писать было не о чем. «Лёт зверски», без сомнения, записал в дневнике Олсон, то же продолжается и сегодня.

Шторм сейчас даже сильнее. Ветер налетает на нашу избушку сперва с запада, потом с севера, востока и юга. Поверхность бухты так и кипит под его перекрестными ударами, это явление называется «вуллис». Лодку сейчас должно вертеть и бросать из стороны в сторону, и потребовалось бы много усилий, чтобы противостоять натиску волн. Олсон провел у нас много времени: бедняга томится от одиночества. Когда он здесь, я откладываю кисть и берусь натягивать холсты; тем временем мы болтаем. Рокуэлла радуют эти визиты: все же разнообразие. Он в замечательном настроении и доволен жизнью безгранично. Часами рисует с глубоким увлечением, немного читает и играет, разговаривая при этом вслух.

Мы с ним устраиваем славные битвы, во время которых Рокуэлла нападает на меня со всей силой. Мне приходится из самозащиты возвращать ему удары. Еще мы развлекаемся во время мытья посуды, соревнуясь, кто кого перегонит: мойщик (это я) вытиральщика или наоборот. Рокуэлла доходит до того, что прямо падает от смеха. Но для полноты счастья ему еще требуется, чтобы я его отшлепал. Я хватаю отбивающееся существо и валю его на пол, стараясь одновременно придержать и руки, и ноги, чтобы беспрепятственно с ним расправиться. Делаю я это с некоторой силой, а иногда даже пользуюсь какой-нибудь хворостинкой. Чем больше, тем больше нравится Рокуэлле, разумеется, до предела, который мы никогда не переступаем.

Таковы наши обычные развлечения. Что до работы, то моя сейчас проходит преимущественно за рисовальным столом. И вчера, и сегодня сделал удачные рисунки. Замыслы теснятся, обгоняя друг друга. Из всех домашних дел почему-то меньше всего хлопот доставляет еда. Мы

живем, как легко себе представить, настолько скромно, что уполномоченный Гувера³, наверное, пришел бы в ужас. Вот наше меню:

ЗАВТРАК

(всегда один и тот же)
Овсяная каша
Какао
Хлеб с арахисовым маслом

ОБЕД

Бобы (того или другого сорта и в том или другом виде)
или
Лисеостровское кукурузное суфле
или
Макароны
или
Горох
или
Овощное рагу (ячмень, морковь, лук, картошка)
и
Картошка или рис
и (часто)
Чернослив, абрикосы или яблоки (сушеные)

УЖИН

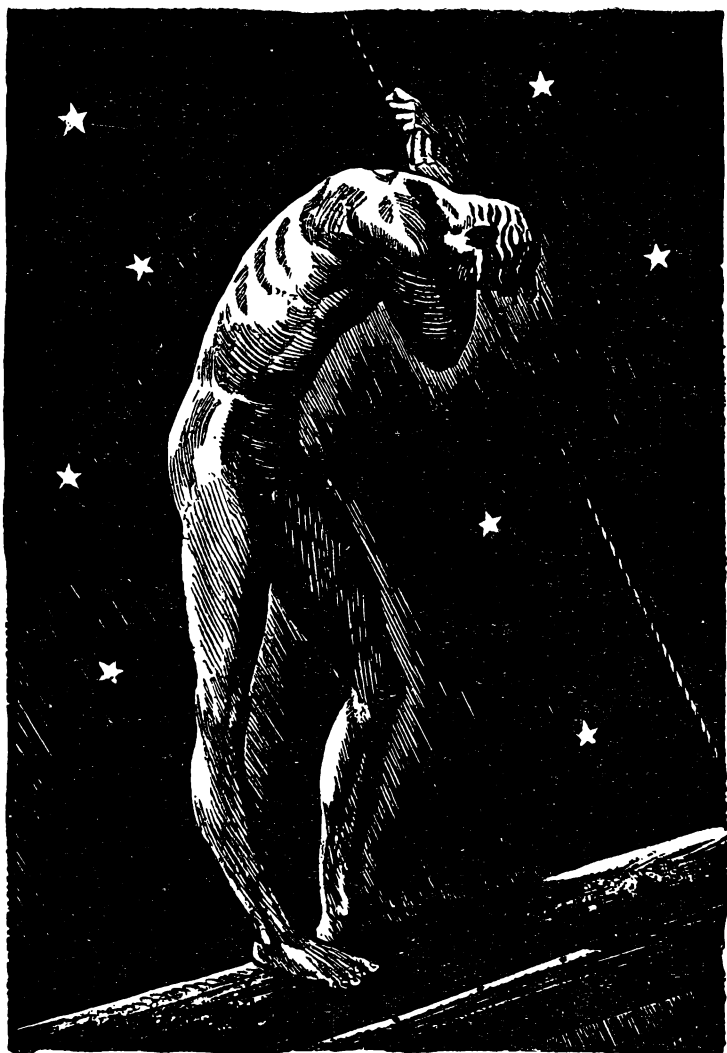
(всегда один и тот же)
Манная каша
Кукурузный хлеб с арахисовым маслом или повидлом
Чай для отца, молоко для сына
Иногда сладкое: тушеные сухофрукты, шоколад —
или, когда нас угощает Олсон, сладкая творожная масса из
козьего молока.

Отметим кстати, что и по сей день ни у одного из нас не было ни малейших признаков какой-либо болезни — пребываем неизменно в цветущем здоровье и бодрости.

Восьмое октября, вторник

ДОЖДЬ! А нам все равно. Настроение хорошее. В доме тепло и сухо; много еды, но много и работы.

Лодка Олсона опять до половины полна водой, так что мы перевернули вверх дном и ее, и нашу. Я натягивал и грунтовал холсты и кончил читать «Путешествие вокруг света» Ансона — увлекательная книга. Под конец

НОЧЬ

дня погода немного прояснилась; выглянуло солнце, и мы взялись было за пилу, но тут же ливень загнал нас опять в дом. Надеюсь на хорошую погоду завтра. Но...

Девятое октября, среда

Хорошей погоды по-прежнему нет и в помине, если только ветреный, хотя и пасмурный, исход дня и яркий закат не предвещают перемен. Олсон говорит, что лисички вечером не хотели есть, а это верный признак перемены погоды к лучшему: будто бы в плохую погоду они едят, а в хорошую воздерживаются от пищи. Утром лил дождь, и мы работали в доме. После обеда общими усилиями оттащили бревна, лежавшие на берегу перед нашей избушкой, поближе к Олсону с единственной целью, чтобы лучше видеть море. Напилили еще немного дров и сложили все, что было заготовлено раньше, в поленницы на зиму. Получилось пятьдесят колодцев, то есть на полтора месяца. Перед вечером я писал и сделал два хороших наброска.

Ночи стали холодными. За последние два дня снег на ближних горах, тех, что напротив, распространился до середины склона. Более высокие дальние хребты побелели уже несколько недель назад. Издали они очень привлекательны, так и тянет взобраться и съехать по гладкому снежному полю. Но вблизи обнаруживаешь непроходимые скалы и трещины, завывание ветра и лютый холод. Рокуэлл сегодня справился со второй своей книжкой «Пещерные жители».

Полночная метеосводка: на безоблачном небе сверкают звезды!

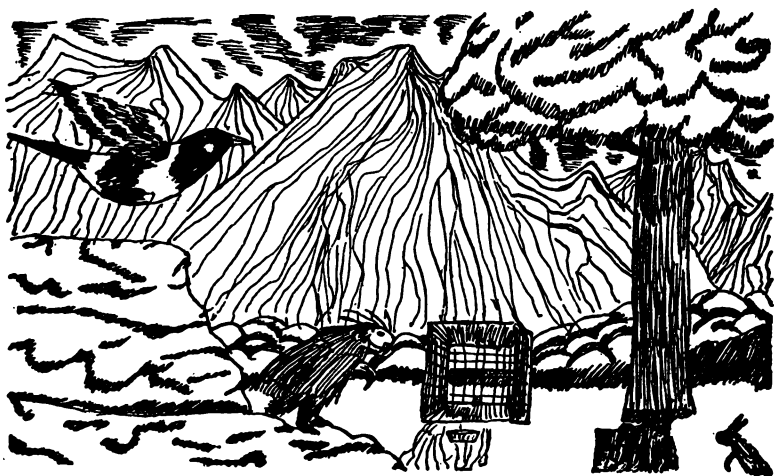
Десятое октября, четверг

Идет дождь! Весь день небо затянуто тучами, но воздух чист и прозрачен. Сегодня все основательно потрудились. Расчищали лес между нашей избушкой и домом Олсона, перенесли большую кучу сучьев с площадки у нашего входа на берег, а вторую, еще более огромную, сожгли. Когда стемнело, костер представлял собой фантастическое зрелище. Толстые сучья горели сильным и ровным пламенем, освещая весь лес вокруг. Даже сейчас под проливным дождем костер еще не погас. Опять

ДИКАЯ ПРИРОДА

немного пилили, всякий раз при этом мы стараемся перекрыть текущий расход дров. Рокуэлл почти весь день работал и, усталый, лег рано. Я еще с часок почитал ему. Он любит слушать стихи.

Один из рисунков Рокуэлла

Мы установили хитроумное приспособление, чтобы поймать сороку, но были посрамлены. Птица побродила вокруг ловушки, оглядывая все умудренным оком, потом сунулась внутрь ровно настолько, чтобы склюнуть приманку, и мгновенно улетела. Я сегодня писал, сделал небольшой хороший набросок, но, когда испробовал свой самодельный холст, оказалось, что нужно грунтовать еще. Работы! Работы!

Одиннадцатое октября, пятница

Сегодня хотели плыть в Сьюард. Было тихо, хотя по временам шел дождь. Олсон предложил отбуксировать нас до Каиновой Головы; но утром, едва мы собрались, дождь разыгрался, и пришлось переждать. Отправились в полдень, но не проехали и полумили, как что-то случилось с мотором. В результате бесславно вернулись на

веслах домой. Я вез Олсона с его мотором, а Рокуэлл — нашу собственную лодку. Не будь так поздно, мы, наверное, опять пустились бы в путь.

Наконец поймали сорочонка. Заметив, как он заскочил в сарай Олсона, я мигом подбежал и захлопнул дверцу. Сейчас он сидит в клетке, установленной на специально прибитой к фронтому полочке. Сорочонок болтлив и злобно клюется. Он еще молодой птенец, и мы надеемся выучить его произносить всякие забавные фразы. Олсон считает, что у этих птиц природная склонность к ругани. Итак, у Рокуэлла наконец появился питомец.

Только бы продержалась тихая погода! Ночь сегодня ясная и звездная, но здесь никогда нельзя рассчитывать на постоянство погоды. Во всяком случае у нас все наготове, чтобы утром отплыть.

Двенадцатое октября, суббота

На острове тихая и приятная погода, а в заливе северный бриз, при котором грести до Сьюарда было бы трудновато. Все же вещи собраны, и мы ждем первой счастливой возможности, чтобы отправиться. Этим утром Олсон очистил от сучьев деревья вокруг нашего дома до высоты десяти — двенадцати футов от земли. Теперь между нами и горным хребтом на той стороне залива только стройные гладкие стволы. Большую часть дня я писал. Холсты мои по-прежнему никуда не годятся, они шероховаты и впитывают краску. Мы сколотили для сорочонка клетку попросторнее, потому что в маленькой он очень метался. Сейчас он вполне доволен.

Рокуэлл сегодня заявил, что хотел бы жить здесь постоянно. Когда вырастет, он приедет со всеми своими детьми и со мной, если я еще буду жив, и поселится тут.

Не пишется и не работается из-за предстоящей поездки в Сьюард. Олсон говорит, что сегодня воскресенье. Я как-то пропустил день.

Тринадцатое октября, воскресенье

(Я придерживаюсь своей хронологии, пока мы не проверим ее в Сьюарде.) На редкость прекрасный день с бешеным северо-западным ветром. Я непременно дол-

жен как-нибудь почтить северо-западный ветер, изобразив его на большой картине как воплощение чистой, могучей, бьющей через край жизни, юношеской радости. Он несет на своих крыльях энергию и волю к победе. Мне припомнилось, как в Монхегане⁴ в такой вот день, когда, казалось, всякая живая тварь покидает свой дом, нору или гнездо, чтобы упоенно вдыхать чистый воздух, когда с вершины холма человек может окинуть взглядом всю зеленую поверхность моря и очертания берегов и восхищенно погрузиться в созерцание бесчисленных деталей панорамы, различая далеко в море корабли и голубые острова, а на поверхности суши — сверкающие города и такие восхитительные леса и луга, что, несмотря на многие мили, душа переносится туда и с новым восторгом присваивает себе всю эту землю вплоть до самых дальних гор и еще дальше, — и вот в такой-то день выполз из своей берлоги художник и, недовольно поглядывая из-под руки на белый свет, простонал: «Ну как тут писать? Такая четкость, яркость. Ни таинственности, ни красоты». И он полез обратно, этот любитель тумана, дожидаться, когда землю охватит новый приступ болезни.

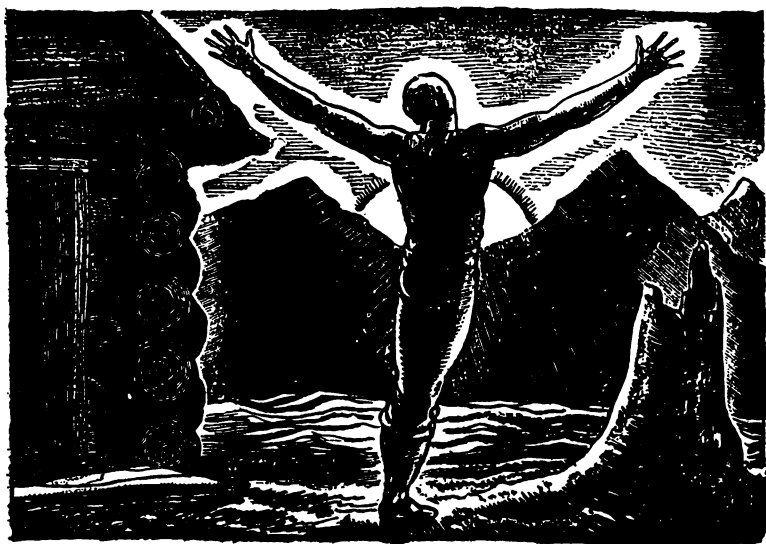
Сегодня утром сорочонок пел, а может, декламировал: он издавал горлом странные, довольные звуки, и это в клетке! Все мы, остальные, работали как сумасшедшие. В половине шестого Олсон, остановившись наконец, сказал:

— Что ж, поработали изрядно.

И после этого я еще сделал набросок, спилил и очистил от веток три небольшие елки и потом, поскольку уже стемнело, сготовил ужин.

Но когда же мы поедем в Сьюард? Чемодан уложен. Каждое утро Олсон проверяет мотор. Со временем ведь должен ветер утихнуть. Мы видим, как он проносится мимо нашей бухты, заставляя воду мчаться, как по мельничному желобу. Сегодня он разыгрался и в самой бухте.

Рокуэлл ходил гулять в лес; во время своих экскурсий он наслаждается, обнаруживая козью шерсть на кустах, добываясь по следам дикобразов до их норок. А сегодня он выследил и самого дикобраза. Каждый раз Рокуэлл воз-

ВОСХОД

вращается с каким-нибудь чудесным открытием и в восторге от своих исследований. Сегодня он упражнялся в письме. Он говорит, что если бы только умел писать, то записал бы удивительные истории, которые видит во сне. Боюсь, что получилось бы многотомное издание.

Пятнадцатое октября, вторник

Вчера мы уехали с острова. День был тихий, но облачный, по временам шел дождь. Олсон буксировал нас до Каиновой Головы. Оттуда мы добрались быстро, причем Рокуэлл действовал как заправский гребец, да теперь он и действительно заслуживает это звание. Мы остановились у рыбацкой хижины, где в августе оставили свой испорченный мотор, и забрали его вместе с выросшими здесь несколькими свеколинами и полдюжиной пучков превосходного салата.

К ночи начался сильный дождь с резким ветром с юго-востока. Вечер провели в доме почтмейстера, где я играл на флейте под аккомпанемент дочери хозяина. Дело шло великолепно, и мы до полуночи играли Бетховена, Баха, Гайдна, Глюка, Чайковского, пока нам не стало казаться, что мы у себя дома в добрые старые дни. Потом Рокуэлл в полусне выпил стакан молока с куском абрикосового пирога, и мы отправились домой, унося с собой две банки варенья из дикой смородины. Я перечитал полученные письма и улегся. Но шторм к этому времени так разошелся, что беспокойство за судьбу лодки мешало мне уснуть. В конце концов я встал, оделся и спустился к морю. Лодка оказалась в целости на берегу, но слишком близко к воде. С большим трудом я подтащил ее повыше, где волны не могли достать ее.

Сегодня дождь не прекращается. Я купил кое-какие продукты и оформил получение денег. В довершение событий сегодня начал работать мотор, так что на обратном пути у нас будет механическая тяга. Я совершенно не разбираюсь в моторах, но у меня будет время кое-что выяснить на протяжении первых восьми миль, до того как начнется единственно опасный участок путешествия. Этот вечер мы с Рокуэллом провели в гостях у одного молодого человека, с которым у нас нашлось много об-

щего и который вдобавок ко всему оказался другом симпатичного мне молодого механика-немца. Весь вечер пели вчетвером, сидя перед большим камином. Он живет в бревенчатом доме в стороне от города, на самом краю леса. Когда попадаешь в уголок вроде этого домика с его гостеприимным очагом, то обнаруживаешь, что даже такая коммерческая пустыня, как Сьюард, имеет свои оазисы.

Сейчас мы у себя. Рокуэлл спит. Уже за полночь. Я с любовью думаю о милых друзьях, оставшихся дома, и мысленно желаю им доброй ночи.

Семнадцатое октября, четверг

Вчерашний день в Сьюарде не отличался ничем особенным. Писали письма у себя в номере и ходили по магазинам. Погода была дождливая с юго-восточным ветром. Вечер мы провели у нашего немца. Мы с ним придумали план сигнализации между нами и Сьюардом, главным образом для того, чтобы он смог сообщить мне, когда окончится война. Если мне удастся в подзорную трубу различить свет сильной электрической лампы, которую он будет включать в доме, на самой высокой точке города, тогда при помощи азбуки Морзе (у меня есть ключ, а он ее знает наизусть) буду получать от него известия по условленным дням.

Сегодня вечером мы с Рокуэллом прошли с четверть мили вниз по берегу до того места, откуда через залив хорошо виден Сьюард, и разожгли там костер. Предполагаем, что Бем наблюдал за нами в подзорную трубу. В воскресную ночь, если будет ясно, выйдем смотреть на его сигналы. Главная трудность в том, чтобы отличить свет его лампы от остальных.

Из Сьюарда мы приехали сегодня утром без четверти десять почти с тысячью фунтами груза на борту, включая нас самих. Моторчик в три с половиной лошадиных силы работал превосходно и доставил нас к острову немногим больше, чем за два часа с четвертью. Поначалу погода была тихая, но, когда поравнялись с Каиновой Головой, северный ветер стал крепчать. На острове оказался гость. Вместе с ним приезжали еще двое, но те накануне вечером

отправились в Сьюард. В понедельник из-за сильного волнения они были вынуждены отказаться от своей попытки обогнуть западный мыс. Старик, который задержался здесь, сегодня вечером сообщил мне, что за двадцать лет жизни на Аляске не припоминает такой погоды. Нечего сказать, приятная новость. Горы близ Сьюарда покрыты снегом на уровне всего лишь нескольких сот футов над городом. Устал, хватит на сегодня. Между прочим, как выяснилось в Сьюарде, моя датировка была правильна.

Да, чуть не забыл написать о нашей утрате. Бедного сорочонка мы обнаружили мертвым на дне клетки. Я думаю, что его погубила буря, потому что Олсон не потрудился укрыть его. Рокуэлл, как только выпрыгнул на берег, сразу кинулся к клетке и сперва горько плакал, но потом утешился, устроив ему достойные похороны и водрузив на могиле деревянный крестик.

Восемнадцатое октября, пятница

Невообразимо прекрасная ночь. Залив утопает в лунном свете. От бледного сияния снежные горы кажутся белее самого снега. Луна стоит почти над головой, и свет от нее, проникая между кронами деревьев, мягко озаряет старые пни нашей вырубki. Зато лес вокруг черен, как пропасть.

Хотя уже почти десять, Рокуэлл еще не спит.

Мы решили сегодня устроить ему день рождения. Единственный подарок, который он получил, — дешевое издание для детей «Естественной истории» Вуда с картинками — наполнил голову Рокуэлла мечтами о его любимых диких животных. Я сегодня начал учить его петь. Мы попробовали, правда без особого успеха, «Колыбельную» Брамса, а потом «Спи, дитя, спи», что пошло уже лучше. Эти и многие другие немецкие песни с английским текстом есть в песеннике, который я ему купил. Надеюсь, что у меня хватит терпения и времени, чтобы продвинуть Рокуэлла в этом роде занятий.

Те трое сейчас у Олсона в избушке, потому что уезжавшие в Сьюард вернулись. Эти оба помоложе, один из них, некто Эмсуайлер, — известный проводник по Аляске. Нынче вечером я довольно интересно провел

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

часок в их компании. Между прочим, Олсон сообщил мне, что ему семьдесят один год.

В нашем домике пахнет свежим хлебом, который я сегодня испек. Выпечка хлеба, пила дров; починка носков, уборка дома, изготовление полки — эти и другие обычные домашние дела заполнили весь день; столь бесполезное времяпрепровождение давит на мою совесть. Порисую еще, а потом уж лягу.

Девятнадцатое октября, суббота

Сегодня то облачно и прохладно, то солнечно и тепло; с утра ветер, после обеда такой мертвый штиль, что холмы отражались в заливе. Гости уехали, чему я очень рад. Не то чтобы у меня были возражения против них самих, но для меня их присутствие каким-то образом нарушало покой этого места. Эмсуайлер по просьбе Олсона зарезал одну из коз, так что нас, коренных жителей острова, стало теперь меньше. Я срубил большое дерево и наточил пилу, чтобы потом распилить его. Солнце сегодня зашло во всем великолепии, оставив после себя след из пылающих, огненно-красных облаков на светло-зеленом небе. Уже недолго нам осталось смотреть на солнце, оно садится теперь прямо позади южного мыса нашей бухты.

Рокуэлл каждый день работает над своим альбомом диких животных. Чтобы подбирать абсолютно новые и оригинальные названия для своих странных созданий, он изобрел интересный метод. Закрывает глаза и печатными буквами пишет на бумаге новое название или, вернее, набор всевозможных букв. Естественно, что, открыв глаза, он сам бывает поражен результатом.

Двадцатое октября, воскресенье

Это был прекрасный, ясный, холодный, буйный день северо-западного ветра. Я все время писал на вольном воздухе, чередуя это занятие с колкой дров. В такую погоду хочется писать и писать, но из-за ледяного ветра нельзя долго оставаться без движения.

Только что, в восемь часов, мы с Рокуэллом вернулись с пляжа, куда ходили смотреть на сигналы из Сьюарда.

К сожалению, так ничего и не увидели, что могло бы касаться нас. Взошла луна и осветила верхушки гор, однако мы и вся наша бухта по-прежнему в глубокой ночной тьме. Весьма драматическое зрелище. Ели над нами сгущаются мрак до полной черноты, тогда как выше ярко белеют каменные лики гор, а небо светлее, чем в иной день. Олсон принес нам на обед козьи отбивные. Их не отличить от бараньих.

В конце дня в заливе появилась маленькая моторка, пытавшаяся пробраться в Сьюард. Ей удалось немного продвинуться, но потом ветер быстро и неуклонно погнал ее назад. В последний момент, когда мы видели ее, она как будто пыталась укрыться близ нашего острова или одного из прочих островков в заливе, а тем временем ее продолжало относить в открытое море. Людям в лодке придется провести в заливе бурную ночь, хотя на море сейчас, без сомнения, спокойно. Приключений такого рода нам следует остерегаться. Глядя через залив в сторону Медвежьего ледника, который скрыт от нас, можно наблюдать, как северный ветер мчитс я вдоль ледника и гонит к морю массы тумана. Этот туман не что иное, как мелкие капли взбитой ветром воды.

Двадцать первое октября, понедельник

Очень поздно, поэтому буду писать совсем кратко. Сегодня опять была прекрасная погода, настоящий золо-

той и синий день под властью северо-западного ветра. Я писал, пилил дрова и соорудил себе великолепные шестиногие козлы. Олсон считает, что я уже напилил достаточно дров на всю зиму, но, по-моему, до этого еще далеко. Рокуэлл большую часть дня провел над своим альбомом и нарисовал несколько странных и красивых птиц. Утром поверхность земли представляла замерзшую твердую корку, которая за день так и не оттаяла. А вечером опять очень холодно. Зима наконец пришла, долгая, долгая зима. А солнце с каждым днем отступает все дальше за горы. Наблюдая, как уходит солнце, я испытываю что-то вроде страха. Мы больше так и не видели лодки, которую прошлой ночью ветер заставил искать убежища. Думаем, что те люди находятся в другой бухте нашего острова.

ГЛАВА IV

ЗИМА

ДЕНЬ за днем, бесконечно, записи повторяют монотонное уныние погоды: дождь и пасмурно, дождь и пасмурно. Кому еще приходилось жить в таком полном уединении, когда самыми живыми существами во всей вселенной казались ветер, дождь и снег?

Где еще стихии господствовали над человеком и направляли всю его жизнь? Где, вставая и ложась спать, и еще много раз в течение дня или ночи ты беспомощно, как жалкий раб у своего господина, осведомлялся о воле и желаниях могущественных небесных сил? Забрезжил рассвет, и ты уже вскакиваешь с постели, останавливаешься босиком у порога, смотришь меж прямых стволов елей на светлеющий мир и с первого взгляда читаешь божью волю на один, еще один долгий день жизни: «О господи, опять дождь!» Усевшись на постель, устало натягиваешь тяжелые сапоги и в пасмурном настроении принимаешься за специфические дела дождливого дня. А может быть,

увидев опять тучи, ты усмехнешься мрачному характеру властителя погоды или добродушно выругаешь его. Но так или иначе, а дела, которые неизбежно возникают в дождливую погоду, а также все прочие домашние работы должны быть выполнены, да еще в жаркой непромокаемой одежде. Такова судьба.

Надо отдать нам справедливость, самую плохую погоду чаще всего мы встречаем боевым кличем и с жаром набрасываемся на работу, после чего вознаграждаем себя за сырость и мрак снаружи усиленным комфортом внутри: в доме сухо, тепло, уютно, есть вкусная еда, множество занятий.

Можно считать, что мы уже вступили в позднюю осень. Небо зловеще хмурится. Тяжелое, мрачное, холодное, нависло оно над нами. По-видимому, зима вот-вот готова опуститься. Мы работаем, точно подгоняемые страхом. Живо, живо! Ну-ка, распили большие еловые чурбаки, откати их в сторону да сложи в штабель. Законопать лучше паклей щели под карнизом со стороны, открытой ветру, чтобы он не мог проникнуть внутрь и заморозить продукты на полках. А знаменитую печку с герметической дверцей поставь там, где тебе нужно, чтобы в постели было тепло ногам и грело спину, когда рисуешь. Залатай несчастную, истерзанную ветром толевую крышу (мы обнаружили две-три дыры, хотя были уверены, что протекает по крайней мере в двадцати местах). И наконец, обложи избушку ветками тсуги⁵, густыми и теплыми, образующими зеленую завалинку высотой почти до карниза. Вот теперь у избушки уютный вид! Снаружи и внутри закончены последние приготовления для встречи с зимними трудностями. Как раз вовремя! Сейчас вечер, двадцать второе октября, впервые начал падать легкий, пушистый снег. Входит Олсон, притоптывая, чтобы отряхнуться.

— А ну, а ну, — кричит он, — что скажете? Как вам нравится наша зима?

Зима нам вполне нравится. В доме тепло. Рокуэлл уже улегся, и я читаю ему «Остров сокровищ».

— По какой части он у вас пойдет? — спросил Олсон про Рокуэлла в прошлый вечер. В тот момент я сыпал в

кастрюлю бобы и, замедлив движение потока, стал ронять их поодиночке:

— Нищий, вор, богач, бедняк,
Адвокат, солдат, моряк.

Как можно предопределить будущую жизнь мальчика?

Рокуэлл лежал в постели и, может быть, видел во сне такой прекрасный мир, какого никогда не представит себе взрослый со своим скучным и робким воображением. Ребенок способен превратить землю в райскую обитель. Жизнь его так проста! Он безошибочно следует своим желаниям, сначала отбирая главные из них, а затем продвигается по сужающемуся пути, пока не достигнет настоящей цели. Но нельзя проповедовать красоту или обучить мудрости. Это извечные понятия, и они присутствуют в каждом из нас в правильной пропорции. Истина не имеет жрецов.

Мы с Рокуэллом живем одновременно в нескольких мирах. Это мир книг, которые мы читаем, мир, вечно меняющийся, — «Робинзон Крузо», «Остров сокровищ», фантастический мир Уильяма Блейка, времена древних саг, «Дети воды» и славное прошлое кельтов. Затем собственный фантастический мир Рокуэлла — царство зверей, мир, который он видит во сне и рисует наяву, и созданная моим воображением страна всемогущих героев и жалких, скованных судьбой простых смертных — они реальны для меня в моих рисунках, как ничто другое. И наконец, весь этот обычный, повседневный окружающий нас островной мир, настолько удивительный сам по себе, что мы и вполнину не понимаем всей его прелести. Подумать только, что мы здесь одни, этот мальчик и я, на дальнем Севере, в дикой глуши острова, на внушающем страх берегу, а вокруг только море! Все именно так, как мы представляли себе год назад и раньше; да, сны сбываются.

А сейчас мягко падает снег. Зима приняла наш вызов — и уже тут.

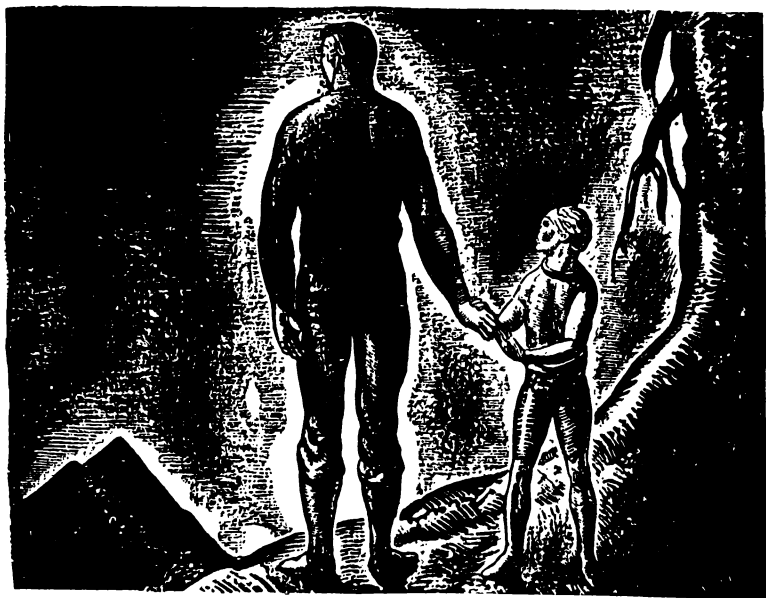
Короткие записи в дневнике говорят о том, как быстро продвигается чтение «Острова сокровищ». Его сменяют «Дети воды». «Как раз по сердцу и Рокуэллу, и мне», — отметил я. Но Кингсли пришлось потерять своих друзей, — это предостережение литературным снобам. До чего же

нас утомляла и бесила его английская аристократическая спесь, пока мы не стали откровенно смеяться. «Наконец-то кончили книгу!» Это прямо событие. Когда Кингсли не задирает носа, он морализирует, и оба эти качества — религиозное ханжество и английский снобизм, несмотря на проявляющиеся у него по временам нежные чувства, делают его совершенно несносным. Итак, сегодня вечером мы читаем «Сказки» Андерсена, вечно прекрасные и правдивые.

У детей собственный тонкий литературный вкус, о котором мы очень мало знаем. Им нравятся описания реальных, достоверных событий и настоящие волшебные сказки. Но вымысел под личиной правды их не удовлетворяет, а фантастические истории, неубедительные в подробностях, кажутся им смешными. Им нужно действие, факт, а не рассуждения по этому поводу. Без сомнения, самая подходящая для них форма — безыскусственная и беспристрастная повесть, рисующая жизнь такой, какая она есть, простыми словами рассказывающая о доступных пониманию вещах, интересных событиях, или в другом случае — увлекательная фантазия. Подобная простота доставляет ребенку такое удовлетворение, что он прощает «Робинзону Крузо» остальную половину, а чопорному швейцарскому семейству — добрых три четверти книги ради заключенного внутри сладкого зерна приключения.

Что касается приключений, то это понятие относительное. Там, где почти ничего не происходит и диапазон проявлений жизни узок, она все равно полна радостей и печали. Простейшие вещи могут взволновать человека, живущего в безмятежном мире. Например, косатки⁶. В начале сентября они играли в нашей мелководной бухте в каких-нибудь тридцати футах от берега, кружились в воде, выставляя напоказ огромные блестящие спины, а ныряли и гонялись друг за другом так, что можно было проследить под водой их светящийся белой пеной след. Вот увлекательное зрелище!

А бои между гигантскими морскими животными, происходившие в заливе в этом месяце! С грохотом пушечного выстрела что-то таинственное, ужасное, черное бьет по воде, и несчастный раненый кит, обезумев от боли, погружается в глубину. Вот он вновь показывается на по-

НА ВЕРШИНЕ

верхности, чтобы глотнуть воздуха, и опять громовой удар, каскады пены и брызг — и все стихает. В дрожь бросает от грандиозности этой смерти. Для жителей Лисьего острова то была настоящая драма.

Потом смерть бедного сорочонка и неподдельные слезы мальчика, чье сердце надрывалось от горя.

На днях к Олсону приехали двое незнакомцев. Они разыскивали маленькое суденышко, которое тогда в бурю находилось в открытом море. Вот где тайна! Была ли это пустая лодка, сорвавшаяся с причала, или в ней действительно сидели люди, как нам показалось? Если так, значит, лодка украдена; кто же тогда эти люди и где они? Потерпев крушение у какого-то острова, выбрались на берег или утонули, а может быть, их унесло в открытое море? Этого никто никогда не узнает.

В западню возле нашей избушки попался дикобраз. Мы выстроили для него уютный домик, который не слишком пришелся ему по вкусу, но должен бы понравиться. Мы заботились о нем и привязались к зверьку всем сердцем. Однажды выпустили его погулять на только что выпавший снежок, рассчитывая, что он вернется по собственному следу, но козы, затоптав тропинку, испортили все дело, и дикобраз теперь для нас потерян.

Олсон уехал в Сьюард. Ох эти дни ожидания! Сколько раз мы проделываем путь вниз к бухте, к месту, откуда видна Каинова Голова. Отправляемся с надеждой, а возвращаемся унылые.

Козы досаждают нам, скучая по хозяину. Билли, эта невозможная скотина, съел кусок нашей метлы. Я швырнул охапку хворосту прямо ему в морду, но он только чихнул. Рокуэлл играет с козами, как будто это человеческие существа, вернее, будто он сам козел. По его словам, козы почти поверили в это, и он, по-моему, тоже.

Третье ноября, воскресенье

Сегодня на редкость светлый, прозрачный день с сильным северо-западным ветром. Горы все в снегу и неописуемо хороши. Весь день, не переставая, я писал то в доме, то с натуры, за исключением времени, когда мы с Рокуэллом усердствовали пилой. Великое дело — работать в та-

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

кой день на воздухе под таким синим небом подле зеленого с белой пеной моря и этих волшебных гор!

Прошло три дня. Был дождь, и град, и снег, потом все стихло. Сквозь мертвую неподвижность воздуха доносился гул тяжелых волн. Огромные и белые, следы разыгравшегося на море шторма, они громоздятся на черные скалы Каиновой Головы. Мы по-прежнему тщетно вглядываемся в даль, высматривая на тусклой поверхности волн приближающуюся лодку Олсона. В темные дни ожидание кажется особенно долгим. Как часто мы спускались к бухте, откуда виден Сьюард! Какое неисчислимое множество раз смотрели сквозь стекла нашего маленького западного оконца, не находя взглядом того, что искали.

И вот я стою с охапкой дров, которые только что набрал с поленицы, поворачиваю голову и прямо перед собой в нашей бухте вдруг вижу Олсона! Сегодня шестое ноября, он отсутствовал девять дней!

— Война кончилась! — кричит Олсон, вылезая на берег. Ради всего святого на земле пусть будет так, чтобы в результате войны люди хоть чуть-чуть почувствовали аромат мира и свободы, на которые мы набрели, как на дикорастущие цветы у самого порога дикой природы...

До глубокой ночи я читаю письма, пересчитываю свитеры, шапки и шерстяные носки, которые доставила почта. Поздно. Рокуэлл спит, комната остыла, за окном идет снег... А сейчас, вместо того чтобы лечь, я раздую огонь и примусь за работу.

Седьмое ноября, четверг

Настоящий зимний день, снег толстым слоем покрыл землю. Вокруг глубокое, особое зимнее безмолвие, которое ощущаешь даже в этих тихих местах. С рассветом налетела сильная гроза с множеством молний и градом. Так продолжалось с перерывами все утро... Я стирал, взяв у Олсона стиральную доску, и довел белье почти до полной белизны.

Олсон привез целый короб занятых сплетен. Любопытным сьюардцам⁷, которые допрашивали его, почему я выбрал такое забытое богом место, он отвечал так:

— Дураки вы все, где вам понять художника? Вы, может быть, воображаете, что Шекспир писал свои

ОБЕД

пьясы, окруженный со всех сторон толпой глупых мужчин и женщин? Нет, сэр, художника надо оставить в покое.

— Ну ладно. А что он рисует?

— Это его дело. Иной раз смотрю: на картине у него будто гора, а погляжу в следующий раз — он переделал ее в озеро или во что-нибудь еще.

Воображаю эту картину: Олсон и собеседники. Самое главное его стремление, можно сказать, его амбиция — заставить людей интересоваться Лисьим островом, его поместьем. Собственно говоря, он и нас сюда привез с той же целью. По милости местного детектива-любителя Сьюард некоторое время наслаждался пересудами о немецком шпионе на Лисьем острове. Я сказал Олсону, что представители власти могут приехать и удалить меня отсюда, если им угодно. Он так и взвился:

— Пусть только попробуют! Мы тогда засядем с ружьями в горах, и я ручаюсь, что ни один не рискнет повторить попытку. — И тут же он пустился рассказывать, как в Айдахо в течение долгих дней и недель выслеживал известную шайку разбойников и конокрадов и в конце концов загнал их в тупик. Это одна из самых увлекательных его историй, и я верю, что это совершенная правда.

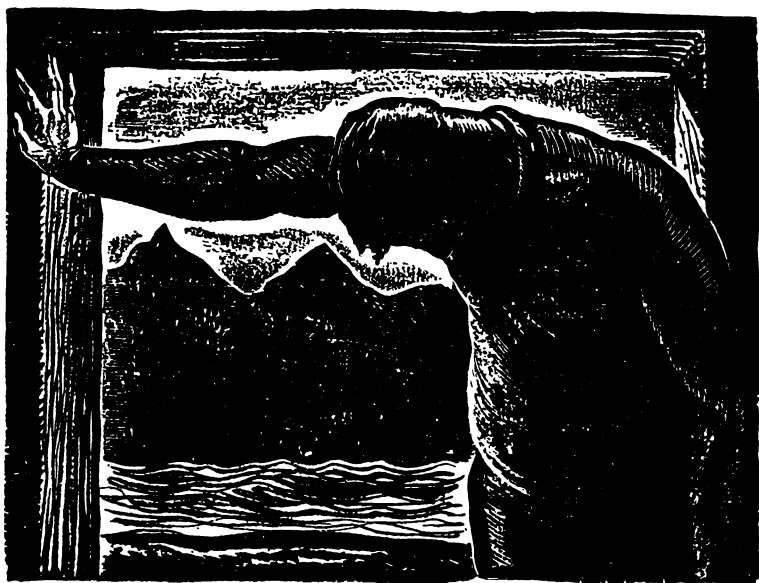
Только что в заливе прогудел пароход, чтобы ориентироваться по эху, отраженному горами. Он совсем близко от нас, но не виден из-за метели.

Рокуэлл начал записывать свой бесконечный сон наяву. Счастливая мысль — и запись выглядит уморительно из-за его странной орфографии. А теперь, хотя уже поздно, я еще немного порисую, а затем, вымывшись в миске для теста, прочту в постели главу из биографии Блейка.

Восьмое ноября, пятница

Так поздно, что, кажется, сейчас начнет светать. Я работал над рисунком, изображающим Рокуэлла с отцом; получилось совсем не плохо.

Ого! Только что ветер со всей силой налетел на нашу избушку и до отказа вдавил внутрь крышу, а потом поднял ее горбом так, что доска, лежавшая наверху, в качестве ригеля⁸, свалилась со страшным грохотом, а Рокуэлл про-

КОНЕЦ, ДНЯ

должает спать! Здорово работает ветер нынче вечером, даже стены избушки ему не преграда. Огонь лампы раздражающе мигает. И все же в комнате тепло и уютно.

В это утро поначалу была на редкость хорошая погода, и мы с Рокуэллом настроились покататься на лодке. Но пока мы копались, налаживая мотор и спуская на воду тяжелую лодку, ветер успел разгуляться и испортил нам день. Мы все же выехали в залив и предоставили возможность волнам играть с лодкой: хотелось испытать, на что способен северный ветер. Зыбь была дьявольская, короткая и глубокая. Лодка то мостом стояла на двух гребнях, то, взлетев на водяную гору, устремлялась вниз с головокружительной высоты и с громким плеском садилась на дно ущелья между волнами, окатывая нас водой. На более спокойном месте я выключил мотор и сделал набросок нашего острова, после чего мы на веслах отправились домой. Остаток дня провозились с мотором: сначала выясняли, почему он останавливается, потом, найдя и устранив причину, приводили в еще больший порядок прочие части, но больше всего времени потратили и еще потратим завтра на починку того, что поломали в ходе ремонта.

Рокуэлл уже спит и видит во сне маленькую дикую птичку, соловья, который пел о свободе несчастному китайскому императору. А вдали отсюда, в городах, уличная толпа по-прежнему заслушивается жестяного соловья, воспевающего свободу закона. Ну а теперь пришло время и мне почитать, съесть кусок хлеба с джемом и дать спине отдых на мягкой подушке.

Дни бегут, настоящие зимние дни. Снег, холод, ветер, и какой ветер! Жуть берет, когда он с воем обрушивает на нас с ближних вершин свирепые удары. Ветер бросает в крышу обломки льда и сучья, под его тяжестью доски скрипят и стонут, дрожит огонек лампы, мох, выбитый из щелей, падает на мой рабочий стол, хлопают холсты, висящие над постелью, — а потом разом ветер уходит, и в мире снова все стихает, за исключением доносящихся издали звуков прибоя и шума деревьев. Олсон засыпает нас угощениями. Последний дар очень приятен, хотя и противозаконен. Из бутылки, до половины наполненной изюмом, он налил мне стакан светлой жидкости, смешал ее в рав-

ной пропорции с ячменным пивом и добавил щепотку сахара. Очень вкусно и здорово подбадривает.

— Что это такое? — спрашиваю.

— Чистый спирт, — причмокивая, отвечает Олсон.

Затем Олсон пустился в поучения конфиденциального характера и, «как охотник охотнику», рассказал о том, как следует расставлять сети людям, в моем случае богатым покровителям. Оказывается, он давно уже ломает голову над тем, как помочь мне в нужде.

Между прочим, яйца, которые привез Олсон, вполне съедобны. (Ему дали в Сьюарде двадцать четыре дюжины испорченных яиц на корм лисицам.) Дюжину мы съели. Сегодня я разбил семнадцать, чтобы отобрать на обед шесть штук. Из них мы готовим яичницу с луком. Рокуэлл объявил это блюдо роскошным, мне остается только присоединиться к его мнению.

Работа, работа и работа, немного развлечений, не слишком долгий сон. Ветер дует непрерывно. Рокуэлл все такой же хороший: деятельный, добрый и, главное, счастливый. Он уже совершенно свободно читает любую книгу. Рисование стало для него естественным и регулярным занятием, почти отдыхом, потому что он может рисовать и в серьезном и в юмористическом стиле. Сейчас он в постели и ждет обещанной порции музыки и новой андерсеновской сказки.

Еще один день ушел, приближается новое утро. Я выхожу из дому. Усталые, воспаленные глаза широко раскрываются от лунного света и опять видят ясно. Мороз заставляет пританцовывать, распрямляя скрюченные колени. Согнутая спина невольно разгибается оттого, что вытянутые руки описывают круг в прекрасном обнимающем жесте, которым обычно сопровождается сладкий зевок в предвкушении сна.

Тринадцатое ноября! Как летит время! Я гляжу на черную воду, которую скоро опять предстоит пересечь, отправляясь в Сьюард! Из-за угла избушки неожиданно вырывается ветер. Я дрожу... и отправляюсь спать.

ГЛАВА V

ОЖИДАНИЕ

Четырнадцатое ноября, четверг

МЫ ГОТОВЫ отправиться в Сьюард, как только немного поутихнет, но это может произойти и через две недели, и через два месяца. Одежда и запас еды на несколько дней я уложил в большой рюкзак, чтобы не погибнуть с голоду, если нам придется высадиться в каком-нибудь неизвестном месте. Эта поездка, требующая очень немного времени, может, однако, продержат нас в Сьюарде множество дней и обойтись нам в три или четыре раза дороже.

Ветер по-прежнему северный, дни поразительно красивы, не уступают им и ночи. Сегодня поздним вечером мы с Рокуэллом в третий раз катались на коньках. До чего замечательно было на озере! Высоко над нами в безоблачном небе луна. Вокруг сверкающие от льда и снега горные склоны и черные ели. Мы катались, держась за руки, как влюбленная парочка. Мчались в самый дальний конец озера прямо в зубы свирепому ветру и возвращались назад, подгоняемые ветром, как корабли на

всех парусах. Рокуэлл сегодня второй раз на коньках, и делает успехи с каждой минутой.

Я подстриг Рокуэлла, обросшего за эти четыре месяца. С челкой до бровей он был похож на средневекового мальчика. Теперь видно, что он действительно красивый парнишка. Все трудности этого холодного края и суровой жизни он переносит как настоящий мужчина. Я очень горжусь им.

Шестнадцатое ноября, суббота

По-прежнему ветер, и вчера, и сегодня, тот же холод, ясность, голубизна. А по ночам луна до самой зари стоит прямо над крышей и потом заходит где-то далеко на севере. Холодно по-настоящему. Олсон ходит совсем несчастный и удивляется, как это мы можем пилить дрова и кататься на коньках. Но я думаю, что таких страшных холодов, какие я испытал в первую зиму в недостроенном доме в Монхегане, в моей жизни уже не будет. В те холодные дни вода в ведрах, стоявших в четырех шагах от печки, за короткое время успевала превратиться в лед, а однажды ночью замоченная фасоль замерзла на горячей печке. Здешняя погода нам нравится. Поскольку избушка сильно сквозит, я трачу дрова безжалостно. И это доставляет мне истинное наслаждение после того, как всю жизнь приходилось буквально считать куски угля и поленья. На пруду замерзло льда на шесть дюймов, местами лед прозрачен и кажется черным, потому что сквозь него просвечивает дно. Утром я заставил Рокуэлла надеть теплые белье. Теперь он беспрерывно жалуется на жару.

Дни проходят однообразно, отличаясь друг от друга лишь какой-нибудь домашней работой, выпадающей раз в неделю или месяц, либо моими художественными успехами и неудачами. Нынче утром Олсон помог мне втащить нашу лодку на берег выше полосы пляжа. Это весьма основательно сделанная восемнадцатифутовая плоскодонка с тяжелым килем. Тем не менее прошлой ночью ветер проволока ее на целых четыре фута и, не будь она привязана, мог бы сдуть в воду, где волны, конечно, вскоре потопили бы ее. Сегодня я не буду читать в постели: она слишком далеко от печки.

Семнадцатое ноября, воскресенье

Сегодня утром мы спешно вскочили с постели, приняв окружающую тишину за предвестие спокойного дня, подходящего для поездки в Сьюард. Но за пределами нашей бухты море сильно волновалось; не прошло и двух часов, как налетела снежная буря. Стало холодно и темно. Мы едва погасили после завтрака лампу, как снова пришлось зажечь ее к позднему обеду. И все же за этот короткий промежуток я успел поработать над этюдом, Рокуэлл катался на коньках и рисовал и вместе мы напилили массу дров. Вечером я пытался написать статью для журнала «Модерн скул». Мы перевернули и закрепили веревками лодку как раз вовремя, потому что ночью выпал снег и покрыл землю толстым слоем. Луна взошла, и от прорывов в облаках у нас светло как днем.

Восемнадцатое ноября, понедельник

Сегодня буря с юго-востока. Ветер бешеный. Завтракали при лампе, работали, пока не стемнело, потом примерно часа в три или четыре обедали и снова за работу, и только позже я слегка вздремнул, так как чувствовал себя утомленным. Затем Рокуэлл ложится в постель, и я ему читаю, еще немного работаю, дальше легкий ужин, ради которого Рокуэлл поднялся, мытье посуды, и он опять укладывается спать. Минут на сорок я отправляюсь с визитом к Олсону, ухожу от него в десять и опять работаю до какого-то сумасшедшего часа. Что за нелепый день! Придется завести часы. А сейчас похоже, что больше нельзя тратить времени на этот дневник. Аминь.

Девятнадцатое ноября, вторник

Унылый-унылый, тягостный день. Но я работал, вернее, был чем-то непрерывно занят и сейчас готов улечься и почитать на сон грядущий. Мои сегодняшние успехи — четыре натянутых и загрунтованных холста, а одно это уже свидетельствует о трудовом дне, полном напряжения и преодоления препятствий. Что за нудная работа! Я уже написал новогодние письма, почти все. Чем ближе рож-

I WANT TO BED ONE NIGHT, AND
 DREAMED ABOUT ANIMALS. MY WILD
 FATHER SAT UP AND THIS IS MY
 DREAM. I AND MY FATHER WANT HUNT-
 ING IN THE WOODS. THERE WERE THERE A-
 RE WILDCATS, WILD PIGS, WOLVES, DEERS,
 LIONS, BEARS, RABBIT, PORCUPINES, ELOFANTS,
 FOXES AND TIGERS WE WERE WANDERING THRO
 THE WOODS AND THERE WASNT A LEAF TWINKLE
 OR A BUSH KRAKING WHEN ALL OF A SUDDEN
 BUSHES KRAKED. BUT WE DID NOT KNOW WHAT
 IT WAS I RAN UP THE TREE WHILE
 FATHER HAD REMAINED A TREE HE
 WAS GOING TO SHOOT HIS GUN BUT I
 TOLD HIM NOT TO SHOOT HIS GUN BE-
 CAUSE I WONT TO KACH HIM. WHILE
 I WAS SITTING IN THE TREE. I
 THAT HOW TO BE NICE TO HIM. I TOR
 LEAVES OFF OF THE TREE. AND
 I MADE A NICE SUIT OF LEAVES. I
 TIED THE LEAVES TOGETHER WITH STRINGS.

A BEAR

ПЕРЕВОД ПИСЬМА (к стр. 75)

Адин рас вечиром я пашол спат и мне преснило
пра зверей а папа не спал и вот мои сон я и папа
хатели паахотица в лесу где многа диких коша
ди-
ких кабанов валков оленив ливоф медве
кролеков ди-
кабразов слонов лесиц итиграв мы атправилис в лес и
там было так тиха што листик нишалохнеца и ни
адин куст не заскрепит как вдруг невзапно три куста
заскрепели. Но мы не знали што ето было я зобрался
на дерево а папа спрятался за деревом он хател вы-
стрелить в ружё но я сказал ему штоба он не стрелял
в свое ружие потомушто я хочу ево поймать, темвре-
мем я седел на дереве я придумал как зделать ему
штонебуть прятное я нарвал листиев и зделал хоро-
шинкий кастюмчик ислистев я свизал листья веревкой.

[Подпись под рисунком:]

«М е д в е д ь»

дество, тем невыносимее становится вдали от дома и детей. Одному из членов нашей здешней семьи придется здорово притворяться!

Судя по волнам и звуку ветра, на море изрядный шторм. А дождь уныло стучит по крыше. Крупные капли падают с высоких деревьев, словно камни; мало-помалу они разбивают в клочья нашу толевую крышу, и теперь, когда дождь усиливается, все время слышно «кап-кап» с потолка на пол. Но нам-то уютно, значит, не стоит обращать внимания.

Сегодня я читал Рокуэллу перед сном сказку «Клаус большой и Клаус маленький»⁹. Это великолепная история, и мы так и покатывались со смеху. Рокуэлл не любит сказки про королей и королев. «Вечно они женятся и всякие такие вещи», — говорил он. Однако сам Рокуэлл очень строго распланировал свою жизнь, включая женитьбу. Отправляясь в свадебное путешествие, он сядет на востоке в поезд один, а жену, чтобы не тратиться на проезд, найдет себе в Сиэтле. А решил он это сделать, не доезжая до Аляски, потому, что девушки там недостаточно хороши. Потом он останется на Аляске до конца жизни. И я смогу жить с ними, если до тех пор не умру, что, по его мнению, может случиться.

Я как раз кончил биографию Блейка и теперь читаю его прозу и индийские очерки Кумарасвами. Как заражает страстная убежденность Блейка! Только что я прочел: «Человеческий ум не способен проникнуть дальше, чем ему дано по милости бога, святого духа. Думать, что искусство может подняться выше лучших образцов, которые уже существуют в мире, — значит не понимать, что такое искусство, это значит быть слепым к дарам духа».

Здесь, в окружении гор, среди высшей простоты жизни, становятся смешными хлопоты человека вокруг форм искусства, все эти поиски новых способов выражения, потому что старые истерлись! Только бедность собственного восприятия, которое не способно прибавить ничего нового, заставляет человека искать спасение в том, что он дурачит сам себя, наряжая по-иному всё те же старые банальности или возвышая до уровня искусства пошлые идеи, находившиеся до сих пор в пренебрежении.

Двадцатое ноября, среда

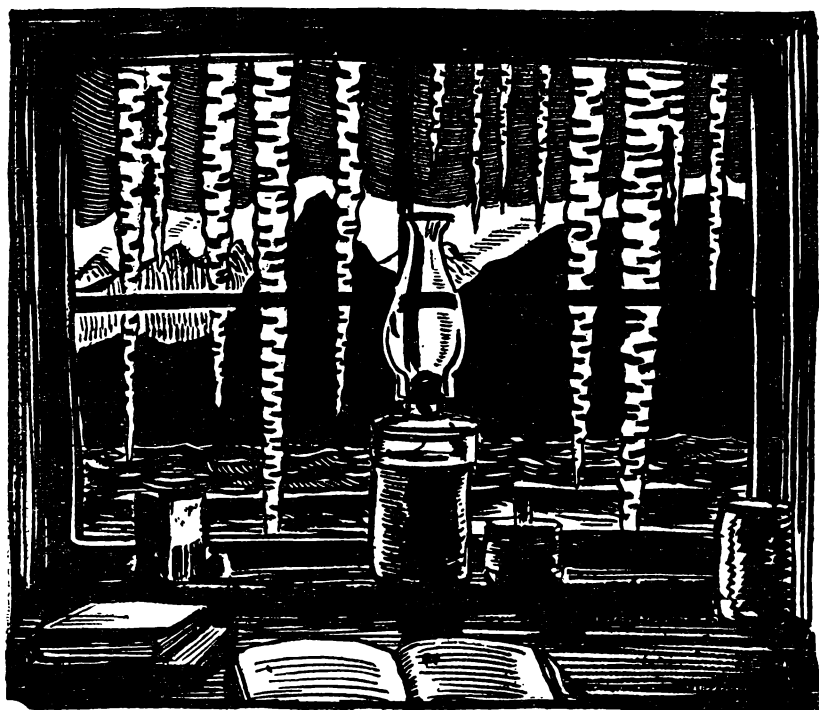
Мы надеемся завтра выехать, хотя шторм еще не утих. Волнение страшное, но даже такие волны могут причинить нам меньше беды, чем зыбь, поднимаемая северным ветром. Больше всего здесь приходится бояться ветра.

Писал сегодня мало: очень темно. В эти короткие дни как-то трудно успеть много сделать. Есть работа, которую надо обязательно выполнить при дневном свете, например: наколоть дров, принести воды с расстояния сто ярдов или налить керосину в лампу, что-то сварить. Сегодня я приготовил массу конвертов и вторично загрентовал натянутые вчера холсты. А сейчас пора ложиться, потому что завтра поднимемся рано. Да! Сегодня вернулся дикобраз. Мы обнаружили его, когда он мирно завтракал возле нашей избушки. Приближение Рокуэлла его ни капельки не испугало. Когда же после нескольких часов, в которые он беспрерывно то грыз, то дремал, Рокуэлл решился наконец внести его за хвост в дом и посадил на пол поблизости от его старой клетки, то дикобраз тут же вбежал в нее и таким образом сам интернировался.

Двадцать второе ноября, пятница

Надо записать события и за вчера, и за сегодня. Дикобраз издох! А за вчерашний день, пока он с полным удовольствием играл и бегал вокруг, мы так привязались к нему. Причина его смерти неизвестна, если не считать, что в этом виновата наша любовь. Рокуэлл много таскал его, вооружась кожаными рукавицами Олсона. А ведь он из породы ночных животных, и мы даже собирались устроить так, чтобы он ел и бодрствовал в свое обычное время. Рокуэлл еще наслаждался мечтами о том, как останется на ночь с ним в лесу. И я, конечно, дал бы ему испытать это. Но теперь все планы рухнули: питомец № 2 отправился на тот свет.

Бушует по-прежнему. Вчера буря разыгралась с таким дождем и ветром, что и представить себе невозможно. При тонкой крыше шум был прямо оглушительным, так что я не мог спать. Прибойные волны били в берег, лес ревел. Дикая выдалась ночь. Сегодня тише, хотя

ОКНО ИЗБУШКИ

дождь принимается лить через каждые полчаса. Когда же, когда мы попадем в Сьюард! А здесь передо мной разложены все прелестные рождественские подарки, которые приготовили мы с Рокуэллом.

В эти короткие темные дни мы сидим с ним, работая за одним столом, как два художника-профессионала. В такие дни писать красками я не могу, и Олсон заглядывает к нам чаще, чем следовало бы. Но мы предоставляем ему молча сидеть с нами, и он достаточно мудр, чтобы довольствоваться этим. Однако поздно. Печка прогорела, и мне пора ложиться. Сегодня ели только дважды. Да! Я сделал вчера симпатичный штамп для заставки на почтовой бумаге и сегодня отпечатал его на моих конвертах.

Двадцать третье ноября, суббота

На заре было тихо, хотя чувствовалось приближение дождя. Мы наскоро позавтракали в надежде, что сумеем отплыть, но в течение часа, пока происходил отлив, с гор налетел северо-западный ветер и дождь обрушился потоками. Сейчас, в поздний ночной час, дождь продолжается, хотя ветер утих. Мы срубили сегодня дерево и частично распилили его. Хотя все время тьма была гнетущая, я все-таки ухитрился немного пописать красками. Кроме того, приготовил множество писем и рисовал. Рокуэлл, как всегда, был деятелен, сидел со мной рядом и тоже рисовал. Он рассказал мне о маленькой Кэтлин забавную историю, которая стоит того, чтобы передать ее. Когда во время игры Кэтлин хочет изменить имя какой-нибудь куклы, она отправляет ее к «доктору», и доктор, то есть она сама, делает кукле операцию. Прорезав дырочку в животе куклы, она засовывает туда бумажку, на которой написано новое имя. Таким образом имя меняется.

Пробовал пустить в ход Олсоново хлопковое масло, которое считается непригодным для еды. Год или два назад ему дали для лисиц ящик испорченного майонеза. Олсон сохранил масло, которое отслоилось от остальной смеси. Задумав пир, я поставил кипятить масло, а тем временем готовил тесто для жареных пирожков. Распространился такой едкий запах прогорклого масла, что мне стало

прямо нехорошо. И хотя Рокуэлл назвал его роскошным, я все же предпочел не жарить, а испечь пирожки. Однако в неподогретом состоянии масло не так уж плохо.

Двадцать четвертое ноября, воскресенье

Олсон объявил, что сегодня воскресенье, и в честь этого дал мне стакан молока для творожной массы. А я в честь этого дня, как бы он ни назывался, работал столько, что сейчас совершенно без сил. День начался снегом и им же сопровождался. Ветер ревел и бушевал, словно в марте. Залив представлял дикое зрелище.

Сейчас ясная и звездная ночь. Неужели завтра опять поднимется северный ветер? Многие говорят за то, что так и будет, а Сьюард и возможность отправить мои письма останутся по-прежнему далекими. Я писал, и с некоторым успехом, потому что от снега стало светлее. В самом деле, картина выглядит неплохо. Я уже могу гордиться своими восемью полотнами — так сильно продвинулась работа над ними. Разумеется, сегодня также пилили дрова; это доставляло бы удовольствие, если бы в нашем распоряжении было не так мало дневного времени. В Сьюарде, наверное, сейчас ждут парохода. Вот уже две недели, если не больше, как мы не видали ни одного.

Двадцать пятое ноября, понедельник

Буря с северо-востока! Весь залив — сплошное неистовство бурунов. Они врываются в нашу бухту и с грохотом разбиваются о берег. Безумный день и дикая ночь. А Сьюард все так же далек от нас! Теперь я уверен, что пароход придет в Сьюард раньше меня. Олсон по своему дневнику установил, что ни один пароход не прибывал в город в течение двух недель. Сегодня я начал две картины и впервые попробовал писать после наступления темноты. Моя лампа с фитилем в три четверти дюйма настолько слаба для этого темного помещения, что писать можно только черным и белым. Таким способом я набросал всю картину. Рокуэлл большую часть дня проводит вне дома, исследуя окрестные леса и разыскивая следы дикобразов и пещеры. А я вот уже несколько недель не прерываю работы даже для небольшой прогулки. В этой жизни «на природе» я

почти не вижу природы. Необходимость каждый день пить дрова для меня стала просто милостью судьбы.

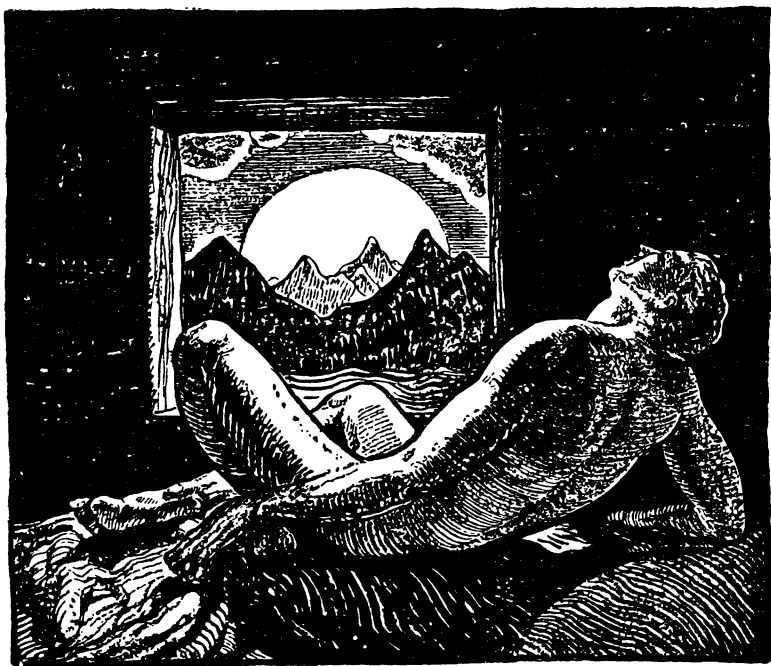
Сегодня я кончил индийские очерки Кумарасвами — содержательная и вдохновенная книга. Кумарасвами определяет мистицизм как веру в единство жизни. Убеждения художника интересуют нас лишь постольку, поскольку мы подразумеваем под ними направление его духа. (Как трудно говорить об этих вещах, избегая небрежного употребления слов и придерживаясь точного их значения.) Я думаю, что мистическое, в той мере, в какой оно есть в человеке, составляет неотъемлемую часть его души, дано ему свыше. В конце концов качества, выделяющие нас, — именно те, о которых мы сами имеем меньше всего сознательного представления. Лучшее во мне совершенно импульсивно, и, взглянув на себя глазами критика, я обнаруживаю, что форма проявления моего искусства, весь его дух фактически не что иное, как точная передача в картинах моего бессознательного жизненного идеализма.

Двадцать шестое ноября, вторник

После ужасной, бурной и холодной ночи пришел погожий день, но ветер удобно расположился на севере, словно собрался там остаться. Пока лишь по ночам бывает тихо. Вот опять такая ночь, и, не будь у меня на руках Рокуэлла, что сдерживает меня, я бы отправился в Сьюард ночью. Олсон сегодня оказался форменным Санта-Клаусом. Сперва он принес нам мягкого сыру, потом хорошей лососины засола двухлетней давности, как он сказал, попробовать; а вечером — большой кусок масла, собственноручно сбитого им из козьего молока. Благодаря добавленному красителю оно выглядит как масло высшего сорта и кажется более аппетитным, чем натуральное белое козье масло. Сегодня мы срубили два совсем маленьких дерева. Наша круглосуточная топка пожирает огромное количество дров. Итак, завтра — опять решаюсь написать это — завтра мы уедем в Сьюард.

Двадцать седьмое ноября, среда

Сегодня мы пустились бы в путь, если б знали, как переменится погода. Было очень хорошо: холодно, но ясно,

СПАТЬ!

ветер юго-западный. Поскольку с утра наблюдались все признаки крепкого ветра, то мы оказались не подготовленными к тому, чтобы воспользоваться затишьем, которое вновь нарушилось в середине дня. Во всяком случае я отразил это в маленькой картине — легкий туман и рыхлые облака. Кроме того, я работал над большим полотном «Сверхчеловек», начатым несколько дней назад. Олсон ссудил мне свой походный сундучок — небольшой, похожий на деревянный ящик из-под бакалеи, в чехле, скрепленном ремнем с пряжкой. Такой сундучок — неременная принадлежность всех мужчин в Юконе. В нем теперь мой неприкосновенный запас, письма, рождественские подарки и все прочее, предназначенное для Сьюарда. Сегодня Рокуэлл вынес Скуирли погулять, с нежной заботливостью завернув его в свитер. Вдвоем они отправились в дальний лес, как добрые друзья. А потом Рокуэлл нарисовал портрет своего плюшевого любимца в подарок Кларе на рождество.

Двадцать восьмое ноября, четверг

Это бесконечное ожидание раздражает меня. Большую часть дня я провел сегодня, ковыряясь в моторе. Теперь он работает в бочке с водой. Главная неприятность с этими маленькими моторами и даже с самыми лучшими из них состоит в том, что они останавливаются, как только вода попадает на двигатель. А помещаются они на корме, в таком доступном для воды месте, что намокают при любой волне. И вы оказываетесь в затруднении, потому что отказавшийся работать мотор, или, вернее, винт, мешает продвигаться на веслах. Большинство моторов подвешивается прямо к корме, так что их легко отцепить и втащить в лодку. А мой приспособлен в своего рода кармане, встроенном в корму, и его трудно снять даже на суше. Весит он, несомненно, больше ста фунтов. Поэтому меня мало радует перспектива оказаться в плену такого снаряжения. Кстати сказать, мотор дали впридачу к лодке бесплатно.

Итак, день прошел. Сегодня мы ложимся рано и, если все будет спокойно, утром, перед рассветом, сразу же отправимся в путь.

ПЛАВУЧИЙ ЛЕС

Двадцать девятое ноября, пятница

Прошлой ночью на нас с востока обрушилась ужасная буря. В избушку несколько раз так сильно ударило, что казалось, тонкая крыша не выдержит. На самом деле она еще вполне крепкая, но шум от этих внезапных порывов ветра, несущего с собой снег и лед с верхушек деревьев, просто чудовищный. К утру погода смягчилась, но дождь и снег продолжались, и большую часть дня дул сильный восточный ветер. В полдень, к моему отчаянию, в Сьюард пришел пароход. На рассвете он, без сомнения, отплывет обратно. Так на глазах исчезает возможность отправить рождественские письма.

Работал я сегодня превосходно и на седьмом небе от радости. Это слегка рассеяло мою грусть из-за того, что мы все никак не доберемся до Сьюарда. Вечером у нас долго сидел Олсон. Он терпеливо ждет и молчит, пока я рисую. Снег не прекращается. Что-то будет завтра?

Фрэнсису Галтону, исследователю человеческих способностей¹⁰, наверное, очень понравилось бы случайное замечание Рокуэлла о цвете собственных имен. Они приобретают определенную окраску, которая представляется мальчику безусловно подходящей и характерной. Клара тоже видит имена в цвете. Отец — голубой, мать — тоже голубая, но тоном темнее. Степень открытости гласного звука, судя по этому и другим примерам, которые мне приводил Рокуэлл, усиливает густоту окраски. Кэтлин — светло-желтого цвета, причем очень светлого.

Ну а теперь чего-нибудь перекусить, потому что я ел сегодня всего два раза, и в постель.

ГЛАВА VI

ПОЕЗДКА

Пятое декабря, четверг

МЫ ПОДНЯЛИСЬ тридцатого ноября еще до рассвета. Было теплое тихое утро, с деревьев капало. Не позавтракав, мы стали переносить в лодку вещи. Олсон тоже проснулся и пришел нам помогать. При поездке в Сьюард всегда приходится тащить с собой много вещей: бензин, масло, инструменты, мой чемодан с одеждой, теплыми одеялами и запасными сапогами, сундучок Олсона с почтой, книгами и флейтой. Мотор был в полной исправности и сразу заработал. Мы пустились в путь через залив, едва начало светать.

Стояла прекрасная погода. Солнце из-за горизонта бросало лучи вверх на облака, превращая их из серых в розовые, а потом в золотые, пока наконец через час или больше не осветились вершины гор, и тогда мы поняли, что оно взошло. Море оставалось тихим и спокойным на всем протяжении пути, и все же я поймал себя на том, что напеваю «Лесного царя» — так сильно я боялся за Рокуэлла.

Он же наслаждался поездкой, завернувшись в овечий тулуп Олсона. У рыбацкой базы мы на минуту остановились и, не приставая к берегу, перебросились двумя словами с ее обитателем, который только что поймал росомуху внушительных размеров. Но от предложенного завтрака мы отказались и поспешили дальше.

В Сьюарде сгрузили вещи в избушке Олсона — маленьком помещении примерно в восемь квадратных футов — и отправились было в гостиницу. Но по дороге один из друзей остановил нас возгласом:

— Очень умно сделали, что не приезжали.

Оказалось, что в Сьюарде свирепствовал грипп, насчитывалось более трехсот пятидесяти случаев заболевания, а кроме того, началась корь. Смертных исходов было немного. Теперь болезнь уже прибрали к рукам, тем не менее я решил избежать гостиницы. Нам великодушно предоставили в пользование маленький домик, и вскоре мы там уютно расположились, окруженные письмами из дома. Я не притронулся к своим вещам, остававшимся с прошлого раза в гостинице, и во время пребывания в Сьюарде мы ходили в том, в чем приехали. В полночь мы с Отто Бемом подтянули нашу лодку выше линии прибоя и перевернули ее, после чего я продолжал писать письма до половины четвертого утра. Первого декабря и все остальные дни, пока мы находились в Сьюарде, была тихая и ясная погода. Мы продолжали жить в коттедже. Я все время писал и готовил рождественские подарки, так как тридцатого пришел пароход, который должен был покинуть порт первого ночью, в воскресенье.

Жители Сьюарда приветливы без тени навязчивости, к тому же они, несмотря на то что их страна отдалена от большого света, отличаются чрезвычайной широтой взглядов. Я не считаю провинциализм неизбежным пороком дальних поселений. Жители Аляски — живые, предприимчивые, смелые люди. Они крепко стоят на собственных ногах. Да почему бы и нет? Здесь ведь нет сбивающей с толку путаницы современного общества. Человек собственными руками добывает из земли чистое золото, никому не подчиняется. Это великая страна, она намного лучше всех, какие я знаю. Впрочем, портрет этого глухого

северо-западного городишки в таких радужных красках не иначе как реакция на одинокую жизнь на острове!

Мы приехали в подходящий момент для того, чтобы увидеть Сьюард другими глазами, и только благодаря нашей вере в Аляску решили, что ни в коем случае нельзя считать его настоящим и типичным для Аляски городом. «Тихоокеанский Нью-Йорк», как его горделиво величает литература, выпускаемая местной Торговой палатой, насчитывает примерно пятьсот жителей; это наиболее цепкие остатки из той гораздо большей массы людей, которые когда-то поверили в реальность обещаний правительства о постройке железной дороги в глубь страны. История злоключений жителей Сьюарда способна вызвать возмущение, пока не вспомнишь, что Сьюард был построен не для промышленности, а для торговли и потом случайный поворот судьбы заставил многих вместо прибыли подсчитывать убытки. Здесь нет никаких природных ресурсов, которые можно было бы разрабатывать, и, следовательно, нет и промышленности.

Сьюард распланирован в расчете на рост и оборудован для торговли. План города украшен широкими улицами и нумерованными зданиями, хотя в действительности здесь видны только пни, торчащие среди диких зарослей шиповника. Центр застроенной части города, где проходит одна улица протяженностью в два квартала, вполне современен: с электрическим освещением, с бетонированными мостовыми. Превосходные магазины, два банка и несколько маленьких гостиниц, пекарня, которую возглавляет мастер из нью-йоркской пекарни Уорда, и салон французского парикмахера из Букингемского отеля. В городе есть хорошая средняя школа, больница и церкви всех родов. Отсутствует публичная библиотека, но, по-видимому, это не слишком ощущается. Сьюард — торговый город, и здесь преобладают торгашеские взгляды, реакционная узость мысли по отношению к современным проблемам и трепет перед угрозой организации рабочих масс. Забастовка трех разносчиков местной газеты привела несчастного дурня-издателя в панический страх перед заговором ИРМ¹¹. Но это вызвало смех даже в Сьюарде. Худшее в Сьюарде — это сам город, лучшее — сильные люди, которые попали сюда

случайно или находятся проездом, возвращаясь с большой Аляски.

Второе декабря было посвящено закупкам. Я приобрел все виды рождественских товаров, елочные игрушки, угощение, мелкие подарки для Олсона, но ничего для Рокуэлла. Нам с ним придется обойтись на этот раз без подарков. Потом опять писали письма. Гравюра, которую я вырезал на дереве, оказалась совершенно негодной, когда я увидел оттиски.

На третье декабря у меня все еще оставалось столько корреспонденции и разных дел, что мы задержались на весь день; я вставил Броунелу дверную раму и провел у него весь вечер. Пришел и тот славный малый почтмейстер, и мы превосходно провели время, по очереди исполняя разные песни. Почтмейстер отлично спел «Наш учитель миштер О'Тул». День я провел за письмами и выслушиванием городских сплетен.

Занятную историю услышал я об Олсоне. Однажды он разглагольствовал перед целой кучей народа о северном олене. Среди слушателей оказался еврей, которого раздражал его апломб. В конце концов этот насмешник спросил: «Олсон, что получится, если скрестить северного оленя со шведом?» «Получится еврей», — ответил Олсон. С тех пор этот человек, который и поныне живет в Сьюарде, отвызался от Олсона. У нашего старика, оказывается, редкая репутация благодаря его честности, правдивости и прочим бесценным качествам.

Истинное наслаждение жить в стране, где люди сохраняют в себе достаточно живости, чтобы не принимать чужую бойкость за оскорбление, где предприимчивость настолько общая черта, что не вызывает подозрений, и где считается правилом не лезть не в свое дело.

Четвертого декабря мы решили отправиться на Лисий остров. Два часа ушло на то, чтобы завершить дела в Сьюарде и погрузиться. С лодкой нам помог Броунел. Мотор, конечно, артачился минут пятнадцать, а потом (уже не «конечно») прекрасно заработал. Проехав с четверть мили, я узнал, что Рокуэлл оставил наши часы на снегу близ избушки Олсона. Пришлось вернуться. К счастью, Броунел заметил нас и принес часы.

СТРОГАЛЬЩИК

Поездка прошла быстро, без особых происшествий. Близ Каиновой Головы начался снег, и хотя он скрыл от нас остров, но я курс знал. Посреди пролива мотор заглох, но после десятиминутной возни опять пошел и работал, пока мы не повернули в нашу бухту. Тут начались перебои, и мне пришлось все время заводить его. Все же он дотащил нас на расстояние примерно тридцати — сорока футов от берега и здесь окончательно испустил дух по милости снега, который к этому времени основательно намочил и мотор, и нас самих. Мы выгрузились, с большим трудом втащили лодку на берег и перевернули ее. В этот вечер я был так измучен, что сразу улегся, оставив Рокуэлла одного за рисованием. Вот мы и снова на Лисьем острове.

ГЛАВА VII

ДОМА

Пятое декабря, четверг (продолжение)

В ЭТОТ первый день после возвращения стоит мягкая, дождливая и снежная, сонная погода. Я немного поработал и решил взглянуть лишь на одну картину — на «Сверхчеловека». Она оказалась в самом деле великолепной. Небо на ней освещено как бы северным сиянием, а сама фигура живет. В конечном счете жизнь есть то, что человек видит; ее он старается удержать в памяти и воспроизвести средствами искусства. Для этой цели он использует любые возможности, стараясь преодолеть все, что его сковывает. Если б только можно было стать действительно свободным, таким свободным, чтобы преодолеть пределы изображения и воплотить его в бытие, приняв очертания своего пророческого видения о высшем назначении человека! Гигантская фигура, разорвав тесное кольцо облаков, окружающих землю, устремляется ввысь, в бесконечные пространства ночи, сияющим лицом, с руками, простертыми, чтобы обнять да-

легкие миры! Этим духом проникнут, в этом движении изображен сверхчеловек. Итак, я не могу пожаловаться. Теперь снова за работу. Пока новая почта попадет в Сьюард, а тем более сюда, пройдут недели.

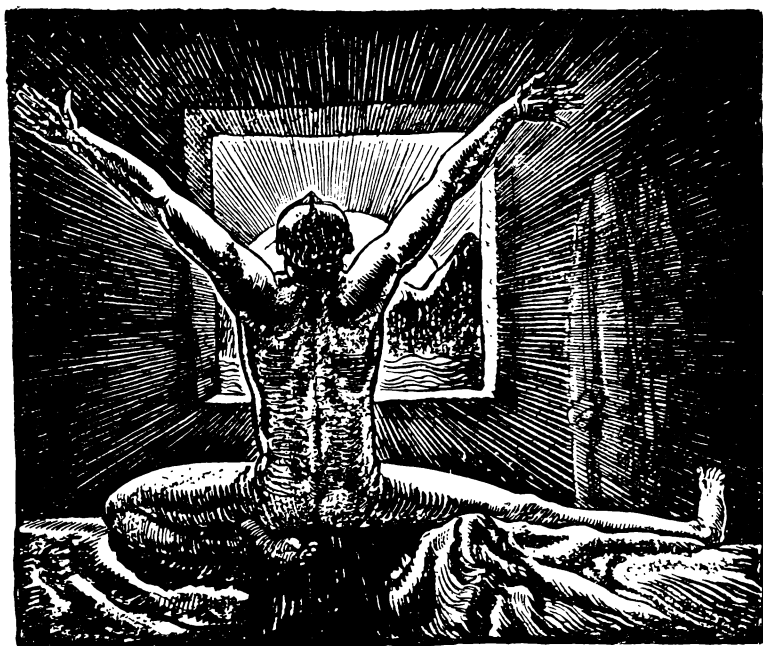
Шестое декабря, пятница

Читаю книжечку о Дюрере. Какая великолепно развитая цивилизация существовала в средние века, несмотря на все ее недостатки! С точки зрения людей, разделяющих мои интересы, не может быть более убедительного подтверждения превосходства той эпохи над нашей, чем роль художника и ученого в обществе. Цитирую дневник Дюрера (о банкете у антверпенского бургомистра):

«...и была серебряная посуда, и другие ценные украшения, и самые дорогие кушанья. Были там также все их жены. И когда меня вели к столу, то весь народ стоял по обеим сторонам, словно вели большого господина. Были среди них также весьма примечательные люди с именем, которые все с глубокими поклонами скромнейшим образом выражали мне свое уважение. И они говорили, что намерены сделать все, сколько возможно, что, по их мнению, может быть мне приятно. И когда я сидел там, окруженный таким почетом, явился посол Совета Анторфа с двумя слугами и преподнес мне от имени господ Анторфа четыре кувшина вина, и они велели ему сказать, что хотят почтить этим меня и изъявляют свое расположение. За это я выразил им нижайшую благодарность и нижайше предложил свою службу. Затем пришел мастер Петер, городской плотник, и преподнес мне два кувшина вина с предложением своих услуг. Так что мы весело провели время, и поздней ночью они весьма почтительно провели нас с факелами домой»¹².

О страна фарфоровых ванн! Человеку достаточно лишь отбросить все, чем сегодня определяется уровень цивилизации, чтобы убедиться, что вся его собственная культура вполне может сопровождать его в глухие дебри и при всех жизненных невзгодах оставаться при нем ничуть не менее утонченной.

Мерилом цивилизации нельзя считать ни соотношение бедности и богатства, ни наличие монархии, республики или даже свободы, ни то, как мы работаем — руками или применяя рычаги. Таким мерилom может быть лишь окончательный плод всего этого в совокупности — произведения искусства, неизгладимые письма человеческого духа. Некролог сегодняшней Америке, без сомнения, уже напи-

ВСТАВАТЬ!

сан где-то в бедной мастерской какого-то безвестного страждущего и борющегося человека. И это все, что узнают о нас потомки.

Буря, которая свирепствует сегодня ночью, разбила все прежние рекорды. Налетая с северо-запада, она громоздит друг на друга волны в нашей бухте. Окна покрыты слоем соли. И тонны поднятой в воздух воды облаками плывут с залива, скрывая горы от подножия до середины. Под ударами ветра гнутся балки, куски льда, неизвестно откуда, с грохотом обрушиваются на избушку. Висящие под потолком холсты раскачиваются и хлопают, и вообще ветер гуляет по всей избушке, как ему вздумается. Шумно, холодно и неудобно до смешного, и мы с Рокуэллом действительно смеемся. Зато дрова у нас в изобилии, потому что сегодня мы напилили еще.

Ветер поднялся вчера перед сном. Где-то среди ночи погасла печка, потому что, когда я проснулся в два часа, в комнате было уже очень холодно, а ветер усердствовал. Не поспевши на покой. Человек легко переносит холод в короткие промежутки времени. По многу раз в день я стоял раздетый на ветру и моментально согревался, едва входил в натопленную избушку. Сегодня пек хлеб, и он удался на славу. Еще рисовал, дрожал от холода, писал, а вечером хочу сделать набросок картины «Жребий богов». Только что поспел наш ужин, и бесчеловечно держать двух голодных промерзших смертных вдали от их кукурузной каши.

Седьмое декабря, суббота

Поздно! Теперь, когда у нас есть часы — я стащил их в Сьюарде, — мы живем, точно соблюдая время. Часы я поставил по приливу, отметив уровень подъема воды на свежеевыпавшем снегу. Мы встаем в половине восьмого. Солнце в это время еще не взошло, но уже вполне светло. Быстро готовится и съедается завтрак. Чтобы как следует разогнать кровь по жилам для хорошего трудового дня, мы выскакиваем из дому и бодро начинаем рубить, колоть и пилить на великолепном ледяном северном ветру. Затем я принимаюсь писать. Я таки выжил беднягу Олсона, но

заглаживаю вину тем, что отправляюсь к нему сам, как только стемнеет и писать уже нельзя.

Сейчас одиннадцать ночи, и мне полагается еще почитать. Ух, какой холод! Ветер разгулялся до бури. А как я намучился прошлой ночью! Четыре раза вставал, чтобы подкормить прожорливое пламя. И все равно вода в ведрах заледенела. Но мы не можем допустить, чтобы дом промерзал, потому что все наши запасы не защищены. Что, если замерзнет рождественский сидр и разорвет посуду! Я писал сегодня на воздухе... в тапочках! И уж конечно, держался до последнего момента. Любовь к холоду — признак молодости. И нам по душе он, пробуждающий.

Восьмое декабря, воскресенье

Бревенчатые избушки, проконопаченные мхом, должно быть, очень хороши в тропиках. Я совсем закоченел. Бумаги на рабочем столе приходится прижимать грузом, чтобы они не разлетались по всей комнате. А ветер прямо ледяной.

Зверски, отчаянно холодно. Олсон говорит, что холоднее в эту зиму уже не будет. Разумеется, на самом-то деле мы не так уж страдаем. Печка раскалена докрасна, и можно устроиться подле нее на любом расстоянии, и в постели тепло, мерзнем только под утро. С вечера я придвигаю кувшины с пивом и сидром поближе к печке, наполняю топку до отказа, наваливаю на постель все одеяла и верхнюю одежду и засыпаю безмятежным сном.

Буря продолжает свирепствовать, к счастью, не в полную силу. Этим утром мы с Рокуэллом в быстром темпе справились с домашними делами и потом лазили на низкий хребет. Снег в лесу образовал твердую корку и потому хорошо выдерживал нас, так что мы продвигались легко и очень скоро взобрались на гребень. Какой великолепный вид оттуда — голубые, золотые, розовые краски! Мы поглядели вниз на мыс и увидели, как через него перекатываются волны; поглядели на море — над ним кружился снег, сдутый с суши; водяные брызги и туман клубами поднимались к солнцу; а солнце, прекрасное солнце, светило прямо на нас. Мы сделали несколько снимков, а потом с онемевшими руками и ногами помчались по склону

вниз, играя в «погоню медведя за человеком». Рокуэлл так раскраснелся, что любо было смотреть. Ему очень понравилась наша маленькая экскурсия.

Остаток дня мы работали. Я натянул и загрузил три больших холста — ненавистное занятие. Писал, пилил дрова; срубил дерево, а ветер понес и зацепил его за другое, так что теперь оно повисло и ни туда ни сюда. Вот, пожалуй, и все. Опять одиннадцать часов и пора ложиться. Ночь красивая, несмотря на все страсти. Молодой месяц вот-вот закатится.

Девятое декабря, понедельник

Дует сильнее, чем прежде, и стало еще холоднее. Весь день голубое небо было скрыто пеленой тумана и летящих брызг. Залив кипит и дымится, по нему несутся гигантские волны. Действительно ужасная погода. Олсон вечером рискнул предсказать, что это высшая точка зимы. Но я теперь знаю Олсона. Сегодня утром я срубил еще одно дерево, чтобы освободить вчерашнее, и оба упали с грандиозным треском. После этого мы взялись за пилу и заготовили дров еще на день.

К вечеру зашел Олсон и поделился с нами воспоминаниями о первых днях Ном.

— Один человек, — начал он, — бежал с китобойного судна, которое остановилось набрать воды где-то у северного берега Аляски. В Сан-Франциско его обманом завербовали в матросы, хотя вообще он был портной. С помощью эскимосов он стал пробираться вдоль побережья и наконец пришел в Ном. Это была деревня, из которой ушли все мужчины. Одна женщина приняла его к себе. Звали ее Мэри, англичанка. Эта женщина слыхала, что на Юконе нашли золото, вот она и спрашивает того человека, не старатель ли он. Тот отвечает: да, мол. Тогда она говорит: «Пойдем» — и привела его к ручью, а там все дно так и блестит самородками. На самом деле этот портной ничего не понимал в золоте. Он оставил все, как было, а сам отправился дальше вдоль побережья и наконец попал в Сент-Майкл. Там портной встретил миссионера и одного молодого парня, который приехал на Аляску с партией старателей. С этими двумя он воротился на лодке в Ном. Вы,

МУЖЧИНА

конечно, слыхали всякие истории о том, как они туда попали, но, верьте мне, я собственными глазами видел их лодку, она и до сих пор лежит там на берегу. Ну ладно, приезжают они и видят золото, и опять никто ничего не может сказать точно. Тогда один из них отправился за человеком из старательской партии, с которой тот парень приехал на Аляску. Старателя привезли наконец, и он подтвердил, что золота много. Сразу застолбили участки и начали работать. Но слух о золоте расходуется быстро — тотчас понаехали другие. Старатель из той первой партии написал законы, как добывать здесь золото, и их стали применять. Я был в то время на Юконе. Как только до нас дошел слух о новых находках, я спустился вниз по реке и попал в Ном осенью, через год с небольшим после открытия золота. В это время там уже народу было полно.

Какие-то люди начертили план города и стали продавать участки. Я купил участок в северо-западном углу квартала. Там была тундра (тундра — это сырая оледеневшая трава, в которой нога утопает по щиколотку). На моем участке оказалась палатка и немного строительного леса, я купил и их заодно. В один прекрасный день прихожу с прииска домой и вижу, что и палатку, и лес украли. Пришлось купить бревна на каркас для новой палатки. Выложил я тридцать долларов, то есть по пятьдесят центов за фут. В это время в Ном повалил народ всякого сорта. Те, у кого были заявки, часа за два намывали золота из ручья до пяти тысяч долларов. В песке его попадалось столько, что лотка, бывало, не поднимешь.

Потом кто-то забрался в мою палатку и обчистил меня, но, кроме финки, там, можно сказать, ничего и не было. Я занял десять долларов и подрядился за доллар в час на работу. В это время появились два мерзавца — судья и адвокат. Они начали обманным путем отнимать у людей заявки. В открытую говорили, что, как увидишь чьи-нибудь вехи, надо занимать участок, а адвокаты, мол, отсудят тебе больше денег, чем сам заработаешь на золоте. Человеку без денег не стоило и пытаться удержать свою деланку. А сброд-то какой собрался! Шулера, жулики, аферисты, мужчины и женщины всякого пошиба. И жили-то по-чуждому. Только золото в голове. Бордели не закрывались,

ЖЕНЩИНА

грабежи среди бела дня. Мужчины, ложась спать, клали рядом ружье, а уж если стреляли, то чтоб убить. По ночам в палатках грабители усыпляли людей хлороформом. В то время там были тысячи людей. Если посмотреть издали, казалось, они роятся на берегу, как мухи. Всю землю перевернули из-за этого золота. Весь берег на десять миль в обе стороны от Номы срыли лопатами и покидали в море. В индейской деревне копали до тех пор, пока все дома не повалились, даже кладбище все разрыли.

Так звучит рассказ Олсона. История его жизни, как мне сказал один из старожилов Сьюарда, действительно могла бы быть историей Аляски. Поскольку Олсону вечно не везло, он побывал буквально всюду и все перепробовал. Я поступил несправедливо, сократив его рассказ о Номе. Его воспоминания полны таких личных деталей. Он помнит все, что говорилось при любой ситуации. Насколько я знаю Олсона, в своих рассказах он никогда не отступает от собственного характера независимо от того, являлся ли он главным или побочным участником излагаемых событий.

Я бы не посвятил все свободное время этой записи, если бы на моем счету сегодня не было уже доброй порции работы, включая набросок новой картины, настолько живой, что остается только скопировать его. Это «Северный ветер». После прошедших четырех дней я, без сомнения, могу авторитетно высказаться об этом диком северном принце.

Одиннадцатое декабря, среда

Вчера у меня был слишком мрачный день, чтобы riskнуть писать в дневник. Что касается погоды, то она опять была свирепая, холодная и ветреная; что до работы — не сделано ровно ничего. Навестить в такой день Олсона в его избушке — единственная радость. Я открываю дверь и вхожу. Он в черной каракулевой шапке сидит подле печки, а две козы полностью завладели помещением. Дойная коза Нэнни — очень привязчивое существо. Она кладет морду Олсону на колени и, когда он чешет ей голову, блаженно жмурится.

— Гляньте, какая у нее милая мордочка, — говорит Олсон, — какие хорошенькие губки.

Несомненно, никто добрее его не относится к четвероногим, впрочем, как нам хорошо известно, и к двуногим тоже. Сегодня погода мягче. Над заливом низко стелется густой туман, но горы великолепно озарены солнцем.

Работа пошла лучше. За прошедший день у меня есть кое-какие достижения: пек хлеб, и хлеб получился красивым, пилил дрова, немного помог Олсону. Потом мы с

сыном устроили славную потасовку. Рокуэлл здорово дерется. Я тренирую его для предстоящих боев, разрешаю ему нападать на меня со всей силой, и, как выяснилось, сила эта нешуточная.

Тринадцатое декабря, пятница

Прервал писание писем, чтобы изобразить эффектное положение облаков, и так у меня идет весь день. Работаю, например, пилой или топором и вдруг, осененный какой-то идеей, кидаюсь к своим краскам. Прекрасная жизнь, и я все больше и больше убеждаюсь, что по крайней мере для меня такая изоляция — не от друзей, а от недружелюбного мира — и есть единственно правильный образ жизни. Энергия моя слишком необузданна, чтобы устоять перед городскими соблазнами. В борьбе или в погоне за развлечениями я лишь впустую, бессмысленно растратил бы силы. А здесь что за мирная гавань! И старина Олсон с

его добрым сердцем — последний штрих, придающий этому миру полное совершенство. Никогда не встречал подобного человека. Я не поклонник «живописных простых натур». При ближайшем знакомстве они оказываются обычно чертовски тупыми и грубыми. Я жил бок о бок с разным рабочим людом и не строю никаких иллюзий на этот счет. Но Олсон! У него столько такта и понимания, такая доброта и любезность, что я ставлю его вне всех слоев и классов, туда, где и подобает быть всем настоящим людям.

Нынешний вечер похож на мою картину. Прекрасная погода. Вчера в нашей маленькой бухте было такое затишье, какого можно ожидать лишь в летнюю пору. Голубое небо, теплый воздух, чудный день для работы. Я превратил набросок «Северного ветра» в лучшую картину на свете. Поставил ее в дверях лицом наружу, и даже с большого расстояния она кажется такой же живой, нет, более живой и ослепительной, чем сама природа. В первый раз я вынес свою картину на яркий свет. Именно так она и должна смотреться.

Прошлой ночью все было спокойно часов до четырех утра. Потом снова налетел ветер, зашумели деревья, крыша закрипела и застонала. Сегодня тише. Мы начали день рубкой высокой ели диаметром более двух футов. Теперь она лежит подле избушки, как высокий вечнозеленый забор. Дров, которые мы из нее напилим, хватит на несколько недель. Я работал на воздухе над двумя картинами. Но работать очень холодно: сидишь скорчившись в снегу, кровь медленно проходит по согнутым коленям, ноги окаменели, пальцы рук стынут. Но ведь рядом теплая избушка...

Я только что вернулся после колки дров при лунном свете. В дни, когда пишешь с подъемом, домашние работы остаются несделанными.

Если бы можно было точно записать рассказы Олсона! Вчера вечером он вспоминал о своем возвращении из Юкона в Сан-Франциско тридцать лет тому назад, и вот в каком виде эта кучка побывавших во всех переделках прихрамывающих золотоискателей предстала перед цивилизованным миром. Сам Олсон, заросший волосами и бо-

родой годовалой давности, из-за сильной цинги едва передвигался на костылях. Все они были в рабочей одежде, загорелые, обросшие, но свободные духом. А богатство свое они несли на себе в мешках. Золота примерно на семь тысяч долларов. Когда Олсон рассказывает, кажется, что сам все это переживаешь. Слышишь, как хозяйка отеля «Чикаго» в Сан-Франциско, немка, настоящая матрона по виду, говорит им, выставляя сразу на стол все, что нашлось на кухне:

— Вы, сынки, с Аляски, небось некоторые прожили там по многу лет. А как вам жилось, я знаю. Теперь вам, должно быть, до смерти хочется чего-нибудь особенного. Вы мне только скажите, я вам все добуду.

А один здоровый детина и говорит:

— Мне все вспоминается, как мамаша, бывало, готовила капусту. Достань-ка мне кочан побольше да свари для меня одного!

В тот же вечер как были они в своей старательской одежде, так и отправились по мюзик-холлам да выпили еще целое море пива. Девушки, рассчитывая на их щедрость, окликали их со своих порогов и с балконов, напрашиваясь к ним в компанию. Через два дня им выдали в обмен на золото целую кучу денег. Каждый пошел к портному и заказал себе по нескольку костюмов... И так далее.

Еще он рассказал об известном убийстве Кастера¹³. А сегодня мы узнали о сообразительности лошадей, о том, как они приводят охотника к забытым капканам. Если переплываешь реку на лошади, направляй ее рукой, держась за шею, но не вздумай хоть чуть потянуть за уздечку, иначе она тут же повернет назад, рискуя утопить и тебя, и себя.

Четырнадцатое декабря, суббота

Почти бесполезный день. Ничего не сделано, кроме домашней работы. Что можно сказать о таком дне? Вечером приходил Олсон и читал нам свое письмо к Кэтлин. Он и тут остался верным себе. Письмо полно милого юмора.

— Она подумает небось, что за старый дурень, — говорит Олсон, — да мне-то что. Я говорю то, что просится на язык.

Он действительно всегда так делает. До известной степени он живет по правилу Блейка: «Всегда говори правду, и низкие люди будут избегать тебя». Некоторые считают Олсона очень грубым и невоспитанным.

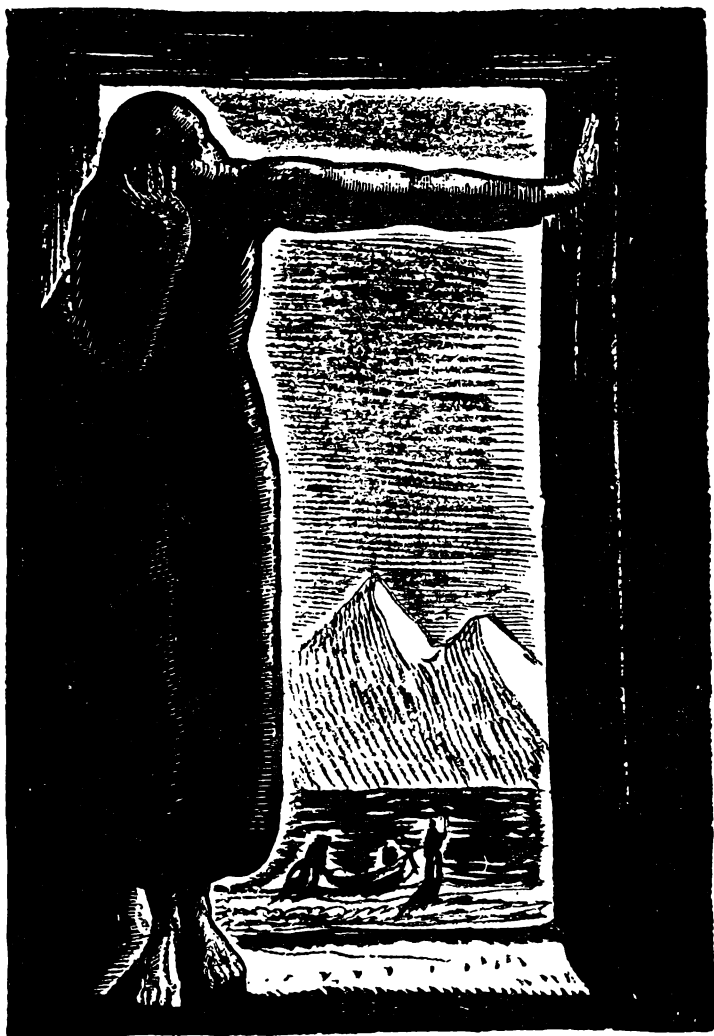
Вечером пек хлеб и отпечатал свою эмблему примерно на семидесяти пяти конвертах. День сегодня мягкий и пасмурный. Начал падать легкий снежок. До сих пор этой зимой совсем не было сильных снегопадов. Снег должен бы завалить избушку до самой крыши... Постель ждет меня. Спокойной ночи.

Пятнадцатое декабря, воскресенье

Еще один день, о котором и писать-то не стоит, без него моя жизнь ничего бы не потеряла.

Пора опять посвятить несколько слов Рокуэллу-младшему, который действительно является радостью и украшением нашего общества. Прошло много недель, с тех пор как я в последний раз отмечал его неподдельное восхищение здешней жизнью. И сегодня он все тот же. Часами играет один на воздухе. То он изображает зверя и ползет на четвереньках по стволу срубленного дерева, сворачивая по горизонтальным сучьям, как это делают дикобразы, прячется в ветвях и рычит оттуда. Это может продолжаться и час, и два, и тогда глупые козы разбегаются в панике, а лисицы мечутся взад и вперед по загону. В другой раз он «пасется», с явным удовольствием и совершенно всерьез ест еловые иголки. Несомненно, играя в какого-нибудь из своих любимых зверей, Рокуэлл полностью вживается в роль. То он носится вверх и вниз по берегу на палочке верхом, как делают четырехлетние дети, вопит что есть мочи, подбирается к самому краю воды и удирает вверх по склону от набегающих волн. Потом я завладеваю им и вручаю ему второй конец пилы. Теперь он работает без устали и не хуже взрослого. Он действительно совсем не утомляется, и работаем мы охотно и так весело, что одно из самых тяжелых хозяйственных дел превращается в удовольствие. Время от времени он, видимо, чувствует одиночество, но если и обмолвится, что хорошо бы еще с кем-нибудь поиграть, то тут же прибавляет:

— Да ну, это я так.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не знаю, может ли такое сумбурное воспитание, если его продолжать долго, дать хорошую подготовку для «практической» жизни. Но я твердо убежден, что если предоставить свободно развиваться всем зародышам прекрасного, которые пробиваются в ребенке, дать им спокойно расти вдали от грубого массового воздействия, то результатом было бы не что иное, как полный расцвет человеческого духа; а в стремлении человека к совершенству это высшая точка.

Вот пример того, как развивается его воображение, причем едва ли подобный взгляд надолго сохранился бы у него в атмосфере большой школы. В течение двух или трех лет Рокуэлл называет себя «матерью всех вещей». Это не фраза, а отношение к жизни. Если бы это было кредо какого-нибудь великого поэта, что вполне возможно, то проницательный критик мог бы приписать ему глубочайшее значение для всей современной мысли. У маленького Рокуэлла это неотъемлемая часть его существа, которая выражается в любви к животным от самых свирепых до самых безобидных и ко всему растительному миру. Малейшее проявление жестокости, которую принято считать *типичной* для мальчиков, глубоко оскорбляет его.

Я далек от того, чтобы считать Рокуэлла редким, экземпляром ребенка. Думается, что если жестокость проявляется главным образом при большом скоплении мальчишек, то любовь к животным не менее характерная черта многих тонко чувствующих детей. Но в одном я совершенно уверен: ничто не делает ребенка таким смешным в глазах детской толпы, чем это самое совершенное и прекрасное отношение некоторых ребят к жизни. Размышляя о воспитании детей и взвешивая преимущества и недостатки той или иной системы, я склонен думать, что никакие благоприобретенные свойства не могут перевесить утрату ребенком этих добрых, антихищнических импульсов.

Семнадцатое декабря, вторник

Случилось однажды, что некий старатель умер и предстал пред вратами рая.

— Тебе чего? — спрашивает его святой Петр.

ОДИНОКИЙ

— Войти хочу, понятное дело.
— А что ты за человек?
— Я старатель.
— Ладно,— говорит святой Петр,— таких у нас до сих пор еще не было, зайдй, пожалуй.

Но старатель, едва попав за ворота, сразу же начал переворачивать вверх дном мощенные золотом райские улицы, нарыл повсюду ям, ходов и переходов и привел все в ужасный беспорядок. Наконец у ворот появляется второй старатель.

— Ни за что не впущу,— говорит святой Петр.— У нас уже есть один такой, и мы только и думаем, как бы от него избавиться. Он нам весь рай перерыл.

— Толькопусти,— говорит второй старатель,— и я обещаю освободить вас от этого парня.

Послушался святой Петр, открыл ему ворота.

Второй старатель легко отыскал первого по комыям земли, дождем взлетающим в воздух там, где тот трудился. Подойдя поближе, второй старатель крикнул приглушенным голосом:

— Слышь, друг! Говорят, в аду напали на жилу!

Старатель тут же бросил работу и помчался к воротам.

— Эй, Петр, отвори, скорей отвори! Выпусти меня из рая, мне надо в ад!

Дневник мой превращается в сборник анекдотов и шуток. С работой у меня сегодня чуть получше, а погода чуть хуже. Льет дождь. Для конца декабря погода держится удивительно мягкая; но вообще-то я и не жду сильных холодов. Сегодня полная луна. Прилив сейчас достигает высшей точки, и юго-восточный ветер гонит воду по пляжу вверх, пока она не затопляет часть берега. Олсон считает, что, если ветер не утихнет, волна сегодня докатится до самой его избушки. Стволы деревьев, вырванных где-то из земли, причудливые, страшные и смешные, трутся о берег, вода вокруг полна плавучего леса и обломков.

Восемнадцатое декабря, среда

На полке за печкой всегда стоит маленькое ведроко с закваской. Кислое тесто делается из дрожжей, муки и воды, которые я развожу до нужной для хлеба консистен-

ции и потом ставлю на неопределенное время. Забирая оттуда часть, я добавляю к остатку только муку и воду, и через короткое время тесто опять годится к употреблению не хуже первоначального. Жители Аляски широко пользуются этим способом для приготовления хлеба и пирожков. Надо добавить лишь щепотку соды и немного воды — и тесто готово. Ветеранов Аляски в шутку величают закваской.

Домик Олсона в Сьюарде удобно расположен на маленьком участке в густо заселенном районе. Я подивился, откуда у него такое богатство — целый дом и участок. И вот какую историю он рассказал мне сегодня вечером. Когда Олсон впервые приехал в Сьюард, он не то построил, не то купил маленькую избушку, стоявшую на берегу в том месте, где сейчас помещается пакгауз. Через какое-то время он отправился на зимние работы в Вальдес, а когда вернулся, избушки не было. Она исчезла, и, сколько он ни искал, нигде не обнаружил даже следа. Но если Олсон чувствует себя оскорбленным, ему нипочем все важные фирмы и государственные учреждения. Он явился к какому-то чиновнику и потребовал:

— Слушай-ка, почтенный. Зима на носу, а я без крова; что вы думаете делать по этому поводу?

Тот ответил: посмотрим, мол, что можно сделать, а пока направил его к чиновнику рангом повыше.

— Мне нужен дом, — сказал Олсон и этому. — Если вы сами не дадите мне лес на постройку, мне придется украсть его у вас. У меня нет ни дома, ни денег. Зима подходит, и я не собираюсь жить на улице...

В конце концов дали ему какую-то развалюшку для сноса, чтобы он использовал материал, но не велели строиться на берегу. Ведь Сьюард был уже поделен на участки. По кольям и столбам можно было отличить дворы от улицы, и Олсон честь по чести поставил свой домик во дворе, в чьем-то чужом дворе. Владелец участка оказался человеком терпеливым и несколько лет не трогал Олсона, но в один прекрасный день он все же потребовал, чтобы тот убрал свой дом с его земли. И вот Олсон как-то ухитрился перетащить избушку на самую середину улицы, где она удачно поместилась между тремя пнями. Некоторое время

все шло хорошо, пока не наступило лето. Городская администрация Сьюарда решила подремонтировать улицу и послала бригаду корчевать пни.

— Если вам платят за корчевку пней, вы можете за те же деньги передвинуть и мой домишко, — сказал Олсон.

— Куда? — спросил старший.

— Да куда хотите.

И так избушку снова поместили на чьем-то приглянувшемся участке, и там она стоит и по сей день — аккуратный крепкий домик, от дверей которого проложены деревянные мостки к дощатому уличному тротуару. Вот уж подлинно великая свободная страна Аляска!

Сегодня весь день на редкость тихая и приятная погода. Время от времени накрапывал дождик. Тучи низко нависли над морем и спрятали от глаз горные вершины. Поверхность воды как зеркало, если не считать мертвой зыби, которую не столько видно, сколько слышно, как она плещет о берег. В сумерки мы с Рокуэллом прошлись по берегу до конца мыса, разделяющего бухты. Мы увидели зарево от зашедшего солнца, гористые острова на юге и нашу собственную бухту в полукольце защищающих ее склонов в красивом черно-белом одеянии из елей и снега. Будь у меня с собой подготовленные холсты, я мог бы сделать с этой точки много больших этюдов.

За обедом Рокуэлл несколько раз предлагал мне часть своего творожника. Мне это показалось странным. При всей его обычной внимательности и любезности это было уж что-то чересчур. Стремление услужить мне проявилось и в других вещах. В конце концов, преодолевая смущение, он признался, что решил исправиться и больше помогать мне, — а ведь я до сих пор ни в чем не мог на него пожаловаться! Итак, день закончен. И опять мне кажется, что на этой земле я с радостью прожил бы годы.

ГЛАВА VIII

РОЖДЕСТВО

Девятнадцатое декабря, четверг

ЭТОТ день надо навсегда сохранить в памяти — такая красота, тишина, покой вокруг. Вся земля, каждая ветка, каждый ствол окутаны толстым слоем пушистого свежеевыпавшего снега. И весь день по небу лениво плыли нежные и легкие облака, окутывая землю то тут, то там пеленою падающего снега, в то время как где-то рядом и даже сквозь снежную завесу светило солнце. Золотистые тени, сверкающие пики, сказочный узор ветвей на фоне по-летнему голубого моря! Этот день предназначался для жизни — можно было забыть работу.

Итак, мы с Рокуэллом отправились на экскурсию в лес. Сначала мы шли гуськом, благоговейно стараясь сохранить целостность снежного покрова, но вскоре природные инстинкты ребенка взяли верх. Он стал неистово носиться кругом: забирался в самую чащу, тряс деревья, осыпая себя с головы до ног, или ложился на снег и требовал, чтобы я за-

копал его, потом натирал снегом лицо до малинового цвета и кончил тем, что голышом искупался в снегу. Я так и сфотографировал его стоящим в глубоком снегу у края воды на фоне отдаленных гор. Потом он обсушился у мощного костра, который мы разожгли, и почувствовал себя совсем новым мальчиком, если можно себе такое представить. Утром мы делали наброски с натуры, точно барышни-любительницы. В течение дня я еще раза два повторял попытку, но с посредственным успехом: слишком уж было красиво. Конечно, пилили дрова, и с большим усердием. Пока Рокуэлл обсыхал после ванны, я подыскивал подходящую елочку для праздника и в конце концов срубил одну довольно внушительных размеров, прельстившись хорошей верхушкой. Рождество уже совсем близко. Вечером варю на печке клюкву.

Двадцатое декабря, пятница

Красивый снег быстро сходит, размытый дождем! А до рождества осталось всего пять дней, должно быть, к тому времени на земле от снега ничего не останется. Бесснежное рождество на Аляске!

День прошел без всяких событий. Часть утра пришлось потратить на прилаживание новой рукоятки к кувалде. Было слишком темно, чтобы всерьез засесть за картину, всего какой-нибудь час настоящего дневного света. Эти дни бегут так незаметно, и так мало успеваешь сделать! Работать можно только ночью при свете керосиновой лампы.

Двадцать второе декабря, воскресенье

И вчера, и сегодня лил дождь. Несмотря на это, дни можно считать удачными. Выпадали просветы, позволившие нам без особых затруднений напилить дров и принести воды. Сегодня утром Олсон, опасаясь, что при затянувшейся оттепели лед на озере может растаять и тогда его мешки с рыбой упадут на дно, отправился на середину озера, где они висели, опущенные в прорубь, и вытащил их на поверхность. Но лед настолько ненадежен, что он обвязался веревкой и взял меня с собой на случай несчастья. Чтобы выбраться на лед, нам пришлось в поисках

удобного места пройти некоторое расстояние вдоль берега.

На обратном пути мы разминулись с Рокуэллом, который, оказывается, побежал следом за нами. Мне не сразу пришло в голову покричать ему. И хорошо, что я все-таки догадался это сделать. Не видя нас, бедняга решил, что мы утонули. Лед отделяется от берега полосой воды, и в тот момент, когда я позвал Рокуэлла, он как раз собирался перейти ее вброд. Когда мы встретились, мальчик еще был сильно взволнован.

Оба дня я занимался скромными домашними женскими делами — хлебопечением, стиркой, починкой, и сейчас комнату украшает сохнувшее белье. Поскольку воду приходится носить издалека, для стирки используются именно дождливые дни. А починка — нелепость. Надо было взять столько носков, чтобы хватило на все пребывание здесь. Прошлым вечером, когда Рокуэлл лег спать, я сел за работу и сделал два самых удачных рисунка за все время. Кончил их в половине двенадцатого и, чтобы как-то умерить возбужденное состояние, мешавшее уснуть, стал читать «Одиссею». При повторном чтении она показалась мне не менее увлекательной. Как сюжетное произведение «Одиссея» несравненно лучше «Илиады». Для меня она вся наполнена идеями превосходных картин.

Через десять дней Олсон должен ехать в Сьюард. Если бы только в это время была тихая и теплая погода! Но пока что с самого начала месяца мы не видели ни одного парохода, идущего в Сьюард. Похоже, что пароходные компании сговорились оставить Аляску без рождественской почты и грузов, стараясь этой политикой создать невыносимое положение и сдвинуть с мертвой точки вопрос о почтовых договорах с правительством. А пока, вместо того чтобы обслуживать нас, изящные маленькие крейсера, которые проленились здесь все лето, несомненно проводят в бездействии и зимние месяцы в комфортабельных южных портах.

Двадцать третье декабря, понедельник

До сегодняшнего утра продолжался сильный теплый дождь, а теперь небо усыпано звездами, словно в весен-

нюю ночь. В половине девятого я в тапочках и раздетый заходил на минутку к Олсону, но он уже улегся. А сейчас, несмотря на то что нет снега, вполне рождественская погода.

Если Олсон действительно думает, что рождество пройдет, как любой другой день, то он сильно ошибается. Елка у нас уже наготове. Она должна быть необыкновенно хороша, когда засверкает множеством свечей в сумраке избушки. Я отказался от мысли нарядить Олсона Санта-Клаусом¹⁴ с бородой и усами из козьей шерсти. Санта-Клаус с пустыми руками расстроил бы нас до слез. У меня нашлись кое-какие мелкие подарки: карманный складной ножик и столовый набор — вилка, нож и консервный ножик — для Олсона. А для Рокуэлла — сломанная вечная ручка и несколько леденцов. И еще праздничный обед! Что же это будет? Увидим!

Полночь. Я только что кончил удавшийся рисунок. Лампа почти догорела до своей обычной низшей точки, вчера мне пришлось наливать керосин дважды! При помощи часов и лампы я обнаружил, что эти ночи, когда я так засиживался, работая до какого-нибудь глухого часа, и в самом деле очень долгие. Укладывался я при этом после двух или трех, но вставал позже. Сегодня закончил небольшую картину для Олсона, то же самое сделал и Рокуэлл. Я забыл об этом, перечисляя подарки. На моей картине собственной персоной изображен король этого острова, шествующий кормить коз, в то время как Билли, поднявшись на задние ноги, пытается на ходу стащить корм. Рокуэлл тоже нарисовал Олсона в окружении коз, но настроенных более мирно. На заднем плане его избушка. Жаль, что нечего больше подарить доброму старику. Во всяком случае он будет участвовать в нашем праздничном обеде.

Сочельник!

Мы убрали в доме, все лишнее с полу подняли на полки, что можно, повесили на крючки, отодвинули даже мой мольберт. Украсили стропила густыми ветками тсуги, заготовили запас дров позади печки — в праздник работать не полагается, — и сейчас в преддверии праздника мы с Рокуэллом пребываем в сдержанном возбуждении.

КАИН

Странная вещь! Мы ничего не ждем, никаких перемен в нашей жизни, кроме тех, которые вносим сами, а вместе с тем этот день представляется нам таким огромным и великолепным! По-моему, самые большие праздники — это те, на которых мы танцуем сами. Мы не нуждаемся ни в чем, идущем извне даже для создания иллюзий. Несомненно, детям достаточно хотя бы намек на идею, чтобы они создали себе особую атмосферу, полную таинственности и ожидания, столь же реальную и волнующую, как если бы она покоилась на действительной основе.

Ну что ж, елка готова, подрезана до нужной высоты, сделана подставка в виде креста, а из оклеенного фольгой картона получилась звезда, которую мы укрепили на верхушке. Теперь о рождественской погоде. Сегодня утром, как и следовало ожидать, снова пасмурно. К вечеру начался небольшой снег, который вскоре перешел в дождь. Сейчас этот дождь, установившись в легком и мерном темпе, зарядил, как видно, на сутки. Но пусть будет снег и дождь, пусть вокруг темнеет хоть с полудня! Тем веселее будет наш рождественский праздник. Это и есть настоящая рождественская страна. В день рождества должно быть темно, и к тому же дом затенен высокими черными деревьями. Посреди этого угрюмого, жутковатого мрака рождественская елка засияет ярче солнца, луны или звезд.

Рождество на Лисьем острове

Погода мягкая, земля почти вся обнажилась, идет теплый дождь. Прежде всего елка, с которой так и капает, внесена в дом и закреплена в подставке. Она высотой в девять с половиной футов и почти касается гребня крыши. Вот она стоит и обсыхает, пока мы с Рокуэллом готовим пиршество.

Обе печки топят, а двери растворены, чтобы впустить свежий воздух. Все идет превосходно, дрова горят как следует, печь накалилась, в котле кипит вода, бобы тушатся, хлеб в печи покрывается румяной коркой, а новая подливка к пудингу так аппетитна и так восхитительно пенится, словно я готовлю ее не в первый, а в сотый раз. Ну, теперь все готово. Часы показывают четверть третьего. Темнота только что спустилась, и в доме горит лампа.

СВЕРХЧЕЛОВЕК

М Е Н Ю
Лисий остров. Рождество
1918

+ *Запуски*

Маслины

Маринованные огурцы

+ *Первое* +

Спагетти по-лисеостровски

+ *Второе* +

Бобы „Залив Воскресения“

Пушеный партофель

Клюквенный соус

+ *Третье* +

Плом-пудинг великопenny

Ромовый соус по-аляскински

Вино и десерт

Орехи. Изюм. Конфеты

Сидр „Родной дом“

домашнего изготовления

+

Играет немецкий оркестр

— Рокуэлл, сбегай погуляй немножко. — Я спешно развешиваю на елке подарки и конфеты и зажигаю свечи.

Рокуэлл мчится за Олсоном, и как раз в тот момент, когда они подходят к дому, дверь распахивается — и перед ними открывается волшебная страна. Сказочно красиво! Внутри избушки светло. Так светло, быть может, еще никогда не было в избушке среди этих диких гор. И вот оба ребенка, потрясенные и восхищенные, входят в дом. Как знать, кто из них очарован сильнее?

Потом мы с Олсоном молча и с глубокой торжественностью выпиваем первый бокал, и старик произносит:

— Я бы отдал все, решительно все, что имею, за то, чтобы здесь была сейчас ваша жена!

Вручаются подарки. Вот эта картина Олсону от Рокуэлла. Ах, он находит ее превосходной! Затем кинжал для Рокуэлла, сюрприз, припасенный мною в Сьюарде. Дальше картина, столовый прибор и складной ножик для Олсона. К это-

му времени он уже с трудом владеет собой. Оказывается, это первое рождество, которое он празднует в жизни! А Рокуэлл, получивший два старых номера «Джеографикэл мэгазин», изумленно восклицает:

— А я-то думал, что не будет подарков!

Но он кроме этого получает еще карманный ножик и сломанную вечную ручку и, разложив все это на постели, разглядывает свое имущество, как будто это самые драгоценные подарки в мире.

Затем подается обед. Олсон нацепляет на нос очки и читает составленное по всей форме меню, которое лежит возле его прибора.

И вот начинаются пир и веселье.

Настоящий праздничный обед! Все идет как положено. Мы с Рокуэллом в чистых белых рубашках, а Олсон просто великолепен в новой фланелевой рубашке, в жилетке и воскресных брюках. На нем шелковый галстук с золотой булавкой. Он побрился и подстриг волосы над ушами, так что выглядит отлично. Еда вкусная и в изобилии. Вечер тянется долго, только свечи не долговечны, и спустя некоторое время мы гасим их, чтобы сохранить на другой раз. Наконец, когда мрак за окном густеет, Олсон покидает нас под взаимные выражения радости по поводу нашей дружбы, а мы с Рокуэллом ныряем в постель.

Назавтра и послезавтра также тепло. Погода словно устроила себе передышку в эти мирные праздничные дни. Мы не пилим дров и вообще почти ничего не делаем. Мы только пишем длинные письма, а на обед едим то, что осталось с рождества. Читаю «Одиссею», величайшее произведение! Только что кончил описание великолепной битвы между женихами, а если бы не кончил, эта запоздавшая запись так бы и не появилась. Прочтешь еще парочку таких «Одиссей» в здешних диких местах и, пожалуй, совсем забудешь современный мир и поведением, и речами, и мыслями вернешься в эпоху древних героев. Стоило бы попробовать! Может быть, мы не настолько пропитались современной культурой, чтобы не быть в состоянии сбросить ее с себя. Дух героев определенно проникает в наши сердца, когда мы читаем о них в старых книгах.

Двадцать восьмое декабря, суббота

Впервые за много дней солнце взошло на ясном небе и осветило горы напротив. Очевидно, похолодало, потому что в бочке с водой перед домом опять образовался лед. Но ветер слабый.

Я пишу письма, тороплюсь к отъезду Олсона. Он тоже готовится. Сварил корм для лисиц на много дней вперед, чистит свой мотор: зимнее путешествие в Сьюард довольно сложное предприятие. Только 6 до прибытия парохода в Сьюард продержалась тихая и ясная погода. Вот в чем теперь загвоздка. После первого числа этого месяца мы не видели ни одного парохода на пути в Сьюард.

Завтра, вероятно, придется убрать елку. Гирлянды из тсуги засыпали иглами всю избушку, пока я сегодня не выбросил их. Вчера в последний раз зажигали свечи на елке. Мы с Рокуэллом вышли за дверь и смотрели на елку снаружи. Какое чудесное зрелище посреди этой глуши! А что, если бы к нам забрел привлеченный ярким светом какой-нибудь одинокий бродяга! В темноте мы пели рождественские песни и танцевали на берегу, а потом вошли в дом и, пока догорали свечи, по очереди рассказывали друг другу разные истории. Рассказ Рокуэлла о приключениях в лесу нескольких детей был полон острых моментов и закончился кладбищем. А я сочинил ему сказку о мальчике-индейце, который мечтал о рождественской елке. Вот он пришел ночью в темный лес и закрыл глаза. Не успел он сделать это, как все мечты представились ему наяву. Он увидел праздничную елку, к которой со всех сторон собирались дикие звери. Каждый из них получил по подарку: мама-дикобразиха — коробку маленьких шелковых шариков, чтобы надевать для красоты на свои иголки, а папа-дикобраз — зубную щетку, ведь у него такие большие желтые зубы. Когда кончилась сказка, пришла пора спать. И вот... этот хороший день кончился, а ночью пришли облака и холодная муть, предвещающая снег. Но я научился не ждать ничего от погоды, кроме того, что она нам дает.

Двадцать девятое декабря, воскресенье

Праздновался день рождения Скуирли. Скуирли сидит в ящичке из-под сгущенного молока. На его спину накинута

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

коричневый свитер. Вокруг разложены подарки, состоящие главным образом из перьев. Стол уставлен ракушками с праздничным угощением. И все это ослепительно освещено елочной свечкой. Да здравствует Скуирли! Пусть он навсегда останется цел и невредим и не будет съеден молью.

Тридцатое декабря, понедельник

Вчера шел небольшой дождик, а сегодня ливень. Сижу при открытых дверях и тлеющей печке, и это в краю, который представляется людям сплошным айсбергом! Впрочем, в Сьюарде и в горах, наверное, снегу хватает. Сегодня я сделал такой хороший рисунок, что никак не могу лечь, словно меня совсем не касается, что время бежит и приближается утро. А ведь уже половина первого.

Канун Нового года! Вторник. Это десятая годовщина, памятная для родителей Рокуэлла, и я старался отметить ее, как мог. Весь день трудился над рисунком для матери Рокуэлла, а вечером мы с ним устроили нечто вроде праздничного концерта. У Рокуэлла в его девять лет есть все основания радоваться в этот день независимо от того, как он почувствует себя в двадцать девять. Он написал своей маме нежное письмо. Сегодня я ужасно тоскую по дому, но не знаю, как выразить свою тоску на сих гениальных страницах. Это был торжественный день.

Сегодня вечером при Олсоне я перешел от игры на флейте к пению. Он выразил удовольствие, и я продолжал. Какая это, должно быть, странная картина: дикая глушь вокруг, а маленький мальчик со стариком слушают мое громкое торжественное пение без всякого аккомпанемента. Олсон, по обыкновению, принес нам сегодня горшок козьего молока. Я сделал из него сладкую творожную массу. Получается замечательно вкусно, гораздо вкуснее, чем из коровьего молока. Напоминает крем из чистых сливок.

Почти весь день шел сильный дождь. По временам полоса тумана над заливом наполовину скрывала горы на той стороне. Любопытное зрелище! Вечер теплый, как весной или осенью. Продолжает таять, и даже ледяная корка, покрывавшая землю до того, как выпал снег, почти

исчезла. Год кончается, а пароход с рождественской почтой так и не появлялся на горизонте.

Скоро полночь. Я должен принять под Новый год одно секретное решение и, чтобы придать ему подлинную важность, призываю в свидетели звезды на темном небе. Итак, одновременно с годом тысяча девятьсот восемнадцатым заканчивается эта страница.

ГЛАВА IX

НОВЫЙ ГОД

КОГДА Рокуэлл спрашивал, что случилось под Новый год, почему все ждали чего-то и не ложились, мы напрасно пытались плести о землетрясениях и взрывах. Он ни капельки не поверил нам. И я бы не удивился, если б он сказал: «Как это могло случиться? Ведь, кроме дождя, здесь ничего не бывает».

Пока что Новый год ничем не отличается от конца предыдущего, разве что на душе стало веселее. Эта радость появилась около половины двенадцатого первого января, когда на расстоянии примерно двух миль от нас, сверкая огнями, через залив проплыл ПАРОХОД, похожий на сказочную крепость. Я завопил так, что Рокуэлл проснулся и, сев на кровати, тоже стал смотреть. Олсон, к сожалению, уже улегся, и мы решили его не будить. Я тотчас засел за работу и до двух часов утра писал письма, паковал посылки, составлял список для покупок.

В восемь мы подняли Олсона с постели. Я ходил за ним по пятам, угрожая, понукая, умоляя поторопиться. Старые люди трудно раскачиваются. Он побрился, стоя посреди избушки; дверь была открыта, вокруг прыгали козы. Я едва дал ему проглотить завтрак. Надо было отвя-зывать лодку (лодки привязаны к вбитым в землю кольям),

перевернуть ее килем вниз, нагрузить и спустить на воду. Предварительно мы еще полчаса потратили на то, чтобы завести мотор — дьявольская штука! Погода менялась ежеминутно: то казалось, вот-вот пойдет снег, то опять прояснялось. Но в результате ясная погода продержалась достаточно времени, чтобы Олсон отплыл и, к нашей неопишуемой радости, пропал из виду. Он только посмеивался над нетерпением, с которым мы выпроваживали его за почтой.

Вчера была очередь Олсона устраивать праздничный прием, и мы много раз выпили в честь Нового года. Но к неудовольствию Олсона, я все-таки работал. Вместе с тем он понимает мою странную одержимость и относится ко мне вполне сочувственно. Как-то я объяснил ему различие между работой для себя и работой по заказу. Сам он не побоялся бы никакой бедности, лишь бы сохранить независимость.

Итак, ждем почту. Я уже горю от нетерпения, поджидая Олсона, а он может вернуться не раньше чем послезавтра. Под вечер мы с Рокуэллом гуляли по берегу, главным образом чтобы поглядеть на Сьюард, откуда прибудет наша почта, но снежная завеса скрыла от нас город. Весь залив был окутан снегом и туманом. Зато, оглянувшись назад, мы увидели во всей красе нашу бухту: белые вершины и темный лес, а вдали, у самого края воды, — наши крошечные домики. Над крышей одного из них подымался густой дым от гаснущей печки.

Пятое января, воскресенье

Олсона все еще нет. Утомительно вот так ждать и надеяться, но надеяться мы не перестаем, даже если бушует ветер и идет снег. А так оно и есть. На другой день после отъезда Олсона была исключительно ясная и тихая погода, но уже на следующий день, когда он должен был вернуться, разыгралась сильная метель. Сегодня снега меньше, но зато более ветрено, хотя и не настолько, чтобы Олсон не мог проехать, но достаточно, чтобы он решил еще остаться. Опять ходили на берег и обшарили залив в подозрительную трубу. До самой темноты я не переставал искать в море маленькую лодку, огибающую мыс.

Вот как будто и все новости, но на самом деле эти дни были наполнены работой и другими занятиями. А какое наслаждение доставляет снег, толстым пушистым слоем покрывающий решительно все вплоть до верхушек деревьев! Мы с Рокуэллом играли сегодня в медведя и охотника и гонялись друг за другом по лесу. Только козы страдают, потому что снег покрыл все молодые побеги, и им оста-

Еще один из рисунков Рокуэлла

ся обглаживать стволы. Билли сейчас прямо бешеный. Без побоев с ним не обойдешься. Вчера он ворвался в сарай Олсона и как-то ухитрился закрыть дверь изнутри. Решив выяснить источник странных ударов, раздававшихся некоторое время, я и обнаружил эту проделку. Вдобавок Билли еще нагромоздил кучу предметов перед дверью. Хотя существенно он ничего не испортил, но не было такой вещи, которую он не своротил бы с места своими рогами. Ящики, ведра, мешки с зерном, банки, веревки, инструменты — все это вперемешку было навалено на полу. Бить его бесполезно. Он неисправим.

Уже около половины второго. Я писал дольше, чем собирался. Не могу думать ни о чем, кроме долгожданных писем.

Шестое января, понедельник

О чем писать? Ведь Олсона, а следовательно, и писем все еще нет. Идет снег. Настолько тепло, что ходим без пальто, без шапок и варежек. «Кап-кап-кап» — все время слышится с крыши. С деревьев снег осыпался, а на земле лежит глубоким тяжелым слоем. Завтра, может быть, ходим на лыжах.

Совершили с Рокуэллом экскурсию по берегу, высматривая Олсона. Когда я стоял, стараясь пробуравить глазами мутное пространство между нами и Сьюардом, совсем рядом из воды высунулась голова. Это был тюлень. Он долго осматривался, потом нырнул, показался снова еще ближе и исчез совсем. Билли опять ворвался в сарай Олсона. В один прекрасный день я стану козлоубийцей!

Восьмое января, среда

Еще два дня прошло, а Олсон как в воду канул. Он меня просто бесит. Вчера он прекрасно добрался бы, а сегодня это уже невозможно. Мы, кажется, ничего не делаем, только ждем. Даже в самый разгар сегодняшнего шторма я поймал себя на том, что все время подходил к маленькому окошку поглядеть, нет ли лодки. Дождь и снег, дождь и снег! Но если бы наконец прибыла наша почта, эти теплые белые дни были бы просто удовольствием. Вчера мы впервые надели лыжи, но только для того, чтобы дотащиться до края бухты, откуда виден Сьюард.

Единственная компенсация за отсутствие Олсона — молоко Нэнни. Я стал заправским дояром и успеваю окончить работу прежде, чем она съест свою миску овсянки. Приходится торопиться, потому что, справившись с едой, Нэнни как бешеная мчится прочь. Творожная масса из козьего молока с апельсиновым джемом — божественно!

Десятое января, пятница

Час назад еще стояла невиданно прекрасная лунная ночь. Скользящие мимо облака, прикрывая луну тончайшей пеленой, отбрасывали на землю бесконечно меняю-

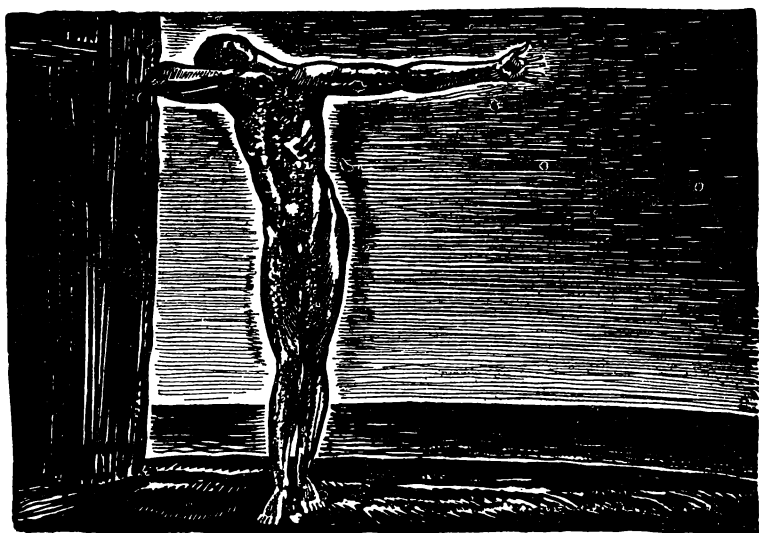
щиеся светлые тени. Верхушки гор, деревья, скалы и вообще все вокруг покрыто свежим снегом. В долинах и низинах, где дождь омыл деревья, преобладает черный цвет. По временам здесь такая красота, что, кажется, трудно вынести. А сейчас, когда я это пишу, дождь льет опять, как будто никогда не переставал и не перестанет. Эх, Олсон, Олсон! Неужели тебе на старости лет доставляет удовольствие так мучить людей? Легко представить себе, что любой вариант плохой погоды может месяцами держать нас здесь в плену и без всякой помощи. Вот уж действительно ни складу, ни ладу, разве что считать это обратным эквивалентом хорошей погоды. Голубое небо здесь неуместно, как дождь в безводной пустыне.

Никаких происшествий. С успехом работаю над рисунком и вырезал две небольшие гравюры на дереве. Билли сегодня опять взялся за дверь Олсонова сарая. Мой запор оказался слишком крепким. Он выдержал, а дверь разлетелась в щепы. Я застиг Билли уже перед концом этого занятия; в такие моменты я теряю разум. Как бешеный гонялся я за этой скотиной по глубокому снегу и всыпал ему достаточно, чтобы почувствовать в конце концов удовлетворение. Теперь он меня боится, что имеет свои преимущества. Но в общем это скверная история и для Билли, и для меня.

Сейчас уже за полночь, я только что окончил рисунок. Рокуэлл озабочен моим поздним сидением, и, когда я сказал ему, что ночью в одиночестве очень хорошо работается, он всерьез стал убеждать меня, чтобы я отсылал его из дому на весь день и даже на время обеда и мог лучше работать. Я читаю ему про короля Артура и рыцарей Круглого стола, это подходит нам обоим. Рокуэлл смастерил себе копье и меч, так что завтра я думаю совершить обряд посвящения его в рыцари. Между прочим, Рокуэлл сегодня сказал об этой книге:

— По-моему, картинки здесь совсем негодные. Когда ты читаешь историю, я представляю себе замечательную картину, а потом погляжу в книжку — совсем не то.

А ведь иллюстрации к королю Артуру на редкость хорошо выполнены. Это только показывает, что нечего и пытаться подсовывать детям произведения, лишенные фанта-

МИРОВАЯ СКОРБЬ

зии, а тем более всякую халтуру. Самым крупным художникам не было бы стыдно иллюстрировать книги для детей. И в картинках, и в сюжете ребенок прежде всего ищет фантазию и романтику, а эти-то качества встречаются в иллюстрациях реже всего.

Тринадцатое января, понедельник

Два из трех последних дней вполнегодились для приезда Олсона. И вчера, и сегоднѣ мы с Рокуэллом частенько спускались к морю в надежде увидеть его лодку. Мучительно состояние, когда все мысли сосредоточены на письмах, которые никак не приходят. Я начинаю думать, что Олсона задерживают какие-то другие причины, а вовсе не погода. Возможно, что пароход, который тогда прошел в Сьюард, был не почтовым, и Олсон, вообще отправившийся в город за пенсией, теперь ждет почты. Не хочется даже писать об этих днях. Чем скорее они проходят, тем лучше.

В субботу вечером Рокуэлл посвящен в рыцари. Три четверти часа он простоял на коленях над своим оружием. Все это время он был неподвижен и молчалив, как камень. Теперь он сэр Ланселот Озерный и весь день сражается с воображаемыми великанами и злыми рыцарями. Он уже освободил одну королеву для себя, а для меня пока что-то нет.

Мы немного побегали на лыжах, хотя снег повсюду недостаточно глубок, за исключением прибрежной полосы. Держится мягкая погода, температура едва спускается ниже нуля, и все время вперемежку то дождь, то снег, то град. Олсоновы звери все живы. Я не питаю к ним симпатии: от них одно беспокойство. Нет ничего скучнее этих лисиц, маленьких, крайне робких и трусливых зверьков. В субботу пришлось достать из озера мешок с рыбой и снова сварить про запас лисьего корма.

Пятнадцатое января, среда

Вчерашний день начался выюгой, позже воздух очистился, но было пасмурно. Сегодня с утра голубое небо, ветер с севера и отчаянный холод, в полдень опять пасмурно и тепло. По данным отчета геологической разведки, на Кенайском полуострове средняя январская температура в

районе Сьюарда бывает 16°¹⁵. Чтобы получились эти 16°, средняя температура в оставшиеся дни месяца должна быть где-то около нуля. Здесь теплее, чем в Нью-Йорке. Рокуэлл сегодня мылся в шести футах от открытой двери. Я окончательно уверился, что Олсон задерживается в Сьюарде не из-за погоды, но, впрочем, ни сегодня, ни вчера он бы не проехал. Сегодня опять немного ходили на лыжах. Местные лыжи определенно самые удобные из всех, какие я знаю.

Шестнадцатое января, четверг

После такого дня, как сегодня, не остается уже никаких сомнений в том, что Олсон задержался намеренно, если только он не заболел и не умер. Гипотезу Рокуэлла, что Сьюард сметен дотла ужасным пожаром, после которого не осталось в живых ни одного человека — ни мужчин, ни женщин, ни детей, я уже опроверг. Вечером, спустившись к морю, мы увидели, что огни большого города сверкают ярче, чем когда бы то ни было. Либо вообще не было почтового судна с начала декабря, либо не пришла почта из Джуно, откуда Олсон получает свои, как он выражается, финансы. Сколько ни гадай, все равно не поможет.

Погода сегодня дивная: тепло, ясно, снег повсюду, даже на деревьях. Держится он и на вершинах гор, даже на самых крутых и голых пиках, одевая их безукоризненно чистой, сияющей белизной. Волшебное зрелище! Сегодня мы с Рокуэллом совершили путешествие до конца мыса и опять видели солнце. Вечером при ярком лунном свете я прошелся на лыжах вдоль бухты. На земле никогда не было более прекрасного края! Сейчас, в полночь, луна стоит как раз над головой. В нашей вырубке светло как днем, а тени такие черные. Свет лампы из маленького окошка проникает наружу сквозь бахрому сосулек на карнизе, и они сверкают, как алмазы. В неподвижном воздухе дым из трубы поднимается в синее ночное небо вертикальным столбом.

Восемнадцатое января, суббота

Последние два дня стояла прекрасная погода. А нынче к вечеру поднялся ветер, падает снег, и сильно похолода-

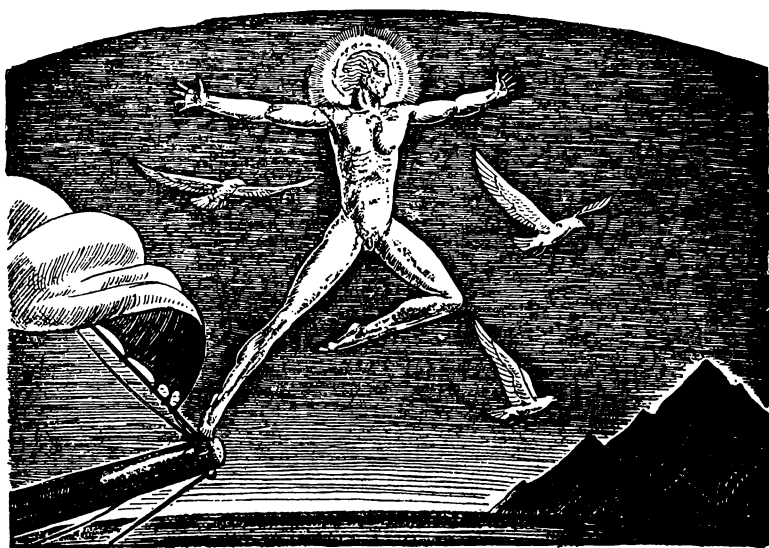
ло. Дни проходят без всяких событий. Мы много раз спу-
скались к берегу по своей лыжне. Смотреть через залив
на Сьюард — наше единственное развлечение во время
прогулок. Впрочем, пейзаж хорош. Над Сьюардом, сверкая
ослепительной белизной, возвышаются величавые горы,
многие из них конусообразной формы.

Вчера Рокуэлл нашел следы выдр, ведущие от моря к
озеру, множество следов. Трудно представить себе, что
эти нежные существа могли пересечь добрых пять миль
водного пространства. Следы их величиной со след рослой
собаки. Оказывается, выдры не прочь порезвиться. Видно,
что по пути они скатывались с небольшого холмика: там
не было ни одного следа, а лишь накатанная дорожка.
Как правило, мы совсем не видим диких животных. Только
орлов здесь множество. Вблизи это грандиозные птицы,
но даже когда они летают на высоте горных вершин, и то
кажутся поразительно большими.

Коза перестала доиться — одной домашней обязанно-
стью меньше. Рокуэлл каждый день кормит коз, но лисиц
я ему не доверяю: он вполне может оставить дверку от-
крытой. (Позже это случилось и с самим Олсоном. Два-
дцать девятого мая он пишет мне:

«Васимнацатава у меня при ключилась беда или произшествве.
Я поткладвал травы в лисей загон и должнобыт забыл адинзапор я
абирнулся дверца настиш и 1 лиса збижала малинкая самка в загони
укозева Дома. Аказваица лиса была на вирху на крыши я акликнул
што време ужена штоп ей вирнуца и поуженать и она села и глидела
наминя но фканцеканцов махнула вгоры. я взял фтарую лису и по-
местил ф другой загон и аставил 2 (дыва) загона аткрытыми и пала-
жил корм как невчем небывало. Первую ноч я плоха спал. А фтарую
она не показвалас но наследуция утро када я пришол кзагону корм
исчез а лиса спала наяицки как всида и типерь я чюствую палуци
патамушта двер запирта».)

Работаю всюю, днем пишу красками, по вечерам ри-
сую. Уже готовы двадцать пять славных рисунков. В ясные
теплые дни Рокуэлл большую часть времени проводит на
воздухе. Ему все еще доставляет удовольствие быть сэр-
ом Ланселотом, и в окрестностях не осталось ни одного пень-
ка, не изрубленного его копьем и мечом. Эти пни большей
частью действительно великаны.

ПОБЕДА

Я читаю сейчас ежегодник министерства сельского хозяйства, узнаю массу полезного.

Двадцать первое января, вторник

Северный ветер разгулялся нынче вечером. Холодно, звезды ярко светят. Мощные порывы ветра гонят мимо тучи снега, мимо, за исключением того, что врывается

внутрь избушки. Тонкой мокрой пылью оседает снег на моем рабочем столе, и приходится все накрывать холстом и пристраиваться работать где-либо в другом месте. День был бурный, и предстоит не менее бурная ночь. А вчерашний день похож на сегодняшний, как младший брат на старшего.

Эти дни одновременно восхитительны и ужасны. Сейчас, в отсутствие Олсона, особенно жутко при мысли о том, что мы отрезаны от всего человечества, что бушующее

море не позволяет нам вернуться к людям, а им добраться до нас. Чтобы в полной мере почувствовать оторванность от мира, нужно оказаться именно за такой надежной преградой. Романтическое всегда держится на волоске. Бросьте на вершине горы банановую шкурку — и дикость укрошена. В значительной степени очарование Аляски для меня заключается в уверенности, что соседняя бухта, в которую я, может быть, никогда и не загляну, необитаема и что за этими горами, отделенными от нас морем, находится обширная область, куда еще не ступала нога человека, — ледяной хаос, наводящий ужас.

Мы все меньше думаем о возвращении Олсона. Я наладил рабочий режим и легко представляю себе, что такая жизнь может продолжаться из недели в неделю. Так оно и будет, пока северный ветер не сдаст свои позиции. Два дня назад после очень холодной ночи нас разбудили гром и молния и притом шел снег! Часа через два взошло солнце. Днем я разделся и плясал на снегу, но одну минуточку. Потом после горячей бани опять высочил голышом, прокатился разок по снегу, оделся — и почувствовал себя другим человеком. Рокуэллу здесь все больше и больше нравится. Вид у него совершенно довольный, и он почти весь день проводит на воздухе.

Что за чудо детская фантазия! Рокуэллу доставляет огромное удовольствие в постели играть в «людоеда». Он набрасывается на меня с яростью, и если в этот момент я включаю в его воображаемый мир, ему больше ничего не надо.

Пришлось приготовить еще одну порцию этой мерзости — лисьего корма — и погрузить новый мешок соленой рыбы отмачиваться в озеро. К этой обязанности я питаю отвращение. Освоение новых земель доставляет мне удовольствие, а фермерство противно, во всяком случае — разведение лисиц. Эти жалкие создания жмутся по углам и крадутся к пище с таким подлым и несчастным видом.

Двадцать третье января, четверг

Дым иногда поднимается по дымоходу вверх, а иногда идет обратно. Это не слишком способствует топке. Сажу в шести дюймах от печки с замерзшим носом и ледяными

ногами. Ветер просачивается сквозь все щели. После того как мох, которым мы конопатили стены, высох, съезжился и смерзся, избушка наша вентилируется так, словно в окнах нет стекол. Пожалуй, это самые сильные холода за всю зиму. Несмотря на северный ветер, который обычно приносит ясную погоду, сегодня темно из-за снеговых туч. Вода в заливе скрыта клубящимся туманом. Мы пилим дрова и без конца набиваем ими печку. Сегодня прожорливая герметическая печка проглотила семьдесят из напиленных и наколотых нами поленьев, а завтра опять пилить. Но, несмотря на все заботы, которые доставляют холода, было бы страшным разочарованием, если бы зима прошла без них.

Я испытываю удовлетворение оттого, что мои расчеты относительно запасов продовольствия, постельных принадлежностей, отопительного оборудования оказались абсолютно правильными для здешних условий. Сейчас у нас туговато с мучными продуктами и молоком, но ведь по плану мы собирались в этом месяце съездить в Сьюард и пополнить запасы. Отсутствие Олсона не входит ни в какие расчеты. Не могу дать этому никакого разумного объяснения, разве что он заболел.

За последние три недели я делал в среднем не меньше одного рисунка в день и по-настоящему доволен ими. Набрал хороший разгон, а главное, выработал подходящую здесь систему работы, которой и буду следовать. Днем пишу этюды с натуры, стараясь зафиксировать в памяти формы и прежде всего краски окружающей природы.

Когда стемнеет, я на некоторое время погружаюсь в транс, приучив Рокуэлла к абсолютному молчанию. Ложусь или сижу с закрытыми глазами, пока не начинаю «видеть» композицию; тогда я быстро делаю набросок, а иной раз трачу час, пока не усовершенствую расположение элементов в рисунке маленького масштаба. После этого наступает беззаботная жизнь. С полчаса мы с Рокуэллом играем в карты, затем я подаю ужин, и Рокуэлл отправляется спать. Когда он разденется, я еще заставляю его немного попозировать в требующемся мне каком-нибудь фантастическом положении и отмечаю особенности анатомии жестов в предполагаемом рисунке. Нежная фи-

ЗАРАТУСТРА И ЕГО ТОВАРИЩИ

гурка маленького Рокуэлла подчас служит моделью какого-нибудь грубого волосатого гиганта. Получается очень забавно. Обычно мне приходится на ощупь находить кости или сухожилия, чтобы поместить их правильно.

Вчера вечером я рисовал, потешаясь над собой. Темой моей был лев. Я часто завидовал Блейку и некоторым старым мастерам в их полном неведении форм многих вещей. Именно это позволяло им проявлять подчас такую восхиительную и выразительную наивность. Как бы мало вы ни знали какую-нибудь животную форму, это, по-моему, совершенно безразлично, если только в своем изображении вы твердо следуете какой-то определенной идее. Не старайтесь как-нибудь затушевать свое незнание, чтобы скрыть его, будьте именно определенны и точны. Что ж, ей-богу, этот лев представил мне случай проявить наивность. Надо ж было нарисовать такого глупого ухмыляющегося зверя! В конце концов он приобрел некоторую интеллигентность и даже капельку достоинства, но и сейчас он напоминает судью в большом парике. Впрочем, от льва, позволяющего голому юноше спать в своих лапах, можно ожидать не совсем зверского выражения. Сегодня вечером, когда я начал эту запись, все небо было в звездах, а теперь слышно, как что-то сыплется на крышу, не то снег, не то град!

Двадцать пятое января, суббота

Отчаянный мороз. Таких продолжительных холодов я еще не испытывал. И вчера, и сегодня необыкновенно сильный ветер и в воздухе проносятся огромные массы снега. В доме у Олсона обе бочки с водой накрепко замерзли. Одну бочку так расперло, что дно треснуло, а сама она опрокинулась и покатилась по полу.

Двадцать шестое января, воскресенье

Полный работы день. Для разнообразия Рокуэлл лежит больной в постели. Небольшое расстройство желудка, но сейчас все уже в порядке.

Срубил дерево и, воспользовавшись прекрасной погодой, распилил часть ствола длиной в пятнадцать футов. Сегодня было значительно теплее, чем в предыдущие дни, и к вечеру потепление удерживается. Ветра нет, а это

ЗАМЕРЗШИЙ ВОДОПАД

всегда очень влияет на температуру в доме. Итак, если тихая и теплая погода простоят еще денек, мы увидим, готов ли Олсон наконец вернуться.

Двадцать восьмое января, вторник

Читаю «Заратустру»¹⁶. «Пиши кровью и узнаешь, что кровь есть дух». Именно так написана эта книга. Прошлой ночью я нарисовал Заратустру. Он ведет за собой в ночной простор уродливейшего из людей, чтобы показать ему полную луну и серебряный водопад. Что за книга для иллюстратора! Переводчик говорит, что Заратустра таков, каким хотел быть сам Ницше, иными словами, его идеал. По-моему, идеал человека — это и есть сам человек. Каждый из нас в действительности таков, каким считает себя в глубине души. Наша самая прекрасная и нежно любимая мечта — это мы сами. Ведь что такое в представлении любого человека правильные, нормальные условия существования, как не те самые, которыми он в идеале хотел бы себя окружить? Человек вовсе не сумма противоречивых стремлений, скорее, напротив, существо идеально подходящее для какого-то определенного места. Олсон твердо убежден в этом.

Что мне не нравится в Заратустре — это его любовь к пропаганде. В конце концов для чего заниматься чернью? Не увел ли Ницше соблазн изобразить своего героя в роли учителя от его подлинного идеала к историческому? Уделом великих себялюбцев всех времен неизбежно становится забвение. Человечеству угодно хранить в памяти только имена своих благодетелей, чистый же идеал — самому стать чем-то, ничуть не стараясь доказать это другим. И если все же окажется, что человечество движется вперед по другому пути, чем ты, о гордая душа, — ну что ж, пусть его идет.

Двадцать девятое января, среда

Аляска умеет быть холодной! В понедельник мороз побил все рекорды за зиму. Но во вторник нам уже казалось, что накануне было тепло. Прошлой ночью в нашей «маленькой крепкой избушке» был такой жуткий холод, что оставалось только смеяться. Непрерывно вплоть до десяти вечера, когда я решил лечь в постель, печь была

накалена докрасна и огонь раздут в полную силу. И, несмотря на это, лед в ведрах достиг двухдюймовой толщины, хотя стояли они всего в десяти футах от печки и во время обеда в них никакого льда еще не было. В моей ручке на столе замерзли чернила, Рокуэлл потребовал в постель бутылку с горячей водой, лисий корм превратился в твердую массу, тесто мое тоже замерзло — вот, кажется, и все. Картошку и молоко я придвинул к самой печке. В двенадцать ночи остановились часы, а когда я готовил завтрак, они разогрелись и снова пошли. На ночь я поставил ведра с водой за печку, вплотную к ней, но к утру лед так и не растаял. Мы сжигаем в печке невероятное количество дров, по крайней мере три с половиной кубометра в неделю. Как дровосеки мы, пожалуй, зарабатываем по доллару в день. Сегодня опять срубили дерево и почти целиком распилили его. Пока нам удастся восстанавливать запас на случай еще худшей погоды.

Прошлой ночью перед заходом солнца залив представлял неопишимо драматическое зрелище. Пар поднимался с поверхности воды, погружая залив во тьму и скрывая в густом облаке все, кроме нескольких горных вершин. А там, в царстве горных пиков, ослепительно сверкало солнце и, пронизывая тонкие слои тумана, окрашивало их цветами пламени. Казалось, что над заливом яростно бушует пожар. Утром из-за тумана рассвет затянулся на несколько часов. Клубы тумана распространились по берегу и покрыли легкой изморозью деревья.

Вчера мне пришлось отправиться на озеро и вырубить из льда мешок с рыбой для лисиц. Пока я шел к дому, то весь покрылся ледяной коркой, а рыба превратилась в камень. Сегодня я разрубил на куски эту ледяную глыбу и сварил лисий корм на неделю.

Рокуэлл — молодчина, любой мороз ему нипочем. Сегодня он пилил совершенно наравне со мной. Он редко выходит теперь без своего коня, копы и меча и, обращаясь ко мне, всегда начинает со слова «милорд». Уверен, что сам Ланселот не мог бы вести себя более рыцарски. А теперь спать. Чуть теплее, чем вчера ночью, но я все-таки сижу съезжившись у печки. Все неприятности от пронизывающего ветра.

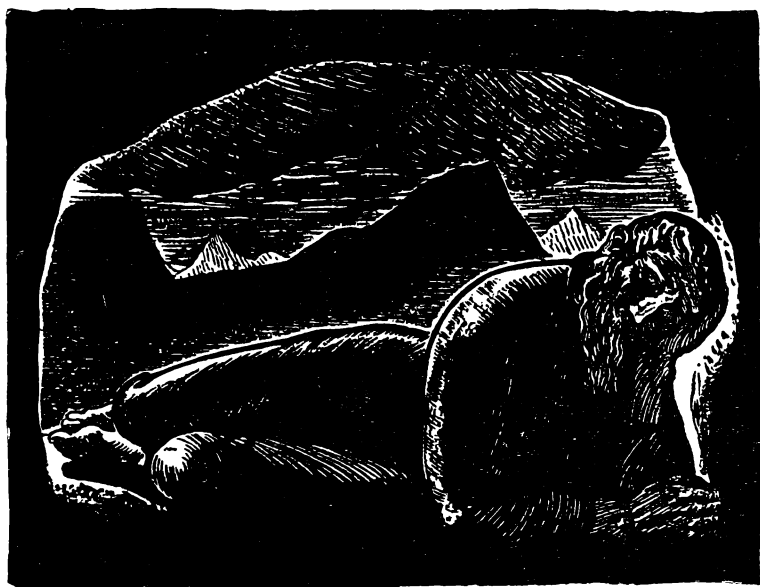
Тридцатое января, четверг

Превосходный день был весь посвящен пилке дров. Мороз поменьше, и в нашей бухте почти нет ветра, хотя на поверхности залива видны барашки. После обеда пошел легкий снежок и продолжается до сих пор. Чтобы закрепить свое превосходство в поединке с морозом, мы взялись за дерево диаметром в двадцать восемь дюймов. Пришлось валить его в сторону, не совсем совпадающую с его естественным наклоном, и это был адский труд. Клиן никак не входил в промерзший ствол, а когда его удалось вбить, то лежащая на нем масса дерева ничуть не поддавалась. Лишь после того как в течение часа я упорно колотил по нему тяжелой кувалдой, он наконец вошел до самой головки, и дерево рухнуло. Падение одного из этих чудищ — нам они кажутся гигантами — волнующее событие. Это дерево упало как раз так, как мы рассчитывали, — вдоль узкой дороги, ведущей в лес. Валилось оно со скрипом и треском и, зацепив ветвями небольшое деревце, увлекло его с собой на землю. Потом мы с Рокуэллом распилили ствол на чурбаки и перетасили их к избушке на Олсоновых юконских санях. Теперь наша поленища радует глаз, да еще в доме запас на целый холодный день.

Вчера, когда я ложился, Рокуэлл заговорил во сне, видимо переживая какое-то бурное приключение среди воображаемых дикарей. Я спросил, не холодно ли ему. «Нет, милорд», — пробормотал он, так и не проснувшись. Сегодня ели удачный ячменный суп: два бульонных кубика, ячменный отвар и лук, поджаренный на беконном сале. По мнению Рокуэлла, более вкусного супа у нас еще не было.

Первое февраля, суббота

Погода опять напоминает весеннюю. Вчера началась оттепель и продолжается сегодня, почти все время льет дождь. Поэтому сэр Ланселот и мое величество предпочли остаться в доме и заняться искусством. К концу сегодняшнего дня я как раз закончил второй рисунок. В течение месяца моя норма равнялась одному рисунку в день, но вчера вдохновение молчало. Зато какие новости! Вчера в залив вошел большой грузовой пароход, старый, подремон-

ОТШЕЛЬНИК

тированный. Он, конечно, везет и почту, и товары, и вернет наконец домой Олсона. Жаль, что это не обычный рейсовый пароход, тогда бы не было сомнений. Но возможно, что его зафрахтовали, чтобы разрядить обстановку. Что ж, ближайший ясный и тихий день все покажет.

Второе февраля, воскресенье

Время к обеду. Только что Рокуэлл выскочил немного побегать и уже кричит, что потерял в снегу тапку и остался босиком. У нас перед домом словно вторая комната. По утрам мы непременно умываемся снегом и даже в самые лютые морозы, набрав в кружку воды, там же чистим зубы. Прежде чем вымыть кастрюли, мы обтираем их снегом, а воду после мытья посуды выплескиваем прямо с порога и обычно весь день снуем взад-вперед... Ерунда, будто люди простуживаются от перемены температуры. За всю зиму у нас ни разу не было насморка; мы даже не пользовались носовыми платками — обходились рукавом. Человек не заболееет только оттого, что простынет. У меня было достаточно случаев убедиться в этом. Переменчивый климат тоже не причина для простуды, потому что трудно себе представить большее непостоянство погоды, чем зимой на Аляске. Простуда так же, как дурное настроение и скептицизм, — болезнь городской толпы.

Вот и сейчас идет дождь, через минуту будет град, а затем снег. Временами и сегодня светило солнце, иногда дул ветер, а в основном было тихо. Все вместе представляло слишком ненадежную картину, чтобы мы могли ожидать Олсона. А теперь пора пожарить пирожки из кисло-го теста и пообедать. Для Рокуэлла еще ячменный суп — «мужская пища».

Сегодня Рокуэлл спросил меня, как короли зарабатывают себе пропитание. Я объяснил, что они сами никак не зарабатывают, а просто у королей есть народ, который их кормит.

— Как же так? — засмеялся он. — Они что же, обдуривают людей?

Итак, для признания чьих-то привилегий, очевидно, требуется специальное обучение. Между прочим, с войной, должно быть, совсем покончено, и герои, силой до-

ЭКСТА3

казав, что не в силе право (а, может, наоборот?!), уже сменили покрытые славой солдатские мундиры на менее почетные одежды труда.

Третье февраля, понедельник.

Пошел второй месяц, как Олсон отсутствует. Сегодня большую часть дня бушевала буря, с утра сильный снегопад. Сквозь густую завесу до нас едва донесся гудок парохода. Похоже было, что он удалялся в сторону открытого моря. В четыре часа падал легкий снежок и при этом весело играли молнии и громыал гром. Погода примерно такая: полчаса снег, потом дождь, затем полное затишье на несколько минут, и вдруг, точно лавина, огромные градины начинают барабанить по крыше. Но это продолжается секунды, внезапно свирепый порыв ветра обдаёт нас сосульками и снегом с окружающих деревьев, опять минуты тишины и покоя, и весь спектакль готов повториться сначала.

Четвертое февраля, вторник

Погода сегодня так переменчива, что мы до сих пор сомневаемся в намерениях Олсона. По прекрасному пушистому новому снегу спустились на лыжах к морю, чтобы хоть поглядеть на Сьюард. Залив лежал перед нами очень красивый, абсолютно спокойный, но нигде ни точки. Масштабы здесь так колоссальны, что я плохо представляю себе, на каком расстоянии мы сможем разглядеть крохотную, прыгающую по волнам лодку, когда она наконец появится.

Напилили сегодня массу дров, так что наша поленница сровнялась с крышей. Стремление все выше громоздить дровяную гору превращается у нас в манию. В тихую погоду мы заготавливаем дрова, чтобы обеспечить себя на время бури, а в бурную — чтобы поддерживать запас на случай еще более трудных дней. Сейчас погода тихая и приятная. Первого февраля Рокуэлл принес несколько веток. Оляха уже вся в почках, покрылись почками и красные прутья каких-то прелестных кустов.

Время за полночь. Рисунок окончен, топка наполнена дровами, каша и бобы на своем месте, на печи; итак, спокойной ночи!

Пятое февраля, среда

Дивная метель весь день и вечер, и при этом тепло и тихо. Сегодня Рокуэлл в моем комбинезоне и варежках гулял почти без передышки. Он играет в тюленя и плавает в глубоком снегу. Мы с ним строим снеговой дом. Его внутренний диаметр сейчас около семи футов, и там необыкновенно уютно. Не сомневаюсь, что, когда кончим работу, Рокуэлл захочет и ночевать в этом доме. Над маленьким окном нашей избушки висит густая бахрома сосуллек.

По магазинным счетам, которые у меня все сохранились, я точно вычислил стоимость здешней жизни. Всего я закупил провизии на 114,82 доллара; то, что у нас еще осталось, стоит 19,10. Делим на сто пятьдесят дней, и получается, что ушло по шестьдесят четыре цента в день на двоих, или по тридцать два цента на человека, то есть каждая еда стоила нам немногим больше десяти центов. Учитывая теперешнюю дороговизну во всем мире, и особенно на далекой Аляске, можно считать, что мы живем очень разумно. В эти цифры вошли и затраты на рождественские роскошества.

Седьмое февраля, пятница

Вчера наконец СОЛНЦЕ! Сколько дней оно уже смотрит на нас, я не знаю, потому что небо все время скрыто облаками. В полдень солнце оказалось над нами и заглянуло прямо в мое окошко. Какое радостное зрелище после стольких серых месяцев! Вечером лучи заходящего солнца чуть-чуть не достигли нашего берега. А вчера, встав на рассвете, мы начали день купанием в снегу, как будто уже наступила весна. Вот это настоящая утренняя ванна! То же повторилось и сегодня. Мы выбегаем из дому, кидаемся с размаху в глубокий снег, растираем им все тело и мчимся назад под спасительную крышу к раскаленной печке. Ввел это безумство Рокуэлл, так что ему надо приписать и честь выдумки, и всю ответственность за последствия. Но его все равно не удержишь, а мне стыдно отставать от него. Оба эти дня холодные, ветреные, северные, но какие прекрасные! Рокуэлл с утра до вечера гуляет, барахтается в снегу, воображая себя то тюленем, то моржом. Этот мальчишка создан для северно-

го климата. Вчера я опять варил гнилье для лисиц, сегодня стирал, а пил и вчера, и сегодня. Сейчас половина первого, и я чувствую усталость.

Восьмое февраля, суббота

Расставил вокруг рисунки из своей серии «Безумный отшельник». По-моему, получилось очень здорово. А посреди них я, обросший бородой и волосами.

Сегодня, когда буря чуть поутихла, мы сперва забросили в озеро новую порцию рыбы в мешке, а потом отправились на лыжах к восточному хребту. Там, в лесу, снег лежит плотным и толстым слоем. Ветер его даже не коснулся. Небольшие деревья под тяжестью снега согнулись пополам, как струи замерзшего фонтана. У некоторых деревьев высоко расположенные ветви опустились до земли, образовав вокруг ствола куполообразные беседки. Спуск с горы оказался настоящим удовольствием. Можно было скользить даже на наших ненаезженных лыжах. Потом Рокуэлл, промокший насквозь, разделся и голышом бегал по дому, играя в диких зверей. В половине седьмого мы оба вымылись горячей водой и снова окунулись в снег. Я начинаю получать удовольствие от снеговых ванн. Голубоглазый и румяный Рокуэлл после такого купания — образец здоровья и красоты.

Десятое февраля, понедельник

Вчера утром я купался в снегу, несмотря на метель, сегодня же ветер налетал с таким свирепым воем, что я не решился выскочить. А с часу дня продолжается самая тихая и теплая погода, какую только можно вообразить. В нашем домике стало еще уютнее. Снегу со стороны большого окна привалило столько, что закрыло его примерно на треть. Дневной свет словно проходит сквозь занавеску, зато вечером вдвойне светло от отраженного снегом огонька лампы. Повсюду намело большие сугробы. Прошлой ночью мелкая снежная пыль проникала в дом и сыпала в лицо, но это не мешало нам спать. Избушка стоит удачно: снежных наносов в нашем дворике совсем нет, лишь вокруг тянется снежный вал, в котором удобно купаться. Рокуэлл взялся за таблицу умножения. Он серьезный ученик и во время занятий погружается в них целиком.

ГЛАВА X

ОЛСОН!

ОН ВЕРНУЛСЯ вечером вчерашнего дня, одиннадцатого февраля, окруженный ослепительным блеском. О чудо его появления и всего, что он нам привез! Перед ужином мы с Рокуэллом сидели за картами. День, тихий и ясный, прошел, а Олсон все не возвращался. Мы были подавлены. Мысленно я уже перебрал все возможные причины его задержки. Ждать дольше, казалось, невыносимо. Мы сидели за дурацкими картами, а мысли наши были далеко. Вдруг из ночной тьмы донесся отчетливый звук гудка. Мы выбежали из дому и впились глазами во мрак. Наконец далеко на воде удалось различить движущееся черное пятно. О боже, в бухту входил катер! В каком неистовом возбуждении мы помчались к берегу! Вот они все ближе и ближе — мужские голоса, огонек в каюте, очертания приближающегося судна. Вот они уже прямо перед нами, вот бросили якорь.

— Олсон, Олсон! — кричу я. — Это вы? Олсон!

— Олсон на борту, — слышится в ответ. — Как живете? Как мальчик?

Мы видим, как с судна спускают шлюпку, гребут к берегу. Приятно увидеть ладного молодого рыбака и пожать ему руку. Вновь и вновь шлюпка подвозит к берегу грузы, которые мы втаскиваем по длинной и скользкой полосе пляжа на сушу. Рокуэлл зажег лампу в избушке Олсона, подметает пол, растапливает печку.

К концу выгрузки я сам подвожу шлюпку к катеру. Меня готовы «принять». Шлюпка ударяется о борт, и над нами на палубе, слегка покачиваясь, возвышается мощная фигура Олсона. Медвежьи объятия! Олсон прямо сияет, сияет и тает, подогретый радостью возвращения и горячительными напитками. А шкипер мне знаком! Как же, ведь это Хогг, тот славный англичанин, у которого мы однажды обедали на рыбацкой базе. Спустившись в каюту, среди жары и дыма готовящегося пиршества мы дружески распиваем бутылочку.

О трезвенник, не толкуй мне ничего о твоих радостях! Я помню одну ночь: полуночный час, черная поверхность Ньюфаундлендского порта, мириады звезд над головой и на палубе развалившегося судна сборище полупьяных мужчин с израненными душами, произносящих жаркие слова прощания, — вспышка молнии, ударившей в серую равнину жизни, открыла им на миг страшную бездну. А теперь эта ночь в тихой темной бухточке залива Воскресения, окруженной безлюдными горами, дикой природой, эти крепкие люди, их буйные, вольные речи и крылатые пророческие видения, о боже! Мне кажется, трезвый взор, рассматривающий вещи при дневном свете, касается лишь бесцветной твердой поверхности, под которой скрыта истинная сущность жизни. Из жаркой каюты карабкаюсь по лесенке вверх, выше, выше, к вершинам мира. Ах, как освежает душу гуляющий на просторе холодный чистый ветер! Как близко над головой купол неба и звезды! Это не обыкновенный земной корабль, это палуба судна-метеора. Это я веду лунный корабль древних богов Севера.

Гребу к берегу, чтобы забрать Рокуэлла, подтаскиваю повыше выгруженное добро, и мы вдвоем возвращаемся на судно ужинать. Капитан изо всех сил хлопочет вокруг мальчугана, заявляет, что он замечательный гребец и заткнет за пояс своего папку, хотя и тот молодчина — здо-

ровый, крепкий парень. Добряк этот капитан. Вот он снова протягивает мне бутылку, и я пью. Батюшки, это укус! Глубочайшие извинения, и отыскивается то, что надо.

Мы едим, можно сказать, набиваемся до отказа! Наконец наша тройка, пожелав спокойной ночи капитану, гребет к берегу, Рокуэлл нагружен подаренными фруктами. Олсон, бедняга, так устал, что не в состоянии даже сдвинуть с места свой тяжелый груз, сложенный на берегу. Ну что ж, приходится поднатужиться мне, и мало-помалу все привезенное высокой горой нагромождается в избушке Олсона. На прощание еще чашка кофе со стариком, и, обменявшись короткими, но гневными речами по поводу войны, в гневе на человечество, заварившее такую кашу, мы расстаемся. Я отправляюсь домой, где уже спит Рокуэлл.

С утра сегодня ледяная ванна. Затем, не завтракая, мы с Рокуэллом набрасываемся на письма и посылки. Какое все-таки замечательное рождество! Вся постель завалена подарками, на столе гора писем. Мы разбираем почту, пожирая ее глазами, точно голодные тигры, которые в экстазе от добычи сперва только лижут пищу. Все утро и большая половина дня у меня уходит на чтение писем. Вокруг стоит немытая посуда, поели наскоро, что попало под руку. (Дальше в дневнике целых две страницы занимает перечень подарков: книги, да еще какие, целая полка! шерстяные вещи и туфли на меху, ноты для флейты, плум-пудинг, конфеты, шоколад, папиросы и так без конца.) И всего этого примерно в семь раз больше, чем у нас было когда-нибудь в жизни. Ах, когда живешь в глуши, по-настоящему любишь друзей, и они тоже тебя не забывают. Но лучше всего письма: таких теплых и нежных писем я никогда еще не получал.

Четырнадцатое февраля, пятница

Дни мчатся, как ветер. Вчера и сегодня такая теплынь! Вся жизнь проходит теперь вне дома. Сейчас, когда я это пишу, дверь открыта настежь и теплый влажный весенний воздух входит внутрь, вытесняя запах скипидара. Сегодня я загрунтовал восемь холстов, шесть из них уже натянуты на подрамники. Во второй половине дня я писал этюды,

расположившись на северном краю побережья, совсем близко от замерзшего водопада — гигантского изумруда удивительной формы.

Рокуэлл в превосходном настроении. Думаю, что расширение нашего меню после приезда Олсона будет ему очень полезно. В последнее время нам пришлось сократить потребление молока до одного бидона в два-три дня. Зато теперь можно приналечь на рыбу, которой у Олсона столько, что церемониться нечего. Олсон заставил меня принять пятидесятифунтовый мешок муки в награду за труды во время его полуторамесячного отсутствия. Боюсь, что будет нелегкой задачей всучить ему потом крупу, которую я беру у него взаймы. Какой контраст представляет эта щедрая страна с подлой атмосферой Ньюфаундленда!

Семнадцатое февраля, понедельник

Три дня! А что произошло за это время? В первый день я как будто бы натягивал холст на подрамники и занимался грунтовкой. Весь второй день напролет писал с натуры. Погода была совсем летняя, сквозь деревья, роняющие бриллиантовые капли, светило солнце. И сегодня, начав ранним утром, еще до завтрака, я писал по сию пору, до одиннадцати ночи. Решил через несколько дней ехать в Сьюард. Появилась необходимость поскорее вернуться в Нью-Йорк. Сегодня сказал об этом Рокуэллу, и с этой минуты глаза его почти не просыхают. Он допытывался у меня о причинах отъезда, и мы обсудили положение до мельчайших подробностей. Он не хочет в Нью-Йорк и даже не хочет жить за городом где-нибудь на Востоке. Там ведь не будет для купания ни океана под боком, ни этого теплого пруда. И довод, что в любом другом месте у него будет с кем играть, не пересиливает его привязанности к этому краю.

Поглядели бы вы теперь на сэра Ланселота. Вся одежда стала ему мала, сильно износилась и висит на нем буквально клочьями. Штаны лопнули от колена до бедра, комбинезон, который он надевает сверху, в сплошных лохмотьях. На рубашке спереди уцелели только две пуговицы. Рукава, начиная от изодранных локтей, висят бахромой. На голове длинные космы. Спереди я их подрезал,

МОРСКИЕ ДУМЫ

чтобы не лезли в глаза. Но при этом щеки его ярче роз, у него красивые голубые глаза, красные губы, лицо всегда озарено жизнью. Итак, на все остальное можно было бы не обращать внимания, но Рокуэлл не таков. Однажды после долгого разглядывания неудачной фотографии, где он похож на идиота, Рокуэлл заявил:

— Папа, я хотел бы в какой-нибудь день надеть парадный костюм и причесаться. Я хочу узнать, правда ли у меня такой вид, как на этой карточке.

Рокуэллу нравится быть красивым, и наряжаться — для него истинное наслаждение. Но именно поэтому, да еще зная его природную аккуратность, я ничуть не забочусь о том, чтобы наряжать его. Он регулярно чистит зубы, и притом с охотой. По утрам мы поднимаемся вместе и делаем гимнастику по системе д-ра Сэрджента, энергично упражняясь, затем голышом выходим из дому. Период лязгания зубами давно позади. Какая бы ни была погода, мы спокойно выходим, ложимся в сугроб и глядим в небо, а потом быстро растираемся снегом. Это лучшая в мире ванна.

Сегодня не то дождь, не то снег. На ровных участках земли слой снега в три фута. У наших окон он выше подоконника. В Сьюарде — не писал ли я уже об этом? — его так много, что не видно другой стороны улицы. Такого глубокого снега и таких морозов, как в это последнее похолодание, я еще не видел и не слышал о них ни в одну зиму. Термометр показывал намного ниже нуля. Значит, мы таки испытали настоящую зиму, нас это очень радует.

Восемнадцатое февраля, вторник

Такая теплынь! Печка еле топится, а в доме жарко. Сегодня понемногу шел и дождь, и снег, а в общем день был очень приятный. Любой день мне кажется приятным, если спорится работа. Я исправил две непутевые картины, и теперь они в числе отборных. Вечером с запада появился пароход — долгожданный «Кюрасао». Он, по-видимому, уже побывал здесь дня два или три назад и потом заходил в Селдовию. Он прополз по воде с невероятной медлительностью. Каких только старых калош не используют для обслуживания Аляски!

ТЮРЕМНАЯ РЕШЕТКА

Материнское отношение Рокуэлла ко всем вещам сегодня дошло до абсурда. Он подбросил в огонь два полена после того, как я решил прекратить топку. Я вытащил их, когда они уже полыхали вовсю.

— Не трогай! — закричал Рокуэлл совершенно серьезно. — Огонь обидится!

Сегодня Рокуэлл разгреб снег вокруг лодки. Следующая задача — откопать ее, завтра нужно будет привести в порядок мотор. Мы должны найти дыру в баке для бензина и запаять ее, а затем заставить мотор работать. На такую-то работу и уходят впустую прекрасные дни.

Рокуэлл любит каждую пядь на этом клочке земли. Только что он говорил о красоте озера, о его крутых лесистых берегах, чистом каменистом пляже, и о той открытой и ровной низинке, с которой мы спускаемся к воде. Он собирался летом проводить у озера все дни голышом, играя то в воде, то на берегу или плавая по озеру на каком-нибудь плоту или лодке. Да и я подумывал о том, чтобы поставить палатку где-нибудь во мшистой лощинке у озера и предоставить Рокуэллу возможность ночевать там одному, чтобы уже в детстве он познакомился с чудесами отшельнической жизни. Но ничего этого не будет!

Девятнадцатое февраля, среда

Дождь и буря. Но мы сегодня починили мотор и, как только прояснится, готовы отплыть в Сьюард. Над всем преобладает одна мысль, что пребывание на этом полюбившемся нам острове близится к концу. Чем же он так одинаково дорог сердцу мужчины под сорок лет и девятилетнему мальчику? Ведь наши жизненные кругозоры так далеки друг от друга. Может быть, Аляска как раз где-то на середине наших жизненных путей, и я, повернув назад из тесного мира, который, с тех пор как я хорошо узнал его, только отпугивает, встретил Рокуэлла, идущего от неведения вперед к этому самому миру. Если так, значит, мы лишь на какой-то момент сошлись в столь полном и абсолютном единении душ. Может быть, с этой минуты его привязанность к этому краю начнет проходить, а моя, оставаясь неудовлетворенной, затаится в глубине. Но мне

кажется, дело обстоит иначе. Просто мы, случайно вырвавшись из толпы, свернув с избитой дороги, очутились лицом к лицу с огромным и непостижимым, с тем, что мы называем дикой природой, и нашли САМИХ СЕБЯ, ибо в этом и заключается главная суть природы. Она своего рода живое зеркало, в котором отражается все на свете. Но это «все» лишь вносится нашим воображением. Дикая природа такова, какой мы ее себе представляем.

Вот где оказались мы двое. И если мы не содрогнулись перед открывшейся нам бездной, не убежали от одиночества, то лишь благодаря богатству, заключенному в наших собственных душах. Мы заполнили эту пустоту своей фантазией, согрели ее и дали ей язык и понимание. Из просторов дикого края мы создали мир ребенка и мир мужчины.

Я не знаю ничего более прекрасного, чем эта безграничная вера Рокуэлла в подлинность здешнего рая. Развиваясь беспрепятственно, его фантазия зажгла своим огнем каждую деталь вокруг, так что теперь он часами может бродить по лесу, по берегу моря, вдоль озера в полном удовлетворении, потому что все это настоящая волшебная страна.

Вот «Королевская дорога», «Тропа великанов», где находится смолистое «дерево десяти фунтов масла» и живут все великаны, с которыми приходится сражаться сэру Ланселоту. Дальше могила сорочонка с крестом, пещера выдры, чудесный замерзший водопад; здесь и странное дикое племя трипов, которые изредка наезжают в эти края охотиться на белых людей. Они снимают с белых кожу за то, что те убивают их любимых зверей. Тут же дождевые медведи и дикие кошкоеды — звери, которые будто бы живут в темном лесу и дружат с Рокуэллом. Каждое бревно и гнилой пень, сучковатые деревья с «маслом» и без «масла», каждый холмик и каждая тропинка, каждая скала и каждый ручеек — все это особые существа и вместе со сверхжизнерадостными козами, пестрыми сороками, милыми замарашками-воробьями, славными и добродетельными дикобразами, черными-пречерными воронами, величественным и благородным орлом, редкими пауками и еще более редкими мухами и чудесными гладкими и сильными выдра-

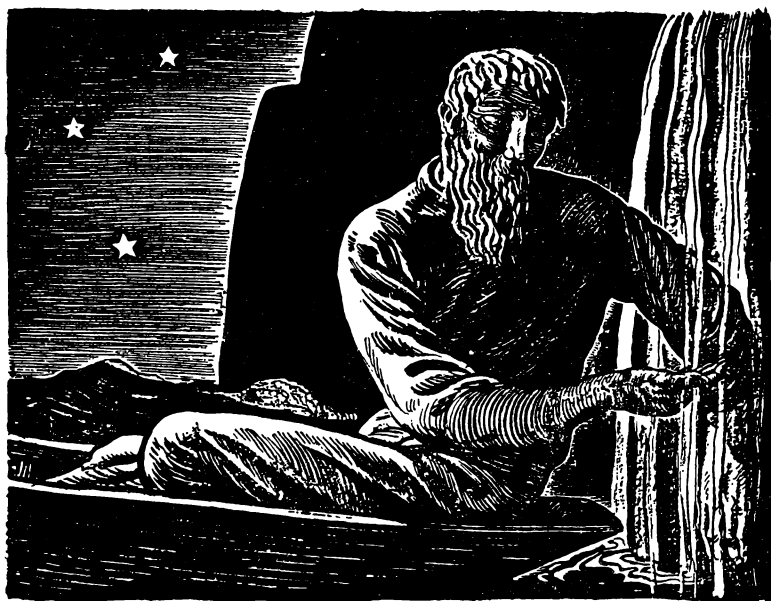
ми, которые играют в снегу и катаются с гор, они составляют романтический мир, потрясший мальчика до самой глубины души. Жить здесь, собирать вокруг себя все больше и больше зверей и брать их под свою защиту, жить вечно или, если это невозможно, хотя бы до старости, до глубокой-глубокой старости, жениться, но только не на девушке из Сьюарда, а на какой-нибудь замечательной красавице — на индианке, вот на ком! — вырастить большую семью и здесь же умереть. Это теперешний идеал маленького Рокуэлла. И если мы, остальные члены семьи, хотим, чтобы он признавал нас, мы должны приехать к нему сюда, где он будет заботиться о нас с пышностью и достоинством патриарха.

Двадцатое февраля, четверг

Весь день мы провели на воздухе. Утром совершили очередное путешествие на мыс, разделяющий обе бухты. Это скалистый выступ с большим нагромождением валунов у основания, по которым приходится карабкаться. Они обычно мокрые и скользкие, что доставляет мало удовольствия. Тем не менее мы прекрасно обогнули мыс, после чего я установил холст и взялся за работу. Рокуэлл в это время лазил по всем углублениям и трещинам, изображая какого-то дикого зверя. Когда я кончил писать, поднялся ветер. Мне стоило больших трудов нести мокрый холст так, чтобы не попортить его. После обеда начал еще две картины с натуры. Над ними я буду работать до самого отъезда. Завтра, если позволит погода, отправимся в Сьюард. Лодка откопана из-под снега, вещи упакованы, мотор дрожит от нетерпения. Я что-то устал сегодня, и уже пора спать.

Двадцать третье февраля, воскресенье

В пятницу было тихо. Мы выехали с острова около одиннадцати, провозившись, как обычно, несколько часов с мотором. По дороге пришлось заехать к Хоггу на его рыболовную базу за черпаком, потому что лодка дала течь и набралось много воды. В доме ни души. Я стащил в сарае какую-то миску, и мы двинулись дальше. Солнце освещало вход в залив, в то время как остров, наш остров, был скрыт облаками. Ту же картину мы наблюдали позже

БЕГУЩАЯ ВОДА

из Сьюарда. Климатические условия в этих двух местах сильно различаются. У нас теплее и гораздо больше влаги. Официально установленное для Сьюарда количество осадков, а до недавнего времени их было, по-видимому, крайне мало, совершенно не подходит для Лисьего острова. Записи Олсона в прошлое лето свидетельствуют о преобладании дождливой погоды, а в Сьюарде в это время наслаждались редко солнечными днями! И теперь в течение трех дней, проведенных нами в Сьюарде, стояла прекрасная погода, тогда как Лисий остров все время прятался за густыми облаками. Даже когда вокруг Сьюарда море абсолютно спокойно, там, на острове, часто бушует ветер.

Итак, в пятницу мы с распушенными знаменами достигли Сьюарда, втащили на берег лодку, убрали мотор в избушку Олсона и опять вступили на стезю цивилизации. Встретили нас очень приветливо.

В первый же вечер Рокуэлл ужинал в одном доме, а ночевал в другом с кучей ребят. Что они подумали о его белье! Я остался без ужина, вместо этого писал письма, а потом играл на флейте у почтмейстера. На завтра ранним утром прибыл пароход, и весь день прошел под потрясающим впечатлением от полученных писем.

Двадцать шестое февраля, среда

Вчера вернулись домой! Мы отплыли из Сьюарда с очень небольшим грузом на борту. В заливе дул пронизывающий северный ветер. Мы еще не успели добраться до Каиновой Головы, как поднялась роскошная белогривая зыбь, которая понесла нас с собой. Мотор смог выдержать ее лишь до середины пролива. В нашей лодке винт установлен слишком высоко, и при таких волнах, как вчера, он почти все время оказывался над водой, бешено вращаясь вхолостую. Потом, разумеется, лодка потеряла управление, и мы сильно отклонились от намеченного курса. Но все равно это было очень здорово. Вырудивая против волн, мы ни на шаг не могли продвинуться, зато по волнам наша лодка неслась так, что ничто в мире нас бы не остановило. А мотор продолжал работать, но, как обычно, без конца выходил из строя. В эту пятницу маховик спол-

ПРИЧАСТНОСТЬ

зал шесть раз, глушитель — четыре, а пружина клапана отвалилась совсем. В целом обратный путь совершался благополучно, пока мы не попали в самое бурное течение. Тут-то и отвалился глушитель. Не рискуя при таком волнении останавливать мотор, я половину пути простоял на коленях, держа в одной руке румпель, а в другой — гайку глушителя и плоскогубцы. Рокуэлл непрерывно вычерпывал воду. Лодка течет, как решето.

До чего же приятно вернуться домой! И часу не прошло, как мы уже сидели за обедом в своей теплой избушке. Рокуэлл сказал, что не может вспомнить, кто только что ездил в Сьюард, мы или мистер Олсон. Я привез в подарок Олсону набор электрических батареек. Он был очень доволен. Но больше всего его обрадовала почта. Я глядел, как, нацепив очки, он изучал полученные письма. Они для него редкость. На этот раз пришли открытка и письмо от мамы Рокуэлла.

Кончился день, и наступил вечер. В нашей бухте показалась моторная лодка с кабиной. На берег сошли двое молодых парней, и мы все собрались поболтать в домике Олсона. У одного в лодке осталась жена. Парни рассказали, что ищут сорвавшуюся с причала лодку, но позже Олсон сообщил мне драматическим шепотом, что они, без сомнения, собираются где-то вылавливать ящики с виски. Здесь в заливе потопили массу виски. В свое время владельцы приметили места и теперь по мере надобности выуживают, что им требуется. Это вроде кладов, зарытых в пиратские времена. Я не сомневаюсь, что существует много карт, на которых отмечено местоположение жидкого сокровища.

Сегодня опять пасмурно, но тепло и тихо. Удивительный все-таки климат. Рокуэлл старается извлечь из этих последних дней как можно больше. Сегодня утром он лазил на вершину холма к востоку от нас, а после обеда забрался высоко по склону горы. Теперь он надумал остаться здесь и жить дикарем. Я ни минуты не сомневаюсь, что он страстно хочет и полностью готов к тому, чтобы, уезжая, я оставил его на острове.

ГЛАВА XI

СУМЕРКИ

ПЕРВОЕ марта! Хоть бы рассеялась эта хмурая погода, я бы мог побольше сделать в последние дни. Пятнадцать новехоньких холстов висят в ожидании, что я украшу их картинами. Нынешний день был единственным, когда вопрос о работе под открытым небом даже не стоял. Вовсю идет снег. В прошлый вторник мы с Рокуэллом начали принимать утренние ванны в заливе, так как снег чересчур затвердел. И теперь ровно в семь пятнадцать в сером утреннем свете мы, надев резиновые тапочки, со всех ног мчимся по берегу вниз и кидаемся в воду. Бррр! Холодно, но замечательно хорошо. У Олсона, несколько раз предсказывавшего плохой конец нашим утренним спектаклям, все-таки пробудилось любопытство. Он даже заставлял себя вылезть из постели, чтобы поглядеть на нас, но до сих пор ему не удавалось подняться достаточно рано.

Дни прибавляются быстро. Сейчас больше шести часов вечера, а мы еще не зажигаем лампы!

Прошлый раз Олсон купил в Сьюарде массу обрезков багета на рамки. И теперь с моей помощью все небольшие вещицы, какие мы ему давали, помещены в пышные рамы. Для маленькой картины, где я изобразил его самого, он

сделал, по его определению, «камуфляжную» рамку: все четыре стороны у нее из разного багета. Олсон чрезвычайно гордится этими картинами. Он искренне восхищается нашей работой. В Сьюарде рассказывали, что старик только о нас и говорит. В свою очередь многие недоумевают, как я сумел поладить со старым «сумасбродом». А я полагаю, что этим-то сумасбродством все и объясняется. С ужасом представляю себе совместную жизнь здесь с одним из тех превосходных, стойких, смекалистых, честных, стерильно здоровых американцев, которыми любят гордиться в нашей стране.

Я сказал Олсону о том, что Кэтлин развеселила бесцеремонная фраза, которой он оборвал свое письмо: «Хотите ответить, хотите нет, мне все равно».

— Что ж, — сказал он, — так принято у нас на Аляске: если кому кто не по нраву, то пусть сам убирается к черту!

Мне рассказывали забавную историю, которая приключилась с Олсоном и его козами во время небольшой сельскохозяйственной выставки в Сьюарде. Двух коз Олсона, которые тоже были представлены на выставке, предварительно посадили в тесные упаковочные ящики, чтобы они не пачкали пол помещения. Появляется Олсон и, увидев затруднительное положение своих любимцев, приходит в ярость. Он вытаскивает коз, швыряет ящики на улицу и публично обвиняет администрацию выставки в плохом обращении с животными. И хотя скандал поднялся невообразимый, хозяин коз вышел победителем и с торжеством наблюдал за тем, как его подопечным предоставили почетную свободу в особом загончике, с занавеской и надписью: «Разрешение посмотреть коз — десять центов». Эту надпись Олсон полностью игнорировал, впуская бесплатно всех и каждого, тем более что желающих была целая толпа.

Третье марта, понедельник

День вступления на пост нового президента¹⁷ здесь остался незамеченным. В идеальной общине Лисьего острова законы настолько мало касаются жителей (единственный закон, который имеет к нам отношение, мы с наслаждением нарушаем), что только дивисься, как далеко

может зайти такое «бесправительственное» состояние. Размышляя над этим, невольно возвращаешься к первичным законам жизни, наделяешь человека его неотъемлемыми естественными правами или по крайней мере желаниями, и тогда остается лишь удивляться, сколько любви к порядку заложено в самой человеческой натуре. Тот факт, что значительная часть человечества живет и умирает с весьма приблизительным представлением об установленных в обществе законах и, как правило, не приходит в столкновение с ними, ясно показывает, что большинство статей уголовного кодекса лишь письменное закрепление того, что рядовому человеку свойственно желать или чего он избегает. Существует резкое различие между этими «обычными» правами и исключительными законами, которые быют по индивидуальной свободе человека, законами, касающимися морали, трезвенности или посылающими людей против их желания на войну. Во всех законах есть элемент тирании, но именно в этих она особенно дает себя знать. Чтобы обрести настоящую свободу, человек должен убежать от всего этого. Если бы только все подобные души могли стянуться к какому-то общему центру и построить новое общество, которое руководствовалось бы лишь свойственными его природе законами и порядком! Но... в том-то и загвоздка. Государство, действительно заинтересованное в прогрессе, несомненно, отвело бы часть своей земли под такой эксперимент. Но любое государство заинтересовано в выгодах только для одного класса, что означает угнетение всех остальных. Нынче как насмешка звучат такие старомодные лозунги, как «Жизнь, свобода и стремление к счастью», «Управление только с согласия управляемых»¹⁸ и т. п. Но их придется принимать во внимание, пока последний большевик не будет превращен в преуспевающего дельца и пока не умрет последний идеалист.

А теперь вернемся к Лисьему острову. Погода стоит серая и унылая, лишь вчера под вечер, за час до заката, тучи внезапно рассеялись и солнце светило и грело, как в самый пригожий летний день. Я, конечно, устроился на свежем воздухе и писал картину под звон капли тающего вокруг льда и снега. По утрам холодно, и кажется,

еще вдвое холоднее, когда в рассветной полутьме, а порой в метель, мы голышом сбегает вниз по длинной полосе пляжа и кидаемся в воды залива.

Я работаю без передышки. Время мчится с бешеной скоростью, и день отъезда уже близок.

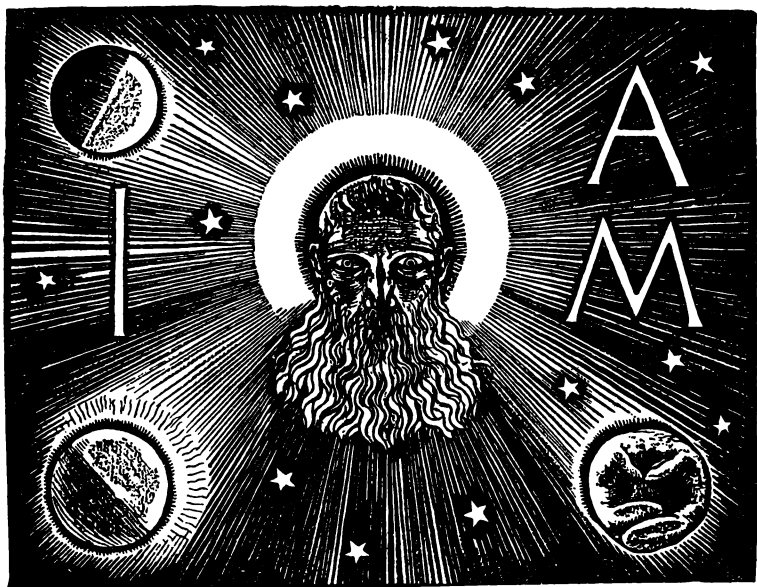
Четвертое марта, вторник

Этот дождливый и снежный день мы провели в доме. Рокуэлл изо всех сил трудился над картой своего «Какбудтошного острова» — прекрасной фантастической страны, где обитают выдуманные им удивительные звери, а я занимался стиркой и починкой. Мой матросский мешок, пострадавший в пути на Аляску в пароходном трюме, теперь приведен в порядок, а на колене моего синего комбинезона красуется белая холщовая заплатка.

Олсон провел у нас почти весь день. Он перечитал письмо, полученное от Кэтлин, и в восхищении от него. Теперь он чувствует себя уполномоченным задержать меня здесь подольше и не жалеет трудов, чтобы убедить меня в этом. Он очень ценит картинку, которую ему прислала маленькая Кэтлин. Подобные вещицы, письма и всякие мелочи, которые мы ему дарили, будут храниться в не слишком наполненной коробке с его сокровищами среди нескольких старых писем и фотографий леди и джентльменов из числа старожил в парадных костюмах, какие носили тридцать лет тому назад. Эти скудные богатства — воспоминание о такой одинокой жизни! Он показал мне сегодня фотографию Тома Крэйна, старого своего товарища из Айдахо, и двух крупных, пышущих здоровьем женщин — жены Крэйна и ее сестры. Во время их короткого путешествия жена замерзла насмерть, а Крэйн потерял обе ступни. Олсон руководил спасательной экспедицией, которая с большим трудом доставила уже погибшую женщину, а потом выхаживал товарища в течение долгой мучительной болезни, пока тот не встал на ноги, хотя и калекой.

Шестое марта, четверг

Ох и трудно же это — писать картины под нажимом. Устал так, что не способен дать на этой страничке боль-

ВИДЕНИЕ

ше, чем самый краткий отчет о наших занятиях за последние два дня. Вчера было пасмурно. К вечеру тучи рассеялись, представив нашим взорам зрелище самого красивого в мире заката. Солнце опускалось за пурпуровые снежные горы, направив лучи вверх, в кипящую массу раскаленных докрасна облаков. Почти всю вторую половину дня я провел за мольбертом на открытом воздухе.

Сегодня мы купались на рассвете. Было свежо, морозно и ясно. Море отхлынуло так далеко, что я, не замочив ног, пробежал обутый вдоль северного края бухты до места, откуда видна вся внешняя часть залива. Олсон не знал, что это возможно. Вернувшись, мы с Рокуэллом спустили на воду лодку Олсона и погрузились в нее с моим художническим оборудованием. Причалили к месту, куда я только что ходил пешком. Рокуэлл прыгнул на берег, держа в руках конец, но не рассчитал расстояние, поскользнулся и во весь рост свалился в пену набежавшей волны, чуть было не под самую лодку. Я расхохотался, и это привело его в страшную ярость. Почти два часа он катался один в лодке по бухте, но потом все-таки подъехал, чтобы отвезти меня домой. После обеда мы повторили экскурсию (кроме кувыркания в воду), подплыв на сей раз с южной стороны бухты. Рокуэлл — превосходный гребец, а главное, можно положиться на то, что он все сделает, как ему сказано, — во взрослых это недостаток, в детях — достоинство.

Седьмое марта, пятница

Неважно, что нынешний день начался с туч и снега, — закончился он с блеском. Олсон, Рокуэлл и я всю вторую половину дня до вечера провели далеко в заливе, покачиваясь в лодке на синих летних волнах и нежась в тепле летнего солнца. Посвятили несколько часов обследованию западного берега острова, объезжая беспорядочно разбросанные вокруг рифы, проникая по узким опасным проливам туда, где вода бешено крутилась и бурлила, врываясь в какое-нибудь изрезанное уступами ущелье. Ах это наслаждение риском! Игра с опасностью, когда ты от нее

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ

достаточно огражден, но в то же время так близок, вплотную близок к смерти. Мы высадились на берегу Солнечной бухты, нашли в темной чаще гниющие обломки старого лисьего питомника, вокруг которого, наводя ужас, белели кости сожранных трупов. Потом мы двое ринулись вверх по отвесному, покрытому снегом склону восточного хребта, ринулись на всех четырех, зарываясь ногами в снег и цепляясь руками за выступы. Когда мы добрались до вершины, то с высоты двухсот или трехсот футов увидели самые отдаленные горы в заливе Воскресения, дальше остров Бэруэла и океан. Еще бы раз увидеть этот далекий горизонт, скитаться по всему свету, где хочешь, видеть из каждой долины новые холмы, приглашающие взобраться, с вершины каждой горы — далекие пики, влекущие к себе. Дальние края всегда кажутся самыми чудесными. Ты превращаешься в странника, не ведающего покоя, которому никогда не достичь родного дома, никогда, пока в один прекрасный день он не запнется на последней вершине у края океана Вечности, где кончаются все пути.

Клинообразный утес, на котором мы стояли, круто спускался прямо в зеленые воды океана. У его подножия бешено бурлили волны прибоя, разбиваясь в белую пену и образуя водовороты. На фоне черных туч сверкали белизной горные пики на той стороне залива, и какие пики! Огромные и острые, точно зубы волка Фенриса¹⁹.

Мы поспешили назад к Олсону, ожидавшему в лодке. Та сторона с бухтой и более привычными горами на западе была наполовину скрыта быстро рассеивающимся туманом. Спуск превратился в настоящую забаву. Мы просто сели на снег и съехали вниз с бешеной скоростью, как на салазках. Бедный Олсон, застыв от ужаса, наблюдал за нами снизу. На берегу я нашел длинную и толстую бамбуковую палку, несомненно, принесенную сюда с востока японским течением. Страшно хотелось отправиться на ту сторону, к Медвежьему леднику, который нам был теперь виден — широкая покатая безукоризненно белая равнина, окруженная крутыми высоченными горами. Но было уже слишком поздно, и мы вернулись домой. Чтобы

познакомиться со всеми чудесами этого края, хотя бы одного залива, понадобились бы годы.

Десятое марта, понедельник

Восьмого весь день продолжался сильный снегопад и каждый из нас занимался своим делом в доме. Девятого наступил холодный и ясный рассвет со свежим ветром. Ветер был чересчур силен для намечавшейся нами поездки по заливу, но все же погода не настолько обманывала ожидания, чтобы заставить нас отказаться от экскурсии. Собрав в мешок все необходимое, мы отправились к восточному хребту.

В лесу было чудесно! Свежевыпавший снег еще лежал на сучьях, солнце пока что касалось лишь верхушек деревьев. Временами ветер шевелил стволы и ветви, и тогда получался настоящий снегопад. Выйдя из леса на самой вершине хребта, мы оказались севернее, чем когда-либо, и отсюда нам опять открылся широкий простор океана. Нет ничего прекраснее, чем выбраться из таких вот густых зарослей и внезапно увидеть подобное зрелище! Прямо на вершине мы разложили костер под выгнутыми корнями большого дерева. Я принялся за один из принесенных холстов, а Рокуэлл играл и поддерживал костер.

Хлоп! Банка с бобами, зарытая в золу, подскочила кверху, давая знать, что обед готов. Подсев к костру, мы принялись за вкусные бобы с хлебом и арахисовым маслом и за шоколад, при этом спины наши поджаривались, а животы леденил ветер. Нам было хорошо, и Рокуэлл предложил провести так дня три-четыре. Затем, поработав еще над картиной и поиграв в снегу, мы вернулись домой.

В хорошую погоду мне нельзя терять времени. Около часа или немного больше я писал на озере, а потом еще, на этот раз — великолепный закат. После ужина надо печь хлеб и уже совсем без сил поскорее уснуть в нашей большой, жесткой, удобной кровати. Олсон отправился бы в Сьюард сегодня, если б не ветер, который свирепо дул с севера и продолжает дуть сейчас. Я весь день был занят упаковкой, и теперь мои ящики уложены почти доверху.

Итак, мы действительно уезжаем! Весь день у меня ощущение, будто пришла осень. И уже не в первый раз за последние дни. Мы чувствуем запах осени. Я думаю, это потому, что кончается настоящее лето в нашей жизни и на губах осенняя горечь печали.

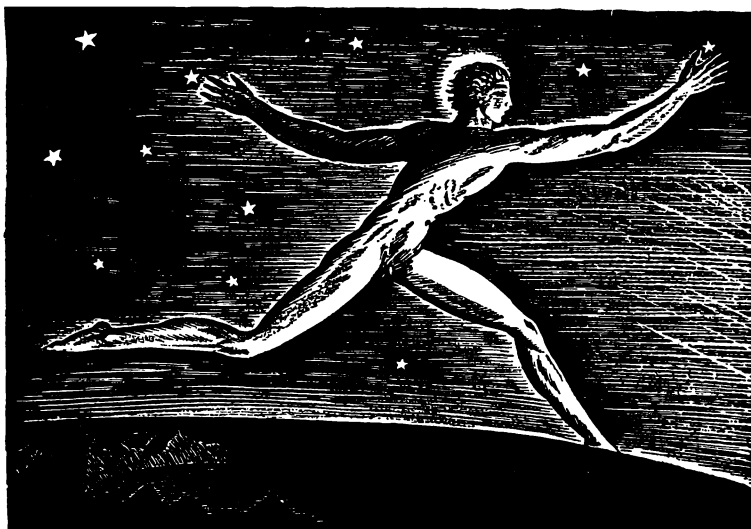
Одиннадцатое марта, вторник

Ветер не прекращается, холодные и ясные, синие дни. Большую часть времени сегодня я провел за холстом, сначала в доме, потом на воздухе, начав большую картину. Олсон был у нас почти все время. Он дорожит каждой мелочью, которую мы оставляем ему на память. В бумажнике у него хранятся фотографии Кэтлин, Клары и Барбары. Он просил и локон Барбары, который у меня с собой, но я не решился ему отдать. Похоже, что в Сьюард мы отправимся вместе. Этот ветер, видимо, продержится до конца полнолуния, а до тех пор еще порядочно дней. Сундук мой почти уложен, а все остальное можно сделать за несколько часов.

Сегодня, беседуя с Олсоном о возможности более или менее долго сохранить жизнь при кораблекрушении у этих берегов, я услышал от него историю о юноше эскимосе из Унги — «сумасшедшем Семене». Он четыре года прожил на скалах Головы Негра, в дикой части острова Унга, не имея другого пристанища, кроме норы в песке, без огня, без оружия и одежды, без всяких орудий труда. Это была история из первых уст, долгая, дикая, страшная, начавшаяся с кражи этим пареньком освященного вина и закончившаяся безумием и убийством.

Тринадцатое марта, четверг

Лютый холод в прошлую ночь. Приходилось все время вставать и подкладывать в печку дрова. Ветер выл и гнал в комнату морозный туман, мы с Рокуэллом сжались в тесный комок под одеялами. На рассвете все такой же леденящий холод. К полудню пошел снег, и после обеда стало тише и теплее. Но сейчас опять свирепый ветер с северо-востока, и мы прямо замерзаем. Весь день прошел в укладывании вещей. Грустно выглядит теперь избушка с оголенными стенами.

ЗАЖИГАЮЩИЙ ЗВЕЗДЫ

Шестнадцатое марта, воскресенье

Вместе с полнолунием наступило абсолютное затишье. Если оно продержится, завтра мы оставим остров. Последние три дня прошли в хлопотах. Преобладала отчаянно холодная погода с непрекращавшимся северным ветром — чуть ли не самые сильные холода за всю зиму. Тем не менее до вчерашнего дня я продолжал какое-то время работать под открытым небом, изо всех сил стараясь закрепить на полотне хоть что-то еще из бесконечной красоты этих мест. Наши сборы тем временем продолжались. Надеюсь, что к отъезду мы подготовились хорошо и тщательно. Но кто может заранее сказать, как отразятся тяготы переезда через столько тысяч миль на наших узлах и ящиках? Если бы не обещание Олсону съездить вместе в Солнечную бухту и залив Горбуна, что в восточной части материка, мы сегодня уехали бы в Сьюард.

С полудня на море полнейший небывалый штиль. На небе ни облачка, хотя холод по-прежнему очень силен. Яркое солнце напоминает о тепле, и это сильно помогает. Итак, маленький Олсонов мотор, заикаясь, отплевываясь и много раз останавливаясь, потащил нас в намеченный рейс. В заливе Горбуна есть водопады высотой примерно в тридцать футов — прекрасные водопады, ниспадающие с плато прямо в глубокий круглый бассейн. Теперь они замерзли, широко распростершись по поверхности утеса. Но легко представить себе, как они хороши летом. Нам пришлось поторопиться назад, так как быстрый отлив грозил посадить лодку на мель. Потом отправились к месту, где, возможно, мы с Рокуэллом поселились бы, если бы не встретили Олсона в то августовское воскресенье. Там стоит маленькая избушка, открытая всем ветрам, без дверей и окон, но уютная и комфортабельная. И все же, несмотря на близость такого чуда, как водопад, это место не выдерживает сравнения с нашим родным кровом на Лисьем острове.

Затем поплыли к Солнечной бухте, чтобы навестить старого охотника, того самого, который останавливался на нашем острове прошлой осенью по дороге на свою зимовку. Старик увидел, как мы высаживаемся, и вышел встретить нас еле живой и отощавший. Он всю зиму болел

DEARIST MOTHER

Yestuday it was nirly the
codest day we have had.

A nd I played d~~in~~g~~ing~~o.
while I rather painted outside
nirly all daylong.

MARCH 13TH. I STADE
in the house and wakled
on an alden ~~nap~~ nap.
In the evening it got
worms. I went out to play
ed~~in~~g~~ing~~o

MARCH 14TH

THE COLDEST DAY. NOTHING TO
SAY

WE HAD THE BEST ICE
CREAM. I LIKE TO HEAR MR OLSON'S
AND MR KENT'S STORIES THE
TELL NICE STORIES
LOVINGLY ROCKWELL

Перевод письма Рокуэлла

Милоя мама вчирашный день можбыть самый холодный за все
время. А я играл в сабаку динга наулицы када папа песал картины
ссамова утра и довечира.

Март 13-го. Я астался дома и роботал над сваей залатой картой.
Вечирим потиплело и я вышел па играть вдинго.

Март 14-го. Самый холодный день а писат лень

У нас было вкуснае морожено. Мне нравица слушать как м-р
олсон и м-р кент рассказывают рассказы у нх интиресные рассказы.

Твой любииций сын Рокуэлла.

и практически почти ничего не наловил. Какой печальный конец! Каждый день он с трудом поднимается, пилит дрова, приносит воду, варит, но стоит ему наклониться, как начинается головокружение. Он поставил небольшое кольцо капканов поблизости от дома и время от времени тащится в обход. Вся его зимняя добыча — двенадцать горностаев и две норки. Самое большее на тридцать — сорок долларов. Мы предложили забрать его с собой и доставить потом в Сьюард, но он предпочел остаться еще на несколько дней.

А теперь я сижу среди голых стен, окруженный запакрованными пожитками, и все еще как-то не верится, что этому прекрасному приключению пришел конец. Очарование было полным и захватило нас без остатка. Насколько прочно такое счастье, как долго может длиться эта мирная жизнь, чтобы составить полную меру человеческих желаний, способен показать только долгий опыт. В глубокой чаше дикости под спокойной поверхностью заключена подлинная мудрость. Даже пригубить эту чашу — значит приблизиться к прекрасной юности.

Восемнадцатое марта, вторник

Лисий остров остался позади. Прошлым августом Олсон подобрал нас, совершенно чужих ему, и привез в свои владения. Прожив вместе с ним почти семь месяцев, мы снова забрались вчера в лодки и пересекли залив. Но теперь мы протягиваем старику руку помощи и на буксире тащим Олсона с его заплетающимся мотором на обратном пути в Сьюард.

На рассвете было холодно и ветрено. Но мы все-таки быстро упаковали оставшиеся вещи и погрузились. Вскоре после полудня ветер слегка утих, и мы убедили Олсона ехать с нами. Моя машина работала превосходно и тащила обе лодки, пока не заработал и второй моторчик. В заливе ветер дул порядком и сильно качало. На середине пути он еще покрепчал и погнал волны. Мотор Олсона работал так слабо, что его лодка висела на моем буксире всей тяжестью. Когда разгулялась волна, я стал опасаться, как бы старик не упал духом, и время от времени ободряюще улыбался ему. Когда же белогривые валы стали обрушиваться

на нас с предельной яростью, лицо Олсона приняло серьезное выражение. Он махнул рукой, чтобы я повернул назад к острову. Но конец буксирного каната был хорошо укреплен в моей лодке, и я вовсе не думал ни отвязывать его, ни возвращаться. Повернувшись спиной к Олсону, я стал искать прикрытия у Каиновой Головы, что и удалось. Дальше мы продвигались, осторожно обходя утесы, и дело наладилось. Потом ветер спал; к сьюардской пристани мы подошли по зеркально гладкому морю.

И вот все действительно позади. Лисий остров скоро превратится в нашей памяти в сон или видение, в далекое переживание, столь прекрасное благодаря полной свободе и глубокому покою, что, вспоминая, невозможно будет верить в него как в истинное событие жизни. Мы испытали жизнь такой, какой она должна быть, — безмятежной и здоровой. Вот она — любовь без ненависти, вера без разочарования, неограниченная свобода для трудолюбивых рук человека и полета его духа. Старый Олсон, умудренный жизнью, сильный, храбрый, благородный, при этом нежный, как ребенок, и его райский остров. О боже, и после всего этого снова на землю!

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Думается, нет необходимости представлять вам, читатель, автора этой книги. Имя Рокуэлла Кента, выдающегося американского художника, писателя, активного борца за мир во всем мире, хорошо известно. Коллекции его замечательных полотен, изумительной графики — дар американского друга нашему народу — хранятся в лучших музеях страны и знакомы миллионам советских граждан. Увлекательные книги Рокуэлла Кента «Курс N by E» и «Саламина», впервые изданные в 1962 году, полюбили советские читатели. «В диком краю» — третья книга Рокуэлла Кента на русском языке, и верится, что она также полюбится нашим читателям.

Это произведение было важной вехой в творческой биографии автора. В нем раскрылась неизвестная ранее сторона таланта Кента — таланта оригинального, мужественного и эмоционального писателя.

Рокуэлл Кент метко назвал свою повесть «дневником мирных приключений». В ней действительно нет каких-то особо острых, волнующих событий, ситуаций. «Читатель, — предупреждает Рокуэлл Кент, — не найдет на этих страницах того, что привык ждать от рассказов о диком Северо-Западе. Удаление от городской цивилизации не принесло нам бурных переживаний. Главным чудом дикого края был глубочайший, всеобъемлющий мир».

Мир! О, как жаждал Рокуэлл Кент этого чуда! В глуши, подальше от «самого страшного из всех животных — человека», он искал единения с суровой природой. Он стремился отрешиться от стандартной одноликости американских городов и, главное, уйти подальше от ужасов первой мировой войны. Кент испытывал внутренний протест против кровопролития, против разрушения культурных ценностей, против бед, приносимых войной.

Уход в пустынь, конечно, не способ протеста, но кто осудит художника? В те годы он еще не был глашатаем мира. Голос Кента с огромной силой прозвучал позже в его полотнах, книгах, политических плакатах, в его выступлениях на различных форумах людей

доброй воли. Все это пришло после долгих раздумий, продолжительных странствий, после глубокого изучения жизни, природы, людей. Известный советский искусствовед А. Д. Чегодаев как-то сказал, что в результате поездки на Аляску «явился на свет не только Кент-писатель, но и Кент-путешественник»*. Но пожалуй, этим не исчерпывается значение аляскинской робинзонады Кента. Не там ли, на уединенном Лисьем острове у побережья Кенайского полуострова, произошло рождение Кента — борца за мир, за демократические свободы человека?

Помните запись 6 ноября 1918 года, когда Кент узнает от Олсона, возвратившегося из Сьюарда, радостную весть об окончании войны с Германией? «Ради всего святого на земле пусть будет так, чтобы в результате войны люди хоть чуть-чуть почувствовали аромат мира и свободы, на которые мы набрели, как на дикорастущие цветы у самого порога дикой природы...»

Так еще робко, еще не осознанно до конца Рокуэлл Кент высказывает свою заветную мечту, осуществлению которой в будущем посвятит всего себя.

* *
*

В свое время английская критика расценила «В диком краю» как одну из наиболее значительных книг, написанных в Америке после «Листьев травы» Уолта Уитмена. И пожалуй, это не было преувеличением. Вы прочли «В диком краю» и убедились, каким оптимизмом, какой глубокой верой в человека, в его труд насыщено большинство страниц. Это действительно «счастливая повесть», гимн человеку труда, увлеченному самой благородной борьбой, которая существует на планете, — борьбой с природой. Перед нами предстает образ автора — романтика, влюбленного в жизнь, труженика, борца. «Плыть по морям, которых нет на карте, следовать изгибам девственных берегов — вот жизнь, достойная мужчины!» — восклицает Кент, и как настоящий мужчина, наслаждаясь этой жизнью, он приучает любить ее и маленького сына.

В другом месте книги Рокуэлл Кент обращается к читателю с такими словами:

«Не знаю, можете ли вы представить себе, какое это наслаждение быть первооткрывателем! Жить в краю, где любое самое прекрасное место может стать твоим, если только пожелаешь! Намечать и создавать просеки, аллеи, парки и наводить порядок среди дикой природы! Конечно, все, или почти все, уже было сделано до меня. Но, расчищая лес вокруг и совершенствуя свою усадьбу, я тоже испытывал это чувство. Что за прекрасная здоровая жизнь!..»

В восторженности Рокуэлла Кента ярко проступает его неизбывное романтическое восхищение природой, любовь к ней, радость познания непознанного.

* Рокуэлл Кент. Живопись. Графика. Автор текста А. Д. Чегодаев, М., 1962, стр. 11.

Вместе с тем повесть «В диком краю» не что иное, как исповедь человека о «приключениях духа», пережитых наедине с природой. В предисловии к «Курс N by E» я уже писал о том, что «В диком краю» нашему читателю на первый взгляд могут показаться странными некоторые рассуждения Кента с явно выраженной в них печатью символизма и умозрительной манерности. За эту отвлеченность некоторые критики обвиняли Кента в мистицизме. «Я решительно отвергаю подобного рода попытки исказить характер моего творчества,— писал Рокуэлл Кент.— Романтизм в моем толковании — это приподнятое, возвышенное отношение к жизни, природе. Реализм я понимаю не как буквальное копирование природы, реальной жизни, а как изображение ее в наиболее интенсивной, эмоциональной форме...» *

Романтическая приподнятость, эмоциональность, яркая индивидуальная манера письма в сочетании с непринужденностью, искренностью неотъемлемы и от его литературного творчества и в значительной мере присущи книге «В диком краю».

Как и в последующих литературных произведениях Кента, в ней немало интересных, оригинальных суждений о жизни, природе, искусстве, вызванных непосредственными наблюдениями либо навеянных прочитанными книгами. Вот как комментирует Кент высказывание Блейка об ограниченности искусства:

«Здесь, в окружении гор, среди высшей простоты жизни, становятся смешными хлопоты человека вокруг форм искусства, все эти поиски новых способов выражения, потому что старые истерлись! Только бедность собственного восприятия, которое не способно прибавить ничего нового, заставляет человека искать спасение в том, что он дурачит сам себя, наряжая по-иному все те же старые банальности или возвышая до уровня искусства пошлые идеи, находившиеся до сих пор в пренебрежении».

Вывод совершенно неожиданный! Казалось бы, говорилось это в подтверждение тезиса Блейка, а получилось иначе. Вольно или невольно, но Кент высмеял формализм как явление в искусстве. В наши дни этот комментарий звучит вполне современно...

Привлекает внимание и одна любопытная, выраженная вроде бы вскользь мысль об искусстве как мере цивилизации. Таким мерилom Кент считает произведения искусства, эти «неизгладимые письмена человеческого духа», созданные обществом, какого бы ни было оно социального строя, на каком бы уровне развития техники ни находилось. Много лет спустя Кент сказал яснее: «Душа каждого народа познается через культуру...» В другой раз, развивая эту мысль, Кент пришел к грустному заключению:

«Мы привыкли думать, что искусство выражает культуру страны и дух ее народа. В нашей стране, к несчастью, оно не принадлежит народу и не проникнуто гуманизмом... Искусство и народ, как противоречивы эти понятия в нашей стране!»

И все же некоторые его философские отступления не всегда ясны. Мне кажется, что здесь проявляется критицизм Кента, стрем-

* «Говорит Рокуэлл Кент». Беседа. «Правда» № 17, 17 января 1958 г., стр. 6.

ление не принимать все прочитанное на веру, а как-то осмысливать его по-своему. Можно ли упрекать автора, если он в то время в чем-то противоречил себе или заблуждался? Ведь в этих рассуждениях чувствуется страстное желание Кента видеть мир, людей такими, какими, по его представлению, они должны быть, — светлыми, чистыми, увлеченными радостным трудом. Короче говоря, Кент искал свой идеал.

Нельзя забывать о том, что писалась книга сорок с лишним лет назад, когда Рокуэлл Кент еще не оправился от глубокого потрясения, причиненного ему первой мировой войной. Рассказывая об этом периоде творчества Кента-художника, А. Д. Чегодаев пишет, что «Кент пытался передать свое душевное состояние в мрачной и темной символике тогдашних своих картин, сложившейся у него под сильным влиянием... Уильяма Блейка. Лирическое ощущение природы отступило на задний план, почти не прорываясь сквозь тоскливое и меланхолическое, окрашенное какой-то напряженной экспрессией построение его живописи тех лет...» * В поисках разрешения своих сомнений художник и отправился с сыном на Аляску. Конечно же, за столь короткий срок он не мог отрешиться от недавних настроений, что и нашло отражение в книге.

Надо помнить также, что книга родилась в необычной обстановке, в период хотя и короткой, но полярной ночи, которая в какой-то мере угнетающе действует на «свежего» человека с обостренным восприятием. Достаточно вспомнить хотя бы дневники «великого норвежца» Фритьофа Нансена во время знаменитого дрейфа «Фрама». Сколько в них меланхолии, тоски, граничащей с мистицизмом, а ведь Нансена никак не заподозришь в склонности к мистицизму. Вот почему подобные высказывания в книге не могут заглушить ее оптимистического звучания, ее художественной ценности.

То же следует сказать и об иллюстрациях автора, органически связанных с текстом. По словам писателя Кирилла Андреева, в них «отражена почти сонатная борьба двух начал, ритмически проведенная через всю книгу» **, — борьба зла и добра. Некоторые из рисунков Кента могут смутить приверженцев «голового», «фотографичного» реализма своей символической экспрессией. Но и в этом случае нельзя забывать о времени и обстановке, в которой они создавались.

«В иллюстрациях к «Дикому краю»... — пишет А. Д. Чегодаев, — а отчасти и в пейзажах Аляски резко сталкиваются темная, бурная, напряженно драматическая символика и ясное, спокойное, высокопоэтическое чувство красоты реального мира. Сквозь всю книгу... проходит тема «безумного отшельника», погруженного в мрачные и горестные размышления о смысле жизни, и рисунки, его изображающие, полны безмерно нагнетенными контрастами черного и белого, сде-

* Рокуэлл Кент. Живопись. Графика. Автор текста А. Д. Чегодаев, стр. 10.

** Кирилл Андреев. Перо и кисть Рокуэлла Кента. «Литературная газета» № 73, 21 июня 1962 г., стр. 4.

ланы в почти схематически обобщенной манере, скованы постоянным напоминанием о визионерской фантастике Блейка. Но тут же, рядом, вперемежку с этой отвлеченной символикой, находятся светлые, прозрачные, нарисованные легкой, уверенной, гибкой линией пейзажи реальной Аляски, пронизанные восхищением перед живой жизнью, перед прекрасной природой, как оправой и средой для деятельного и чистого душой человека»*.

* *
*

Когда-то Н. Г. Чернышевский, анализируя один из рассказов соотечественника Кента писателя Брет Гарта, заметил, что последний «выработал себе очень благородные понятия о вещах»**. Слова Чернышевского применимы к Кенту-писателю. Его «благородные понятия» — это подлинный гуманизм, восхищенное отношение к жизни и к природе и, я бы сказал даже, критический взгляд на так называемый американский образ жизни. Помните, как иронизирует Кент, вспоминая своих соотечественников, отштампованных американским образом жизни: «С ужасом представляю себе совместную жизнь здесь (на Лисьем острове. — Н. Б.) с одним из тех превосходных, стойких, смекалистых, честных, стерильно здоровых американцев, которыми любят гордиться в нашей стране».

А какую реакцию вызвало у него сообщение о вступлении на пост нового президента Северо-Американских Соединенных Штатов (тогда так официально назывались США)! С каким сарказмом рассуждает Рокуэлл Кент о взаимоотношениях рядового гражданина с государством, о законах, «которые бьют по индивидуальной свободе человека», законах, касающихся «морали, трезвенности или посылающих людей против их желания на войну».

Любопытны и социальные взгляды автора, проскальзывающие в книге. Рокуэлл Кент излагает проект создания нового общества свободолюбивых людей, которое «руководствовалось бы лишь свойственными его природе законами и порядком!».

«Но... в том-то и загвоздка, — тут же оговаривается Кент. — Ведь любое государство заинтересовано в выгодах только для одного класса, что означает угнетение всех остальных. Нынче как насмешка звучат такие старомодные лозунги, как «Жизнь, свобода и стремление к счастью», «Управление только с согласия управляемых» и т. п. Но их придется принимать во внимание, пока последний большевик не будет превращен в преуспевающего дельца и пока не умрет последний идеалист».

Несмотря на «нигилистическое» отношение к любому государству (заметьте, это писалось в 1918 году!), Кент все же прекрасно пони-

* Рокуэлл Кент. Живопись. Графика. Автор текста А. Д. Чегодаев, стр. 11.

** Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XV, М., 1950, стр. 240.

мает, что, пока существуют на свете большевики и идеалисты — конечно, не последователи идеалистической философии, а люди, мечтающие о благе для всех, люди доброй воли, — они будут представлять угрозу капитализму.

Эти размышления не случайны. Они навеяны Кенту событиями, происходившими в России. Симпатии художника-отшельника на стороне защитников социалистической революции. Он верил в справедливость освободительной борьбы народов России, верил в их победу.

Много лет спустя Рокуэлл Кент, принимая у себя на ферме в Адирондакских горах гостей — советских журналистов, вспоминал: «Когда у вас в 1917 году свершилась революция, я сказал себе: «Вот Оно!» Кажется, еще одно усилие и весь этот старый мир полетит к чертям» *.

Уверенность в победе пролетариев и крестьян России появилась у Кента в результате его давнишнего, но пока еще заочного знакомства с русской культурой, искусством, литературой. «Меня всегда волновала судьба народов вашей страны, — рассказывал Рокуэлл Кент, — вместе с ними я горевал в тяжелые дни и радовался их радостям. И это было тоже результатом моего знакомства с вашим искусством...» **

Читая книгу, узнаешь еще одну черту автора — Кента-отца, отличного воспитателя сына.

Как метки, как образны его наблюдения над детской психологией! Разве не поразило вас своей неожиданной свежестью подхваченное Кентом замечание сынишки о цвете собственных имен людей? В книге много таких вот метких наблюдений, и каждое из них — открытие.

А помните, с каким терпением и последовательностью Кент закаляет юного Рокуэлла, приучая его купаться в снегу, в ледяной воде, воспитывая в нем смелость, выносливость, любовь к труду, прививая ему свой романтический взгляд на окружающее! Превращение Рокуэлла-младшего в сэра Ланселота Озерного, а всего Лисьего острова в страну чудес — все это игра, и отец поддерживает, оберегает эту игру, боясь спугнуть воображение ребенка.

Замечания Рокуэлла Кента о тонком собственном литературном вкусе детей, право же, могут служить наставлением авторам, пишущим для детей. Столь же ценны его замечания и об иллюстрациях к детским книгам.

* *
*

Вы обратили внимание, что книгу «В диком краю» Кент посвятил жителям Лисьего острова — «почтенному Л. М. Олсону и юному Рокуэллу Кенту». Вы познакомились с ними, и, несомненно, они стали

* Г. Шишкин, Г. Васильев. Руки на древке. «Огонек» № 41, октябрь 1962 г., стр. 25.

** «Говорит Рокуэлл Кент». Беседа. «Правда» № 17, 17 января 1958 г., стр. 6.

вам так же дороги, как и автору. В этом сила таланта Кента-писателя, как, впрочем, и Кента-художника. Все, что выходит из-под его пера и кисти и дорого ему самому, становится дорогим и читателю, и зрителю.

Удивительно точно и вместе с тем лаконично, с мягким юмором рисует Кент Олсона — добродушного, чистого сердцем охотника-бродягу, влюбленного в жизнь. Образ этого вечного труженика-неудачника предельно четок, выразителен. Его нельзя не любить. И уж конечно, Олсон не походит на тех «стерильно здоровых американцев», над которыми подтрунивает Рокуэлл Кент. Олсон — олицетворение другой Америки — Америки мужественных, трудолюбивых, бескорыстных, мирных людей, так близких сердцу Кента.

Открывая книгу именем Олсона, Кент завершает ее словами, в которых звучит искренняя грусть прощания и с диким краем, и с самим хозяином Лисьего острова.

«Мы испытали (на Лисьем острове. — *Н. Б.*) жизнь такой, какой она должна быть, — безмятежной и здоровой. Вот она — любовь без ненависти, вера без разочарований, неограниченная свобода для трудолюбивых рук человека и полета его духа. Старый Олсон, умудренный жизнью, сильный, храбрый, благородный, при этом нежный, как ребенок, и его райский остров. О боже, и после всего этого снова на землю!»

Сознайтесь, читатель, вам также стало грустно от заключительных слов книги! Ведь и вы простились с этим суровым краем радости, свободы, мира, краем чистосердечных людей... Впрочем, не грустите. Рокуэлл Кент написал и другие книги, такие же честные, восторженные, наполненные ароматом мира и свободы. Прочтите их! Вы станете горячими поклонниками и писательского таланта нашего большого, искреннего друга — Рокуэлла Кента!

Н. Болотников

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга Рокуэлла Кента «В диком краю. Дневник мирных приключений на Аляске» («Wilderness. A journal of quiet adventure in Alaska») впервые вышла в свет в 1920 году в Нью-Йорке и Лондоне с предисловием Дороти Кэнфилд (Putnam, 1920, XVII, 217 p.). Позже она неоднократно переиздавалась в США и во многих европейских странах. На русском языке книга выходит впервые и без сокращений.

Перевод сделан З. В. Житомирской с американского издания 1937 года (Halsyon House. New York, 1937). С этого же издания сделаны репродукции рисунков автора для настоящей книги.

К главе II

¹ «Очерки об Индии» Кумарасвами. Видимо, автор подразумевает книгу «Танец Шивы. 14 очерков об Индии» индийского писателя и искусствоведа А. К. Кумарасвами (1877—1947).

«Дети воды» — книга английского писателя Чарлза Кингсли (1819—1875), написанная им для младшего сына. Это история маленького трубочиста, попавшего в мир существ, живущих в воде. Автор в форме сказки преподносит юному читателю сведения о природе.

«Эдда» — выдающийся памятник древнескандинавской литературы в прозаическом переводе.

«Путешествие Ансона». Книга английского адмирала Джорджа Ансона (1697—1762) «Voyage round the World» (Лондон, 1748).

«История ирландской литературы» написана ирландским филологом и поэтом Дугласом Гайдом (1860—1949).

«Горшок золота» — популярная в те годы фантастическая повесть ирландского поэта и романиста Джеймса Стефенса (1882—1950).

«Стихи» Блейка. Уильям Блейк (1757—1827) — английский поэт и художник, представитель раннего романтизма. В его лирике переплетаются социальные мотивы с романтической фантастикой, критика общественного зла — с мистицизмом. В гравюрах к «Книге Иова» и в рисунках к «Божественной комедии» Данте заметно стремление мистически толковать эти произведения.

«Жизнь Блейка» — популярная, неоднократно переиздававшаяся книга английского биографа Александра Гилкрита (1828—1861).

«Лесные жители», «Пещерные жители», «Морской народ» и т. д. — неточные названия книг для детей американской писательницы Кэтрин Дупп, популярно излагающей историю первобытных людей.

«Так говорил Заратустра» — произведение реакционного немецкого философа Фридриха Ницше (1844—1900), одного из идеологических предшественников фашизма. Некоторые взгляды и высказывания Ницше проникнуты ненавистью к народным массам.

«Книга океана» — труд американского биолога Эрнеста Ингерсолла (1852—1946).

«Альбрехт Дюрер», краткая биография. Альбрехт Дюрер (1471—1528) — великий немецкий художник, гравёр, крупнейший представитель культуры Возрождения в Германии.

«Вильгельм Мейстер». Имеются в виду две книги великого немецкого поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга Гёте (1749—1832): «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

«Во мраке ночи и во льдах» — книга выдающегося норвежского полярного исследователя и общественного деятеля Фритьофа Нансена (1861—1930), в которой рассказывается о плавании и дрейфе судна «Фрам» в высоких широтах Арктики.

К главе III

² «...прочел сагу о Деирдре». Одна из самых популярных ирландских сэг. Красавица Деирдр, просватанная в младенчестве за короля Конкобара и отказавшаяся впоследствии выйти замуж за старика, стала причиной кровопролития.

³ «...уполномоченный Гувера». Герберт Кларк Гувер (род. 1874) — реакционный политический деятель республиканской партии США. В 1919 году возглавлял АРА («Американская администрация помощи») — организацию, созданную якобы для оказания продовольственной и иной помощи странам, пострадавшим от первой мировой войны. Фактически же АРА занималась шпионско-подрывной деятельностью, боролась с революционным движением, укрепляя позиции американского империализма. Рокуэлл Кент иронизирует: их рацион питания на острове столь скромнен, что необходима была помощь АРА.

⁴ «Мне припомнилось, как в Монхегане...» Монхеган — маленький остров в Атлантическом океане штат Мэн, США), где Рокуэлл Кент некогда жил и работал.

К главе IV

⁵ «...ветками тсуги». Тсуга — род вечнозеленых деревьев из семейства сосновых.

⁶ Косатка, или кит-убийца (англ. killerwhale), — представитель дельфиновых из подотряда зубатых китов, хищник, питающийся мелкими дельфинами, ластоногими, рыбой. Свое название получил от спинного плавника, имеющего изогнутую форму косы или сабли.

⁷ В другой книге, «Саламина», Рокуэлл Кент рассказывает о Сьюарде и своих взаимоотношениях со сьюардцами. Кстати, там говорится и о результатах работы Кента на острове Лисьем:

«Так как он (городок Сьюард.— Н. Б.) находился на Аляске, то население его состояло из тех, кто приехал искать золото и не нашел его, из тех, кто нашел и истратил его, и таких, следующих за золотоискателями людей, как торговцы, содержатели отелей, содержатели борделей, содержимые в борделях и т. п. И все они дошли до последней крайности — были владельцами участков земли для застройки. Естественно, они объединились и образовали торговую палату, выпустили «литературу», выдвинули лозунг «Тихоокеанский Нью-Йорк». И так как им больше ничего не оставалось делать, то они надели на себя обрывки своих надежд и уселись на собственные хвосты в ожидании несмысленнейшей. Им было обидно, что я прошел мимо болота размером 25 футов на 100 на «Большом бульваре» и обосновался на острове. Думаю ли я, что там есть золото? Живопись? А это что такое? В худшем случае, решили они, я немецкий шпион, в лучшем — жалкий осел.

Кое-что из этих разговоров доходило до меня, но я не обращал внимания: я работал. Работу закончил почти через год. Запакował весь намытый мною «песок», приехал в город и стал ждать пароход. В портовом складе внизу стоял ящик с моим «песком» — большой ящик со всеми моими работами. На крышке я написал крупным шрифтом сумму, на которую застраховал груз: «Ценность — 10 000 долларов».

Пяльте глаза, банкроты, владельцы недвижимости! На земле есть золото там, где вам и не снилось. Они палили глаза» (Рокуэлл Кент. Саламина, М., 1962, стр. 224).

⁸ Ригель — горизонтальная, иногда наклонная балка или брусок в строительных конструкциях, каркасах.

К главе V

⁹ «Клаус большой и Клаус маленький» — сказка Андерсена.

¹⁰ «Френсису Галтону, исследователю человеческих способностей». Френсис Галтон (1822—1911) — английский биолог, основатель жевнауки об улучшении «человеческой породы» — евгеники, отрицавший возможность природного равенства людей и разделявший человечество на высшие и низшие расы. Рокуэлл Кент упоминает имя Галтона, намекая на то, что последним была разработана методика тестов и аппаратура для проверки различных способностей человека и, следовательно, рассуждения мальчика могут представлять для него интерес.

К главе VI

¹¹ «...панический страх перед заговором ИРМ». ИРМ (Индустриальные рабочие мира) — профсоюзная организация США, сыгравшая большую роль в истории американского рабочего движения. С 1910 по 1916 год ею проведено более 120 стачек, в которых участвовало свыше 300 тысяч рабочих. В период первой мировой войны она возглавляла ряд массовых антивоенных выступлений американского ра-

бочего класса, разоблачала предательскую деятельность реакционных профсоюзных лидеров.

К главе VII

¹² Об Альбрехте Дюрере см. прим. 1. В 1520 году А. Дюрер совершил поездку в Нидерланды. Дневник, который он вел во время поездки, дает интересные материалы для характеристики взглядов художника и нидерландских нравов того времени. Цитируется по русскому переводу книги: А. Дюрер. Дневники. Письма. Трактаты. Т. 1, Л.—М. Изд-во «Искусство», 1957, стр. 110.

¹³ «...об известном убийстве Кастера». Речь идет о сражении американских федеральных войск с индейцами племени сиуксов 25 июня 1876 года на берегу реки Литл-Бигхорн. В сражении погиб командующий вооруженной экспедицией офицер Джордж Армстронг Кастер.

К главе VIII

¹⁴ «...нарядить Олсона Санта-Клаусом». Санта-Клаус — Дед Мороз.

К главе IX

¹⁵ «...средняя январская температура в районе Сьюарда 16°». Для измерения температуры Рокуэлл Кент пользуется принятой в США шкалой Фаренгейта. В переводе на шкалу Цельсия это составляет около девяти градусов ниже нуля.

¹⁶ «Читаю Заратустру». Книга «Так говорил Заратустра» (см. прим. 1) пользовалась в то время значительной популярностью. Из текста видно, что Кента привлекала преимущественно внешняя эмоционально-образная сторона произведения, идеи которого он истолковывает по-своему. Его сверхчеловек рвется ввысь не для того, чтобы попирать себе подобных; у Кента это символ стремления каждого человека достигнуть высшего развития собственных духовных сил (см. стр. 93). Звучащим иногда индивидуалистическим ноткам можно найти объяснение в других местах дневника: художнику трудно дышать в атмосфере лихорадочной борьбы за наживу, бессмысленной жажды накопления, и «чернь», о которой говорит здесь Кент,— это люди, находящиеся в рабстве у ненавистного ему капиталистического общества.

К главе XI

¹⁷ «День вступления на пост нового президента...» Видимо, речь идет о вступлении в должность на второй срок президента Вудро Вильсона (1856—1924), реакционного политического деятеля демократической партии США, которого В. И. Ленин назвал «главой американских миллиардеров, прислужником акул капиталистов». Рокуэлл Кент иронизирует по поводу того, что такое знаменательное событие для них не имело никакого значения.

¹⁸ «...такие старомодные лозунги, как «Жизнь, свобода и стремление к счастью», «Управление только с согласия управляемых». Это лозунги из «Декларации независимости США», принятой в 1776 году.

¹⁹ «...точно зубы волка Фенриса». Волк Фенрис — мифологическое чудовище из скандинавского эпоса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора к первому изданию	7
Глава I. Находка	9
Глава II. Прибытие	16
Глава III. Домашние дела	39
Глава IV. Зима	59
Глава V. Ожидание	72
Глава VI. Поездка	87
Глава VII. Дома	93
Глава VIII. Рождество	113
Глава IX. Новый год	126
Глава X. Олсон	151
Глава XI. Сумерки	165
Послесловие редактора	180
Примечания	187

КЕНТ, РОКУЭЛЛ

В ДИКОМ КРАЮ. Дневник мирных приключений на Аляске. Пер. с англ. Э. В. Житомирской. Ред., послесл. и примеч. Н. Я. Болотникова. Рис. автора. М., «Мысль», 1965.

191 с. с илл. (Путешествия, приключения, фантастика).

91 (И7)

Редактор *Г. Е. Матвеева*

Младший редактор *Э. В. Кирьянова*

Художественный редактор *И. М. Андрианов*

Технический редактор *Э. Н. Виленская*

Корректоры *Ю. А. Старикова, Г. И. Замани,*

П. И. Чивикина

Сдано в набор 17/XII 1964 г. Подписано в печать 9/IV 1965 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бумажных листов 6. Печатных листов 10,96. Учетно-издательских листов 8,44. Тираж 97 000 экз. Цена 62 коп. Заказ № 1724.

Св. темплан обществ.-полит. лит-ры 1965 г. № 891

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Главполиграфпром Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Отпечатано в Ленинградской типографии № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького, Гатчинская, 26, с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова, Москва, Ж-54, Валовая, 28.

62.000

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO